

**Международная академия методологии
государственного управления
МОО
Всероссийское общественное движение
«Социальная справедливость-будущее России»
ВОО**

Предтеченский В.В.

Диалектика социального развития: диалектический базис

Для изучающих марксизм

Том 53(95)

Москва – 2018

Научное издание
Международный межведомственный научный сборник

Том 53(95)

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства
массовой информации: серия КВ № 6

ББК 67.9 (4 УКР) 49

УДК 343.37 (78)

Рекомендовано к печати

Экспертным Советом

Международной академии методологии государственного
управления 13 июня 2018 г., протокол № 3

Диалектика социального развития:
диалектический базис. Предтеченский В.В. /
Гл. ред. Комарова А.И. Том 53(95). М., 2018.

ISBN978-5-91578-013-52

Для сотрудников государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, политиков, ученых, специалистов-практиков, студентов, аспирантов и преподавателей высших и других образовательных учреждений, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания человеческого общества-общества социальной справедливости в России и в Мире.

©Международная академия методологии
государственного управления, 2018.

© Предтеченский В.В., 2018.

Настоящий Том 53(95) – это очередной выпуск 95 - томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Прогрессивные идеи должны работать пока не станут практикой улучшения жизни общества.

А.Комарова

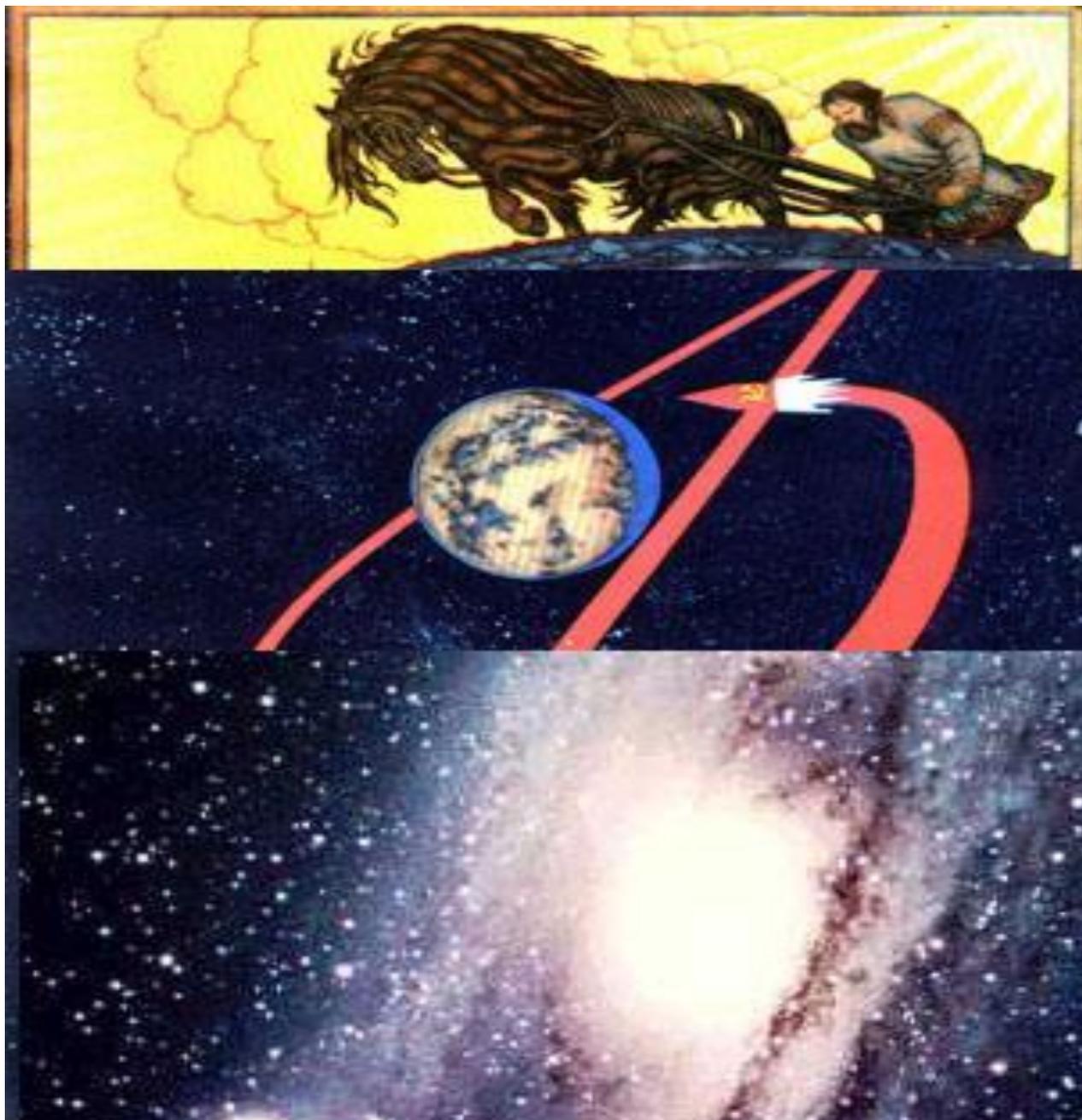
Предтеченский Валерий Вениаминович - руководитель отдела информации ВНИИ «Электропривод» (1969-1973гг.), главный энергетик вуза МИТХТ (1997-2011гг.), академик Международной академии методологии государственного управления

Отвернуть от катастрофы наш социальный “самолёт” - человечество - способны лишь марксисты, владеющие диалектической логикой как грамотный лётчик штурвалом. Марксисты обязаны держать курс – на Коммунизм!

Предтеченский В.В.

Диалектика социального развития:
диалектический базис

Аннотированные разделы :

Предисловие.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ БАЗИС

1. Определение смысла существенных противоположностей предмета. Материальное и идеальное свойства предмета суть его предельные внутренние отличия - существенные противоположности, т. е. противоположные свойства, существенно определяющие предмет и друг друга.

2. Аналогическая интерпретация. Сопоставление взаимообуславливания существенных противоположностей в электрической цепи и в общественном производстве.

3. Графическая интерпретация. Определение базисного поля, как “функциональной плоскости”, определяемой её существенными противоположностями. “Таблица сопоставления противоположностей некоторых предметов”.

4. Параметрическая интерпретация. Всякое состояние (момент) предмета определяется соответствием ему его исходных параметров, т. е. величиной материального и идеального его свойств, противоположностей. (На примере электроцепи выявляются исходные и производные параметры в единичной точке – моменте - на характеристике предметного существования.)

5. Параметрическая интерпретация общественного производства. Параметрические классы. “Симметрия” параметров общественного производства. Классы способов (фаз) общественного производства, т. е. формации, Способы производства (с большой буквы). Дается четырёх-формационная (Первобытный коммунизм, Рабовладение, Капитализм, Цивилизованный коммунизм) классификация общественного развития по соответствию друг другу существенных противоположностей производства (т. е. соответствию характера производительных сил характеру производственных отношений).

6. Базисный цикл воспроизводства предметных моментов. Триадная система предметного воспроизводства. Три канонических момента предметного существования и развития: “Всеобщность - Особенность - Единичность” (Гегель); или: Источник (Возможность, Идея, Идеальность, Потенциал) - Действие (Действительность, Продуктивность, Дееспособность, Процесс) - Результат (Материальность, Вещественность, Материя, Вещь). Продуктивный ход предметного самопреобразования: из идеального, через действующее, к материальному состоянию (моменту). Отрицание отрицания: замыкание продуктивного самопреобразования предмета непосредственно из материального момента в идеальный - триада предметного воспроизводства.

7. Дифференциация воспроизводственных моментов (триады триады). Вторая дифференциация предметного воспроизводства. Построение триадной предметной воспроизводственной, замкнутой структуры с внутренними прямыми и обратными связями-воздействиями.) Рекомендации для **формирования базиса коммунистических инициативных групп и организаций.**

8. Диалектика труда. Базисные средства производства. Вторая дифференциация трудового воспроизводства. Построение трудовой системной триады триад. Выявление средств производства, т. е. средств для осуществления действительного момента труда, Производство. Выявление базисных моментных тандемов, соответствующих воспроизводственным ячейкам коммунистического, капиталистического и рабовладельческого Способы производства (формаций). Собственность на средства производства и общественные классы.

9. Диалектическое восхождение социального развития. Формации и фазы.

9.1 Сопоставление двух основных диалектических систем - открытой и закрытой. Открытая система - перманентно развивающаяся, с циклическими тенденциями. Закрытая система - воспроизводственная с “жестким” замыканием цикла.

9.2. Социальные системы. Условия и критерии социального развития.

9.3. Матриархат - Первая мировая социальная революция. Деграция биологического вида инстинктивно-трудовых (индивидуально-производственных) архантропов при потере самками эструса. Возникновение человеческого рода путём запрета кровных браков в архантропной стае. Тандем: “Рабочая сила - Производство”. Мезолитическая революция.

9.4. Патриархат (“бархатная” революция). Истощение жизненных ресурсов среды первобытного обитания и возникновение патриархального кочевого хозяйства. Социальная революция “по согласию”. Неолит.

9.5. Территориальная община - первый коммунистический Рай. Женская “контрреволюция” и союз осёдлых родов. Первобытная цивилизация и образование праславянской нации. Энеолит.

9.6. Тоталитарный аристократизм - первая фаза Рабовладельческой формации. Вселенская катастрофа (“Всемирный потоп”) и формирование кочевых орд. “Мёртвые-живые” и порабощение основных очагов праславянской родовой цивилизации. Образование новых этносов и институт государственного рабовладения. Возникновение хозяйственного тандема: “Рабочая сила - Продукт труда (товар)”. Формирование политической надстройки. Бронза.

9.7. Демократическое рабовладение. Дворцовые перевороты. Демы (как родовые хозяйственные ячейки - дома) и взятие власти родовыми управленцами рабов в союзе полисов античной Греции. Возникновение латинской республики Рима путём порабощения последней в античности Территориальной общины - цивилизованной “этрусской” (праславянской). Римская империя рабовладельческой демократии. Расширенная торговля людьми. Внедрение железных изделий.

9.8. Феодализм. Крепостное рабовладение. Борьба Моравии с римскими рабовладельцами и организация походов охранных кочевников (готов, вандалов, гуннов) на Рим. Основание патриархальных королевств с “освобождением” народа (в том числе и рабов) под власть новой кочевой аристократии, завоевателей. Образование западноевропейских этносов. Развитие института частной собственности через внедрение христианства. Возрастание роли Продукта труда, как товара. Машины (на скотской тяге).

9.9. Мелкотоварное предпринимательство - первая фаза Капиталистической формации. Возникновение частно-феодальных, “купеческих” и бюргерских (буржуазных) предприятий с целенаправленной закупкой специалистов у феодала. Распространение частного предпринимательства и торговли под эгидой феодализма. Религиозные революции и становление капиталистического хозяйственного тандема: “Производство - Продукт труда (товар)”. Семейное предприятие, как хозяйственная единица общества.

9.10. Отраслевой монополизм - Империализм. Ликвидация феодальной опеки и взятие власти крупными капиталистами - открытие створов отраслевой монополизации. Капиталистические империи, Империализм. Захват Великими державами мировых рынков сбыта - империалистическая глобализация. Буржуазная демократия. Широкий рынок “свободной” рабочей силы. Отраслевая система мирового империалистического правления.

9.11. Государственный монополизм - Буржуазный социализм.

Первый (тупиковый) вид. Националистическая, военизированная консолидация отраслевых монополий страны в целях мирового господства. Монополизация государственной власти фикс-идеологами национальной исключительности превалирующего населения страны для подавления и уничтожения “недочеловеков”. Расширенное гос.рабовладение. Национал-социализм (фашизм). Экс-территориальная производственная система.

Второй вид. Интернационалистическая иерархическая, отраслевая структуризация народного хозяйства при государственной собственности на материальные средства производства и процесс (управление) производства. Всеобщая пролетаризация (вплоть до

гос.рабовладения - в тюрьмах, лагерях, колхозах), с усиленной эксплуатацией превалирующего населения страны. Возникновение нетоварного обмена в сфере производства средств производства. Территориально-производственная система.

9.12. Территориальное самоуправление. Система общественно производственной коммунизации - первая фаза Цивилизованной коммунистической формации. Научная ветвь человеческой истории. С формированием государственно-монополистических (таких неживучих) систем стихийная история человечества заканчивается. Далее следует ... подготовка научных методов социальной революции. Внедрение производственного самоуправления (как наиболее выгодной организации исполнителей) на частных и др. корпоративных предприятиях с помощью научно подготовленных инициаторов коммунизма. Взятие ком.инициаторами власти и утверждение государства диктатуры пролетариата. Наладка системы самоуправления народа, внедрение эквивалентного регионального трудового обмена, ведение экономической политики межрегиональной гос. дотацией. Резко восстанавливаются жизненные ресурсы Земли и формируется система космической защиты. Экс-территориальная система производственной коммунизации.

9.13. Региональная органичность. На базе диалектико-марксистского развёртывания социальных и технических наук, способных увязать различие региональных формирований коллективного дохода, исчезают последние субъективистские элементы дотирования средств воспроизводства рабочей силы и материальных средств производства. Общественное (и всеобщее-человеческое) воспроизводство обретает научный скелет в целом. Создаётся заселённый околоземный космический щит. Меж-региональная система воспроизводственной коммунизации.

9.14. Глобальная гармонизация. Высшая фаза коммунистического и земного социального развития. Освобождение личности от любых форм её эксплуатации, в том числе и само-эксплуатации. Наука направляется на формирование прочного, гармоничного земного базиса для освоения человеком “дальнего” космоса. Заселяется “ближний” космос. Глобальная воспроизводственная система.

Предисловие.

Коммунистическое учение, направленное в научное русло классиками марксизма, развивалось, конечно, и после их смерти. Однако фактически (по многим причинам) коммунистами игнорировались развитие и использование гегелевской диалектико-логической канвы марксизма. Поэтому они вынуждены были развивать это своё учение догматическим приложением мудрых марксистских цитат (и “контекста”) к изменившимся социальным условиям. При этом сложность и неоднозначность возникающей социальной обстановки должна была прямиком привести к развалу коммунистической школы на отдельные секты.

Поэтому ныне, ввиду резко обозначившейся дисперсности марксистской идеологии, для обучения марксистов марксизму - как Курсов повышения их квалификации - уже невозможно напрямую использовать лишь классические источники. Мало чему научат и публикации “диаматных” авторов буржуазного социализма (гос.монополизма) СССР, стран народной демократии, ещё менее - “развитых” стран отраслевого монополизма (империализма). Никто, включая Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, не имел возможности для анализа и критики (исследования) диалектическим методом государственно-монополистического способа производства и не мог реально обрисовать ни структуры коммунистического общественного воспроизводства, ни самого метода разработки этой структуры (диалектического метода).

Все усилия инициаторов освобождения пролетариата от буржуазной эксплуатации, если они лишены знаний строения и метода построения человеческого Будущего, коммунистического способа производства, обречены на провал. А осуществление социально-

политических переворотов без предварительного научного проектирования цели переворота бесполезно и аморально.

Задачей буржуазно-социалистической философской школы СССР и стран народной демократии, и про-СССРовских “коммунистов” Запада, была догматико-марксистская апологетика “советского” строя, причем, с ложным по форме (и пустым по существу) наименованием доминирующего способа производства в СССР - Социализм (естественно, без приставки “буржуазный”) и даже Первая фаза коммунизма. Поэтому все конструктивные предложения “советской” социологической науки были ошибочны.

Западные “левые”, ослепленные бытовым техническим прогрессом своих стран, как не шли, так и не идут дальше критики социально-политического устройства СССР. Шагая в ногу с буржуазно-демократическим опошлением и извращением относительно прогрессивных государственно-монополистических идей (буржуазного социализма), они не предлагали и не предлагают взамен ничего рационального. Глаза их на перспективу социального развития закрыты плотнее, чем у апологетов СССР.

В результате горбачёвской “гласности” и последовавшей за ней ельцинской социальной контрреволюции появилось множество идеологов и идейных направлений, но, к сожалению, прогрессисты, напуганные приходом к власти частных капиталистов, думать о коммунизме и о диалектическом методе его построения “забыли” (как по команде). Прежние социальные разработки “независимых” “советских” авторов также ориентировались - на империалистический технический (а также на социальный буржуазно-демократический) прогресс. Социального же прогресса в “советской” стране вообще не узрели, как не увидели и реального хода истории - к коммунизму. Старая “советская” социологическая школа заслуженно потеряла народный кредит и приказала долго жить, а новые (особенно - очень жизнеспособные) идеи кредитовать никто не собирается. Нынешний Временной момент является критическим: капитализм “работает” на техногенную катастрофу. Так что всё современное многомиллиардное человечество, со всем своим прогрессом и регрессом, висит на волоске энтузиазма одиночек.

Ведь мало кому, “в поле воину”, повезет изо дня в день жить “абстрактными” проблемами будущего, “нарабатывая материал” методик пролетарской организации, и быть альтруистом в эгоистической общественной среде, стараясь при этом не особенно выделяться среди прочих рвачей-обывателей, раз за разом переживая свои ошибки и предательство друзей. Но кому-нибудь, уверен, повезло. А собрать “до кучи” и увязать в систему одиночные научные разработки по осуществлению коммунистической революции - дело времени, если хорошо поработать.

С другой стороны, само слово “Диалектика” ещё никто не запретил, как, например, запрещали слово “Общество” при российском императоре Павле Первом. Законы диалектики продолжают упоминаться даже в “новых” учебниках и энциклопедических словарях, причём, в традиционном стиле изложения. Сама диалектика трактуется как наука о наиболее общих мировых законах. Так что никаких особых “переворотов” в сознании вовсе не требуется.

Однако традиционный “стиль” грешит иудейско-торгашеским приёмом: бог отдельно - дьявол отдельно. Т. е. общие, диалектические законы - сами по себе, а частные, практические, - соответственно, - сами по себе. Если же не мириться с этой “традиционной” глупостью, то можно быть уверенным: общие законы потому и общие, что ими выражаются все частные законы. Т. е. частные законы столь же диалектичны, сколь и общие.

Предлагаемый Курс повышения марксистской квалификации в диалектике не основывается на истории и критике ретроспективных философских школ. Ещё меньше смысла в личностных инсинуациях нынешних историков-прагматистов, мнящих себя “философами”. Не повторяет этот Курс и гегелевского Учения о бытии. Материальная человеческая практика накопила уже достаточно приёмов использования диалектики. Во

всяком случае, диалектическую “наивность” (интуицию) у рабочих и коммунистов не отнять. И каждый марксистский источник дышит диалектикой, как и вся история философии. Это дыхание нужно только услышать и понять - диалектико-логически. Поэтому нет смысла, как это делал Гегель, начинать от “прописей”, ведя за ручку полуграмотного (с современных позиций) читателя.

Т. е., данный Курс рассчитан на уже подготовленных в марксизме, знакомых с основными разработками Маркса, Энгельса, Ленина, активистов освобождения трудящихся от эксплуатации. Поэтому здесь опущены все цитаты, “подтверждающие” диалектический метод, который сам обязан подтвердить рассуждения и выводы классиков марксизма.

Другими словами, начинающий “курсант” изначально должен быть уверен в необходимости определённой, оформленной диалектической логики для марксистских, коммунистических социальных преобразований. Только с помощью этой логики марксистский активист будет способен вырабатывать конкретные, практические методики необходимые и понятные рабочему классу, вообще, и рабочему, производственному коллективу, в каждом отдельном случае.

Первая (базисная) часть Курса, “Диалектика”, предназначена для освоения марксистами всеобщих диалектических понятий, т. е., диалектической двойственности всякого предмета в поле его существования и вытекающей из этой двойственности причинно-следственной (детерминирующей) тройственности воспроизводственных предметных моментов. С освоением этих базисных понятий уже раскрывается мировая логика, чем снимается догматический (цитатный) подход к изучению классического марксизма и проясняются гуманистические цели и задачи последнего. Тем самым современный марксист (- догматик, - начётчик) превращается в научного марксиста - практического строителя прогрессивного Будущего - реального гуманиста.

Во второй части предполагается показать развитие диалектической двойственности в тройственность противоположностей живого предмета, дать собственно диалектический инструмент социально-научного оперирования. Третьей частью предполагается структурно раскрыть марксистскую цель - коммунистический способ производства.

I.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ БАЗИС

Под термином “базис”, обычно понимают основу - то, на чём держится всё строение. Но вот в алгебре логики это важное понятие уточняется как “минимально полная система функций, т. е. такая полная система функций, удаление из которой любой функции делает систему неполной”. (См. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. 1972.)

Таким образом, Диалектический базис тогда и только тогда держит мировое строение, когда он выражается минимально полной системой функций. А поскольку диалектика есть система наиболее (т. е. предельно) общих законов, то и минимальное количество функций предельно выразится двумя из них, а именно: **полаганием** и **отрицанием**, согласно существованию всякого предмета вообще, - вот, он есть, а вот, его и нет.

Полагание.

Диалектическая целостность (теорема) :

Диалектика есть единственный способ существования объективного целостного предметного мира в его собственных противоположных (т. е. предельно отличных друг от друга) свойствах-определениях.

Диалектическая целостность = диалектической двойственности.

Отрицание.

Диалектическая двойственность (теорема) :

Диалектически противоположные (т. е. предельно отличные друг от друга, вплоть до отрицания друг друга) свойства взаимно обуславливаются в своём предмете.

Диалектическая двойственность = диалектической целостности.

Таким образом, начало диалектического курса состоит в доказательстве представленных теорем: начало - в двойственности.

1. Определение смысла существенных противоположностей предмета.

Фраза: “Всякий объективный предмет существует” - хороша, но тавтологична, поскольку объективный предмет – это именно тот, который существует; существует, конечно, независимо от нашего мнения о нём и до того (пред тем), как мы его заметили. Чуть расширив это объективистское положение, можно сделать вывод, что объективный предмет постольку существует, поскольку он живёт своей жизнью, а “мёртвые предметы” не существуют. Они не бывают. Их нет.

Ученые же, исследуя предмет, мысленно останавливают, омертвляют его (иначе исследование не осуществится), сначала анализируя (по частям), затем синтезируя (в целое). Однако, “остановив”, они не спешат “запустить” его, объективного, вновь, оставляя (в своём учёном сознании) омертвленную “целостность”. Мертвый “Предмет” у них - отдельно, живая его “Функция” - отдельно (как будто это мухи и котлеты). Так и фигурирует предмет как “данный”, “заданный”, “предзаданный”, но почему-то, как правило, не функционирующий, а следовательно, не существующий объективно. И ученые мужи, и даже просвещённые девы написали по этому поводу много агностических (по существу), метафизических (по определению марксистов и Гегеля) теорий, ничего общего с объективной действительностью не имеющих.

Существование всякого предмета обусловлено его свойствами. Их в предмете не сочтёшь. И все они друг от друга так или иначе отличаются. Но определяют существование предмета существенные, т. е. предельно отличные друг от друга свойства. Противоположности. Их, - в пределе, - две. В объективной действительности предметные свойства, определяющие целостность, взаимосвязаны и взаимообусловлены предметными же свойствами движения, действия, функциональности, развития – т. е. **идеальности**. Всякий объективный предмет определённо живёт.

Но давно уже появились метафизические теории, выступающие под разными красивыми (и не очень) наименованиями. И претендуют они на прекрасные звания: “Философия”, и (даже трудно себе представить, но) - “Диалектика”. На громадных стеллажах библиотек размещались тома СССР-овских философов с диалектическим штампом на обложке, абсолютно ничего не давшие социальному и техническому развитию человечества. Даже ленинские философские работы, на которых и основывались соц. апологеты, грешат метафизичностью. (Мы не выискиваем виновных, не принижаем и большевизм, мы исследуем факты подготовки революционной коммунистической науки.)

Так, в одном месте Ленин делает верное для себя открытие, что диалектика есть тождество противоположностей. Но в другом месте он выявляет эти противоположности путем разрезания предмета сугубо метафизически - пополам (и, естественно и соответственно, на много “сторон”). С такой “диалектической” логикой имеем следующие “противоположности”:

- плюс ↔ минус
- интеграл ↔ дифференциал
- анализ ↔ синтез
- черное ↔ белое
- начало ↔ конец (два конца)

и проч., проч. Т. е. разные антиподные предметы (действия) или формально противоположные точки какого-то предметного свойства выдаются за диалектику.

СССР-овские авторы, будучи законодателями “диамата”, пытались лишь преуспеть в ленинских ошибках, поскольку раскрывать сущность, истину (как есть) было не в их правилах.

Поскольку они работали не иначе как на буржуазный социализм, государственный монополизм - высшую (как увидим ниже) фазу общественного развития, но в капиталистической формации, постольку дальше предметного омертвления их "марксистские" выводы не шли. Эти выводы о неизбежности высшей формы эксплуатации человека человеком вполне устраивали "вождей трудового народа".

Т. е. не функциональное, не действующее (не действительное!), не развивающееся существование предмета в зависимости от противоположных его свойств, а мертвые комбинации различных явлений назвали “диалектикой”. Эту вину наших отцов приняли мы. Нам и снимать. Диалектическим порядком.

Итак, поскольку наш объективный предмет существует, то и противоположности его должны определять предметное существование, быть существенными. Тогда и сам существующий предмет определит свою способность к развитию, к движению, к функционированию, т. е. к существованию. И отличие этих противоположностей друг от друга должно быть не формальным лишь, а существенным, т. е. предельным отличием в данном предмете. Прежде всего, предмету присуще быть целостным, т. е. иметь какую-никакую определенную форму, т. е. он обязан материально выразиться, быть материальным в той или иной степени. Но в не меньшей степени каждый предмет несет в себе самом и противоположное свойство - свойство отрицания своей сути, преобразования в иное своё состояние. Другими словами, каждый предмет сам несет в себе идею себя иного.

Стремление предмета законсервироваться в своей сугубой определенности, материальности, и одновременное стремление предмета снять с себя эту материальность во имя материальности будущей, иметь идею, вид на будущее, - эти два противоположные по существу свойства определяют и себя, и собственно предмет. Именно поэтому предмет живёт.

Материальное и идеальное противоположные свойства настолько отличны друг от друга, что между ними невозможно провести никакой аналогии; они не подлежат сложению друг с другом, а могут лишь находиться друг с другом в отношении (прямом или обратном - делении или умножении). Эти свойства совершенно не самостоятельны друг от друга (т. е. не существуют одно без другого), и они взаимно обуславливают друг друга.

Материальное и идеальное свойства предмета суть его предельные внутренние отличия - существенные противоположности, т. е. противоположные свойства, существенно определяющие этот предмет и друг друга.

Дабы этот постулат обратить в закон, нужно иметь представление об использовании существенных противоположностей на практике.

2. Аналогическая интерпретация.

Представлять себе существенные противоположности предмета можно разными способами. Первый мы уже применили: логическое доказательство. Этот способ, классически гуманитарный, имеет и классический недостаток в том, что всякое словесное доказательство неодинаково воспринимается тем или иным “респондентом”. “Слова у нас, от самого важного, ... линияют как платье” и пачкаются иными смысловыми значениями в зависимости от многих причин, особенно - от демографических, клановых и классовых. Часто слушатель (или читатель) вовсе не следит за логическим ходом доказательства, уже имея к какому-либо слову или фразе устойчиво негативное отношение.

Помогают же преодолеть устоявшиеся “негативы” примеры из “практической жизни”, т. е. аналогии. Для диалектической аналогической интерпретации нужно выбирать такие предметы, в которых было бы всё элементарно, так чтобы в них не было “завязок” с иными

предметами, чтобы хоть немного пощадить “силу абстракции” читателя (курсанта) и не потерять его внимания к предмету.

2.1. Пример, известный среднему ученику средней школы - это **простейшая замкнутая электрическая цепь**. В ней всё элементарно. Элементарны материальные носители зарядов. Элементарно и приложенное к цепи напряжение. И если материальные электроносители (например, “свободные электроны”) сугубо консервативны и очень “любят” стабильный хаос покоя, то уж “нематериальное” (кавычки пока оставим) идеальное электросвойство - напряжение (пустая разность потенциалов) - целиком “ответственно” за перенос электроносителей (ток) из одной точки среды в другую (или для её преобразования) и находится в зависимости от величины разности потенциалов (как и от количества, массы свободных электроносителей в электросреде).

Величины напряжения и тока должны чётко соответствовать электрической среде для целевого функционирования последней. Причём, сами по себе данные электро-противоположности (в предельном своем выражении) находятся на границе существования электроцепи. “Приложенное” напряжение (как электродвижущая сила) - продукт электрохимического, электромеханического, механического и прочих процессов (предметов). Движущиеся электроны (ток) переходят в электромагнетизм или вообще вылетают из цепи. Но для самого предмета, замкнутой электроцепи, ток и напряжение суть существенные и функциональные, взаимообуславливающие и противоположные свойства. Ток всегда идет под напряжением, напряжение всегда выражается током.

2.2. Другой пример (которым свободно владеют более-менее образованные марксисты) - это **общественное** (и иного не может быть, как бы ныне ни пытались доказывать обратное) производство. В нём тоже всё элементарно. Элементарны производственные носители - **материальные производительные “силы”** (квалифицированные человеческие личности, обладающие соответствующими орудиями производства). Не менее элементарны и **идеальные производственные отношения**, построенные на элементах “да-нет” (относительно материальных средств производства), т. е. “моё - не моё” (на время, конечно, приложения этих производственных отношений).

Сложность и рациональность (качество) системы “моё - не моё” определяет уровень производственных отношений, который должен соответствовать общественной производственной среде, сложности и мощности орудий производства и их систем. И если личности и их орудия производства сами по себе хаотичны, неопределенны и консервативны (представляют собой нуль производительных сил, аналогично “облаку свободных электронов”, являющихся нулём электротока), то производственные отношения только и существуют для того, чтобы организовать и направить производительные силы, чтобы производство ожило и стало упорядоченно целенаправленным, развивающимся. Что делает из “нулей” производственную единицу.

Эти два примера, однако, не совсем аналогичны друг другу. В отличие от напряжения электроцепи (с “активным”, ненакапливающим потребителем), которое “гоняет” электроны по кругу (или колеблет на месте), оставляя их неизменными, производственные отношения, заставляя работать производительные силы, заставляют их и “расти над собой”, качественно преобразовываться, развиваться. И до такой степени, что в один прекрасный момент производственные отношения становятся оковами производительных сил. Производство начинает работать с перебоями и, в конце концов, останавливается, определяя этим социальный кризис развития.

Электрически отображать производственный процесс все-таки можно, но гораздо более сложной электрической цепью. Примерно так и поступали ранее при моделировании экономики аналоговыми (замененными в дальнейшем электронно-вычислительными) программами. Однако сама электроцепь ещё не дает полного диалектического представления. Наоборот, само диалектическое представление облегчает человеческие

понятия предметов, в том числе и электротехнических, и, что ещё более важно, - экономических, т. е. хозяйственных, т. е. производственных.

3. Графическая интерпретация.

Чем люди образованнее (и взрослее, и “мудрее”), тем более они корпоративно специализированны. Многие (например, гуманитарные) специалисты не хотят понимать элементарной электротехники, хоть и общаются с ней, походя, круглыми сутками. Не стоит, соответственно, пытаться беседовать на тему производственных отношений с религиозным “специалистом”-фанатиком; а классовые и клановые фанатики ненамного умнее. Да и сам аналогический метод, как видим, способен дать осечку.

Поэтому интерпретацию диалектической двойственности имеет смысл дополнить математикой. К тому же сам Гегель хотел (да не вовремя погиб от холеры) диалектику выразить геометрией. Мы последуем этому его пожеланию, тем более что математике (и геометрии, в частности) учат всех, даже многих фанатиков. В диалектике очень важно, чтобы душа каждого человека, Исследователя, открылась объективности. Мы начнем с планиметрии, с плоскостной геометрии, где главное - это линия, как семейство точек. Наука-диалектика должна оперировать пределами (\lim), которые широко используются в высшей математике - в технических вузах. Однако и в средней общеобразовательной школе даются понятия о пределе (\lim). Кстати, само изучение диалектики весьма положительно влияет на человеческие понятия (и о пределе в том числе). И хотя не всякий марксист прилежно учился в средней школе, освежить свою память, ему не составит большого труда, если он почувствует в этом необходимость.

Точкой на линии можно выразить любую величину: относительно какой-либо иной (нулевой) точки на этой же линии определить любой параметр. Линией же легко выражается любое свойство предмета. Но только одно свойство, одно из свойств предмета. (Рис. 1)

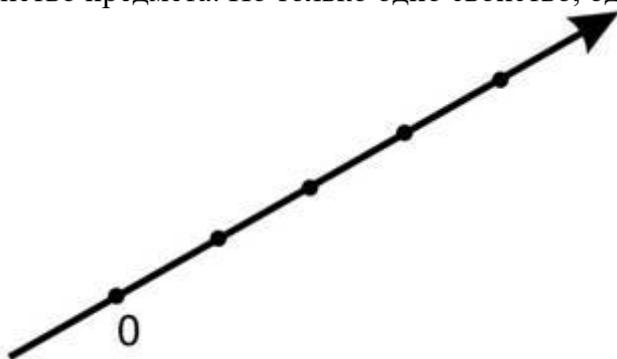

Рис. 1. Условная линия-вектор, параметрическая.

Предмет, однако, не может иметь лишь одно свойство, т. к. он не может быть односторонним (иначе, возникнет полнейшая предметная неопределенность). Следовательно, линией предмет выразить невозможно. Невозможно эту линию даже просто увидеть, кроме как в воображении (и то, тронутым шизофренией).

Вообще, линия есть граница раздела двух плоскостных сред. Она, в пределе, не имеет даже толщины. И "вне среды" её существование невозможно и бессмысленно.

Для определенного существования предмету необходимо функциональное поле (семейство сосуществующих линий). Самое первое (базисное) функциональное поле есть плоскость, которая как раз и определяется двумя пересекающимися линиями.

Представьте себе, что мы с вами сами живем во временной, тончайше-неуловимой плоскости: чуть позже - прошлое, чуть раньше - будущее. Зато настоящий момент времени одинаков для всех. И мы можем (и даже надеемся) в такой плоскости, летя во времени, счастливо существовать. Т. е. исследование существования предмета мы начинаем с двойственности, с двойственности существенных свойств, определяющих функциональную плоскость предмета.

Математическая плоскость, которая интересует нас в исследовании предметного базиса, тоже, как и линия, довольно абстрактна, поскольку не имеет толщины. В дальнейшем, при знакомстве с диалектикой самоуправляемых систем, эта "толщина", т. е. пространственное поле предметного существования, станет определяющей.

Нагляднее всего функциональное поле на плоскости изображается в декартовых координатах, т. е. пересечением в какой-либо точке (обычно, нулевой) под прямым углом двух векторных (направленных) линий - осей координат, границ предметных состояний. Координатные оси, как векторные линии, указывают направление возрастания и убывания определяющего функционального свойства, а вместе с ним и функциональные изменения (перманентные, прерывистые или скачкообразные), в целом.

При формировании функциональной плоскости "технари" обычно вправо откладывают возрастание материальных предметных свойств, а вверх "направляют" идеальный предметный рост. Такое расположение и направление противоположностей очень удобно, и оно достаточно полно и непротиворечиво раскрывает суть предмета и в обобщенном варианте.

Таким образом, всё базисное функциональное поле (плоскость) разбивается на четыре "квадранта", каждый из которых качественно отличается друг от друга. Если в первом квадранте обе оси координат положительны, то во втором и четвертом (следуя по часовой стрелке) они разнонаправленные, а в третьем - обе отрицательны. (Рис. 2.)

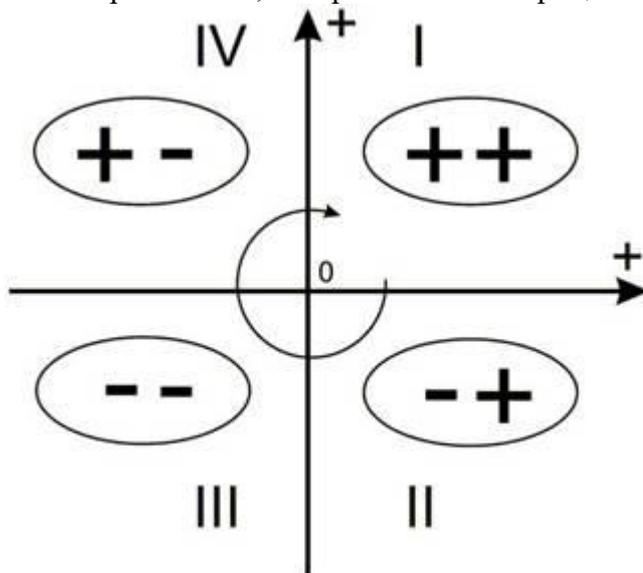

Рис. 2. Функциональная плоскость.

Для интерпретации всякой функции это имеет существенное значение (как увидим ниже). Отметим, что и оси, и квадранты, и вся плоскость "приходят" из бесконечности и "уходят" в бесконечность, создавая этим простор для деятельности и, особенно, исследовательского воображения.

В полученной плоскости можно нарисовать любую картинку, контуры которой будут похожи на внешность предмета в соответствующем ракурсе. Тогда полевые координаты и квадранты теряют свою актуальность. Но при изображении сущности, функционального состояния, т. е. действия (действительности) предмета координаты не просто важны, они должны предельно точно соответствовать друг другу и предельно отличаться друг от друга в данном предмете, как материальное его свойство от его же идеального. Тогда мы избежим ошибок в интерпретации диалектических противоположностей. (Рис. 3.)

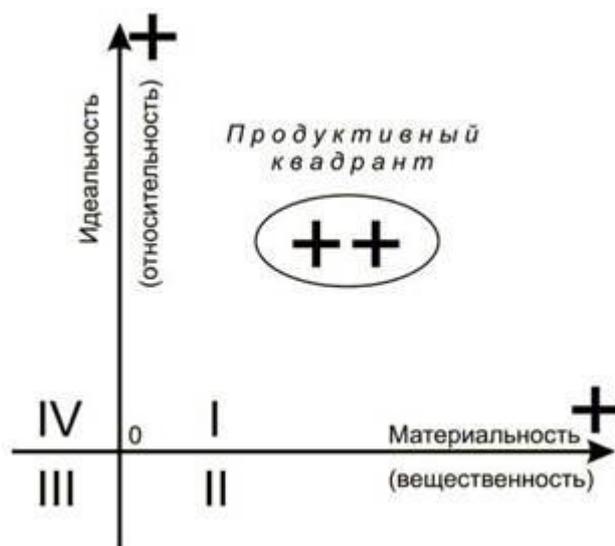

Рис. 3. Базисное плоскостное поле предметного функционирования, первое предметное отрицание.

Таблица соответствия противоположностей некоторых предметов.

Предмет	Материальность	Идеальность
Явление	Видимость	Сущность
Вещь	Форма	Содержание (со-держание)
Система	Строение	Структура
Производство	Производительные силы	Производственные отношения
Труд	Конкретный	Абстрактный
Электроцепь (участок)	Направление движения носителей заряда	Падение напряжения

Ошибки в сопоставлении существенных противоположностей предмета бывают различного рода.

Первая, и самая серьёзная, ошибка - в подмене понятия “противоположностей”, когда сопоставляют различные предметы, качественно отличные один от другого, но функционально разноплановые. Например: капитализм и социализм, коммунизм; буржуазия и пролетариат; всеобщность и единичность, особенность; объект и субъект; дифференцирование и интегрирование; анализ и синтез и т. д., качественно отличны друг от друга, но они не существуют друг в друге и своим взаимодействием не образуют иной функции, кроме разрушительной, прежде всего, - для человеческой логики.

Столь же грубая ошибка происходит от противопоставления подобных предметных свойств, лишь кажущихся предельно непохожими друг на друга. Это - плюс и минус (конец и начало); целое и части; сущность и содержание (правда, под последним понимают не иначе, как “содержимое”); видимость и форма (не говоря уже о чёрном и белом, о багряном с серпом и молотом и “триколоре” ...). Они, существуя в одном предмете, также не выражают друг друга функционально, а лишь фиксируют состояние одной из сторон.

И наиболее распространённая ошибка - в неразличении противоположных предметных свойств. Например, строения и структуры системы, вещественной формы и содержания и

др. И если в технической практике диалектические ошибки строго наказуемы, то в гуманитарных (человеческих, тем более, философских) науках такие свои огрехи люди защищают с пеной у рта, да ещё и греют на этом руки.

4. Параметрическая интерпретация.

Электрическая цепь.

Выше мы ознакомились с **материальным и идеальным предельными отличиями всеобщего предмета** и двух частных определённости: электроцепи и производства - тоже с материальными и идеальными противоположностями.

Далее, мы определились с графической интерпретацией базисной действительности, разбив её на четыре квадранта существования - качественно отличных предметных состояния. Если первый квадрант сугубо положительный, то три остальных, хоть в какой-то мере, отрицают предметную действительность – своей ино- (не-) материальностью или ино- (не-) идеальностью.

О "плюсах" и "минусах" и "нуле" координатных осей.

В математике нулевая точка на оси выбирается сугубо условно. Объективная действительность не может себе такого позволить, и она ограничивает зону предметного существования. Тогда нулевая точка возникает "автоматически", сама собой. С материальным положительным направлением всё ясно: рост массы, количества формальных определённости. Идеальный же "плюс" - это такой потенциал, который направляет движение предмета в продуктивную сторону, способствует материальному росту.

Поскольку нас пока интересует продуктивная предметная действительность, рассмотрим первый, положительный квадрант. Материальная ось в нём направлена вправо, идеальная - вверх. Предмет функционирует в поле квадранта. То или иное функционирование предмета определяется моментом (состоянием) предмета. Само это состояние (момент) определяется параметрами существенных противоположностей, т. е. отрезками (от нуля) координатных осей, из концов которых проводятся перпендикуляры до пересечения друг с другом в поле этого первого квадранта.

Всякое состояние (момент) предмета определяется соответствием ему его исходных параметров, т. е. величиной идеального и материального его свойств - противоположностей.

Данный вывод возможно применить к любому предмету в любом его моменте существования. Тем самым мы превратили выше обозначенный постулат в **закон диалектической двойственности функционирующего (действительного) предмета**. И нам, конечно, не терпится увидеть применение этого закона на практике.

Вновь обратимся к первому примеру: Электрическая цепь в базисных параметрах.

Вправо на плоскости откладываем значения "силы" тока, вверх - значения величины "приложенного" напряжения, т. е. строим оси исходных (базисных) параметров электрической цепи. (Рис. 4.)

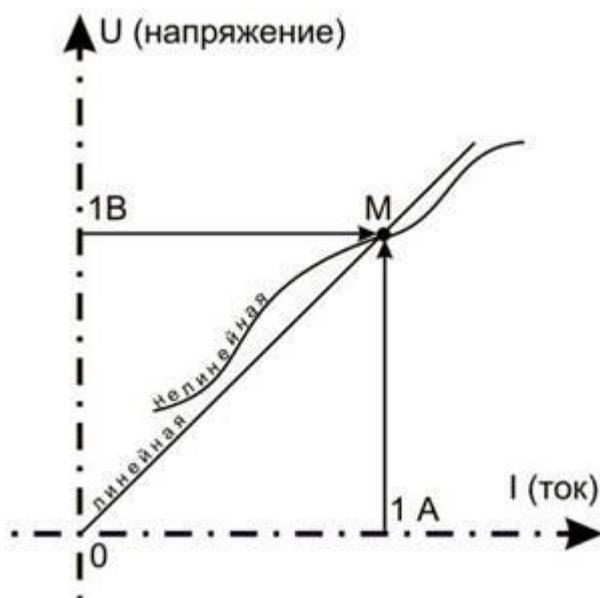

Рис. 4. Определение значений электрических параметров и характеристик

На этих осях отложим известные (или же условные) величины параметров, например, 1 Вольт (В) идеального и 1 Ампер (А) материального параметров (предположим, что именно такие значения и проявятся в реальной цепи, например, в лабораторных работах). На пересечении восстановленных перпендикуляров в поле функционирования электроцепи получим точку, момент (М) существования, действия этой цепи.

Функциональные (действующие) изменения соотношений (“функция”) тока (А) и напряжения (В) непосредственной эл.цепи, в электротехнике называется “вольт-амперной характеристикой”. Она вневременная, т. е. зависит только от двух своих существенно противоположных параметров. Эта характеристика считается функционально обратимой. Последнее, однако, не совсем верно, поскольку в замкнутой электрической цепи материальный ток задается идеальным “приложенным” напряжением, а не наоборот. А вот на участке цепи, где напряжение пассивно “падает”, здесь уже материальный ток задает функцию идеальному напряжению (падению напряжения).

Для того чтобы охарактеризовать существование электроцепи, с её базисными параметрами следует выполнить определенные арифметические действия. Складывать (вычитать) противоположные параметры мы уже себе “запретили”, но мы вольны их умножать (делить) друг на друга. Первый производный параметр - двойной: проводимость и сопротивление цепи. Он рассчитывается прямыми отношениями (делением друг на друга) идеального и материального (базисных) параметров. На практике, правда, используется, в основном, сопротивление (R) - отношение напряжения к току: $R = U / I$ (в соответствии с законом Ома). В то же время проводимость (g), выражающаяся $g = I / U$, имеет гораздо больше физического смысла, как количество электроносителей в площади поперечного сечения материала электроцепи.

Произведение (обратное отношение) наших параметров даст нам на бесконечной плоскости квадранта - “квадратик”, ограниченный отрезками: 0-1В, 1В-М, М-1А, 0-1А. Площадь этого “квадратика” определяет мощность электроцепи при имеющихся базисных параметрах. Т. е., в нашем случае, $1В \times 1А = 1ВА$ (Вольт-Ампер или Ватт). Или $U \times I = P$ (где P - мощность).

Этот производный параметр (мощность) электроцепи является как бы внешностной её характеристикой. Он показывает: величину способности электроцепи выполнить в единицу времени определенную работу, т. е. способность преобразоваться в нечто иное.

В выше приведенном примере соотношение тока и напряжения в цепи принято “один к одному” ($1В \times 1А = 1Ватт$), следовательно, сопротивление такой цепи также выразится

единицей: $1\text{В} / 1\text{А} = 1\text{ Ом}$. В “активных” “линейных” электросредах их величины сопротивлений в значительной зоне существования не зависят от базисных величин противоположностей (тока и напряжения). Тогда в цепи, “один к одному” ($R = 1\text{ Ом}$), каждому Вольту приращения напряжения будет соответствовать один Ампер приращения тока. Это - для полной, замкнутой цепи. И, наоборот, каждому Амперу приращения тока будет соответствовать один Вольт приращения “падения” напряжения - на участке электроцепи. В обоих случаях характеристика (вольт-амперная) существования электроцепи будет прямолинейная и исходящая из нуля (из точки с нулевым потенциалом и нулевым потоком электроносителей), вплоть, конечно, до критических значений, когда это становится опасным для электросреды и для субъекта-экспериментатора.

Параметрическая интерпретация существенных противоположностей (диалектики) привела нас к непосредственному предмету (в данном примере, к электрической цепи), определив его существенные, жизненные характеристики. Двигаясь дальше тем же методом, не составит большого труда выявить и некоторые другие параметры предметного существования, “практически необходимые”. Причем, предмет раскрывает своё существование вовсе не потому, что это является нашим произволом в практической потребности. Такая последовательность выявления предметной функциональности задается объективно, самим предметом, по мере его приближения к нашему сознанию (и преобразования его в нашем же сознании).

Это лишний раз подчёркивает, что **диалектика не есть отношение субъекта и объекта, объекта и объекта, наконец, субъекта и субъекта (“диалектика - вести беседу”), наоборот, это - взаимодействие внутри-предметных противоположных свойств, определяющих целое, развитие и внешние предметные воздействия, как самопреобразование в иное состояние.**

Анализ первого примера (простой замкнутой электроцепи) известен каждому школьнику-старшекласснику. Поймёт его без труда и заинтересованный “специализированный гуманитарий” (которому сама электротехника, в том числе и правила электробезопасности, - “до лампочки”). Интерес последнего, однако, должен состоять в поисках смысла общественного существования, главный, момент жизнеобеспечения которого - общественное производство. Для него (“гуманитария”) последнее и вынесем.

5. Параметрическая интерпретация общественного производства.

Параметрические классы.

Такие определения, как “группы”, “классы”, “параметры” - выдумал человек, и возможна масса иных наименований этих и подобных понятий. Может показаться, что объективному-то предмету все наши классификации совершенно безразличны. Следует сразу оговориться: **всё, что, выдуманное человеком, подчиняется объективным законам, есть открытия и выявление разумом объективной реальности.**

Об объективности и субъективности производства.

То, что человек непосредственно исполняет процесс производства, делает последнее сугубо субъективным. Но то, что человек не может не исполнять процесс производства без фатальных последствий - историчность производства - делает последнее сугубо объективным.

Этим мы впервые сталкиваемся с базисным и надстроечным полем существования предмета. До появления человека объективная реальность почти не проявляла надстроечного поля, где концентрируется вся управляющая воспроизводственная мощь. И именно со становлением рода, общества появилась возможность заведомо соразмерять действия свои и окружающей среды - разуметь мир. Вот с этих-то позиций и есть смысл противопоставлять качественно отличные предметы (субъект - объект), что, однако, очень и очень эклектично (связано с подменной понятий), ведь субъект - это тоже объект.

Параметры противоположностей определяют собою не только предмет, но и класс предметов. Существуют классификации предметов и по одному из параметров (например, сильноточные и слаботочные, высоковольтные и низковольтные, сверх-проводимые и высокоомные, сверх-мощные и микро-потребляющие, а также промежуточных параметров электроцепи). Общественное производство классифицируется “симметричными” параметрами, т. е. определённому “уровню” производительных сил соответствует определённый “уровень” производственных отношений. Современная трактовка исторического развития в принципе не расходится с таким определением, однако она, метафизически (в качестве отдельных предметов) интерпретируя производственные противоположности, не способна увязать их в функциональное единство. Тогда довлеет схоластика.

Так, например, в “каменном веке” объединяется класс способов производства, при котором производительные силы характеризуются каменными орудиями, а производственные отношения - родовой собственностью на них. Несоответствие друг другу противоположностей здесь “режет глаз” - невозможна родовая собственность на каменные орудия. Орудие, как продолжение руки, в каменном веке могло быть сугубо индивидуальным. Правда, к этому определению делают добавку, мол, производительные-то силы хоть и характеризуются орудиями труда, зато производственные отношения - собственностью на средства производства (подразумевая под последними всё же материальные средства, орудия производства). В результате и производство, и его существенные (диалектические) противоположности становятся эклектическими: “в огороде бузина, а в Киеве дядька”.

Дальше больше. Класс рабовладельческих способов производства, хотя и определяется рабочей силой рабов и, соответственно, рабовладельческой собственностью на неё, но почему-то из этого класса “вышибли” феодализм, нарёкши его отдельной “формацией”. И как-то “сбоку припёка” проходят бронза, железо, машины на скотской, водяной и т. д. тяге. Последние в качестве средств производства, характеризующих промежуточный способ производства (феодализм - ранняя мелкотоварность), вообще, редко упоминаются.

Тем более, капитализм. То подразумевают под этим наименованием класс способов производства, формацию, то всего лишь мелкотоварный капитализм как фазу. А уж что ставить в соответствие чему: соответствие уровней производительных сил и производственных отношений (особенно в послемарксовы времена) - об этом гадают и рассуждают каждый на свой манер. (Диалектика капитализма затуманена предельно.)

О коммунистической формации думать запрещено всем. Допустимо однако “брякать” на эту тему что-нибудь, не думая.

Определим, поэтому, **классы способов производства** (фаз) или формации (т. е. Способы производства с большой буквы – в широком смысле) параметрическими тождествами противоположностей, т. е. так, как формации сами себя определяют. (Рис. 5.)

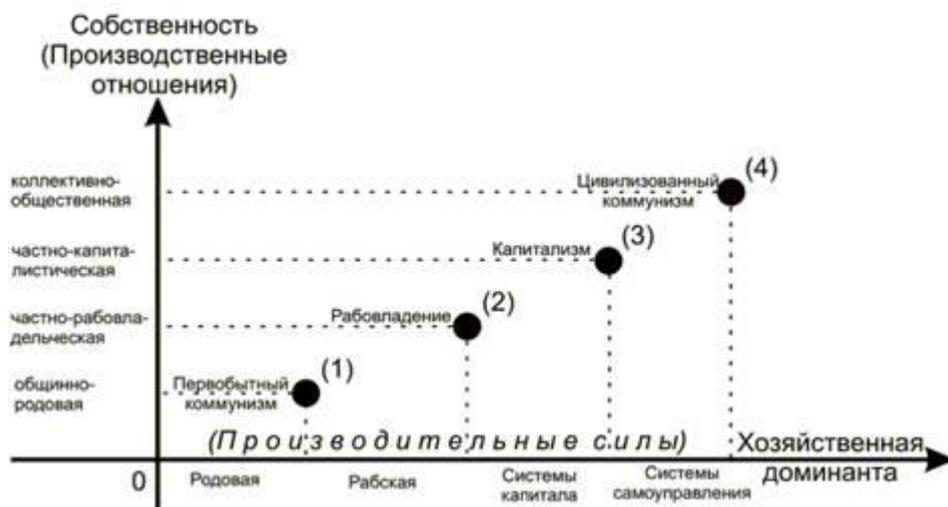

Рис. 5. Общественные формации: базисные параметрические соотношения противоположностей.

1. Формация. Первобытный коммунизм: родовой Способ производства, характеризующийся соответствием системы родовой хозяйства - родовой собственности на эту систему. Показателем существования родовой производственной системы являются каменные орудия.

2. Формация. Рабовладение: частно-рабовладельческий Способ производства, характеризующийся соответствием рабской рабочей силы - частно-рабовладельческой собственности на эту рабочую силу. Показателем существования системы рабовладения являются металло-машинные орудия производства.

3. Формация. Капитализм: частно-капиталистический Способ производства, характеризующийся соответствием производственно-сбытовых систем в натуральном и стоимостном выражении (капитала) - частно-монополизированной собственности на эти системы. Показателем существования капиталистической системы являются частная рабочая сила пролетария, производственная систематизация (монополизация: предприятие, отрасль, государство) и всеобщая механизация, электрификация и автоматизация.

4. Формация. Цивилизованный коммунизм: всеобщее-коммунизированный Способ производства, характеризующийся соответствием системы самоуправляемых производственно-воспроизводственных предприятий - коллективной собственности на процесс производства и на рабочую силу. Показателем существования коммунистической системы являются научная система общественного воспроизводства и общественная собственность на материальные средства производства.

Эта, достаточно жёсткая и не противоречивая, классификация формаций не создает, однако, впечатления преемственности общественного развития. Производные параметры (Способы производства) противоположностей (социальных систем к формам собственности на них) также не раскрывают своего детерминирующего характера. И хотя развитие налицо, оно выступает, так сказать, “кусочно”, а вовсе не революционно. У революции всегда должна иметься причинная база. Забегая вперёд, отметим, что базисная общественная детерминация способна раскрыться фазами формаций, а для этого необходимо чётко представлять себе сам базисный цикл и структуру открытой системы.

Представление предмета в противоположностях, как мы это здесь осуществили, дало нам возможность выявить предметное существование так, как оно есть, - со всеми его исходными и производными параметрами. В то же время очень важно помнить, что на этом первом, исходном отрицании предмета диалектика не останавливается. Большинство известных мыслителей под диалектическими противоположностями обычно понимают

альтернативные предметы. И нельзя их (мыслителей) огульно сажать в камеру “Заблуждение”, даже понимая, что потом, поскольку они не исходят из первого отрицания, они обязательно заблудятся. Потом. А пока удачно подобранные альтернативы вовсе не вредят объективному восприятию.

В первом отрицании предмета мы лишь открыли поле его существования, но не закрыли предметный воспроизводственный цикл, даже в базисе. И не имея, таким образом, предмета в его завершенности, не в состоянии уверенно дискутировать не только с утонченными “альтернативщиками”, но и с грубыми метафизиками, субъективными идеалистами, т. е. мистиками, по существу (и по Гегелю).

6. Базисный цикл воспроизводства предметных моментов.

Трёх-моментная диалектическая детерминация и воспроизводство отрицанием отрицания. Триадная система предметного воспроизводства.

6.1. Второе отрицание.

В предыдущих разделах данного Курса (Диалектическая двойственность - диалектическая целостность) рассматривалось первое предметное отрицание, т. е. существование предмета в собственных его противоположностях. В разделах 3 и 4 (графической и параметрической интерпретации) выявлялся действительный момент существования предмета, его исходные и производные параметры и характеристики.

Использование такого способа выявления структуры предметного существования - это очень важный и достаточно смелый поступок с нашей стороны, поскольку современные авторы, которые, так или иначе, касаются диалектических проблем, имеют совершенно иной, так сказать, “дробящий целое” подход и вряд ли поддержат наше начинание. Ведь они, игнорируя внутренние функциональные противоречия, исходят из готовых целостностей, из внешностных предметных отношений и состояний. Представляют диалектику в виде, так сказать, антиподного “междусобойчика” (единства качественно отличных друг от друга предметов в их борьбе).

В лучшем случае, когда эти авторы говорят (если говорят) о диалектическом отрицании, они всегда подразумевают второе отрицание, когда предмет, преобразуя своё состояние, как бы переходит в качественно иной предмет и в нём “снимается” (в смысле, отпечатывается, а не только снимается как с вешалки или с полки). Предмет становится существенно отличным от своей причины, отрицая себя бывшего. И это, конечно, очень верный приём в выявлении причинно-следственных (детерминирующих) связей предметного развития, отличающий диалектика от метафизика.

Однако без понятия о первом отрицании целого (идеального и материального свойств предмета) затемняется механизм и второго отрицания, поэтому для “просветления” требуются авторитетные (в том числе, устаревшие) цитаты. Смысл диалектической детерминации оказывается, таким образом, поражённым догматизмом и, следовательно, метафизическим субъективным идеализмом.

Поэтому нам так необходимо держаться канвы, предложенной в данном Курсе. Т. е. исходить из единства существенных (“внутренних”) противоположностей, идеального и материального (функциональных) свойств всякого предмета или состояния (момента) его существования. И при помощи этого метода выявлять причину и следствие.

Будем считать, что мы устранили главную философскую ошибку - игнорирование диалектического существенного предметного раздвоения. Поэтому к структуре второго отрицания можем обратиться с достаточно вескими основаниями.

Забегаая вперёд, отметим, что второе отрицание не есть ещё отрицание отрицания, поскольку оно (второе отрицание) лишь продолжает дифференциацию целого, а не синтезирует целое вновь.

Кроме того, при рассмотрении (выше) параметрических классов способов производства (формаций) причинно-следственная связь между ними не выступает явно, поскольку и производительные силы, и производственные отношения предыдущей и последующей формаций системно (корпоративно) отличны. Преимущество общественного развития проявляется в процессе дифференциации формаций на фазы, когда предыдущий способ производства (фаза) является “подстилкой” последующего, сосуществуя с ним (см. ниже).

Итак, выявление диалектической детерминации (второго отрицания) должно сводиться к источнику и завершению (причине и следствию) развития во всём продуктивном поле существования, поскольку сама материально-идеальная характеристика действительности (действующего предметного момента) ещё не даёт представления о самопреобразовании предмета в своё иное состояние. Исследование причины начнём с начала, с возникновения предмета.

Источник возникновения предмета находится там, где этого предмета ещё нет. Т. е. там находится то предметное ничтожество, которое его (этот предмет) порождает, даёт ему способность образовываться. Другими словами, источник предмета находится там, где его материальное свойство близко к нулю, где он выражается одной лишь своей идеей. Т. е. в этом “ничтожестве” доминирует свойство развития (идеальное свойство, “вид на будущее”), а стабильность пренебрежимо мала. - Одна идея. (Рис.6)

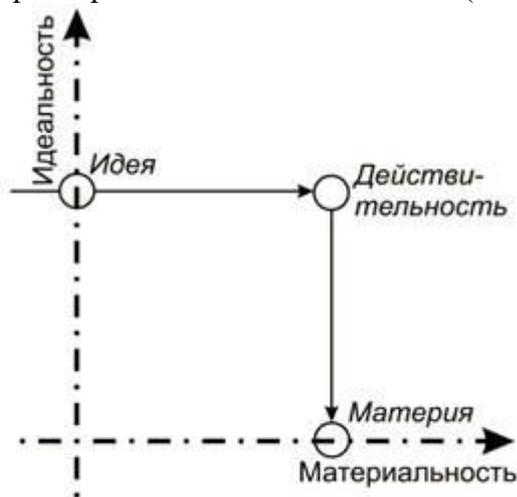

Рис. 6. Второе отрицание: диалектическая детерминация предметных моментов

Идея есть идеальное свойство, минимально воплощённое в материальности, и воплощено оно, первоначально, в иной материи (т. е. иной - для этой, будущей материи). Поэтому идеальное свойство этого нарождающегося предмета возникает в нём скачком, и, выступая подобием идеальных свойств иных, порождающих предметов, принадлежит уже этому, народившемуся и образующемуся, предмету. И пока предмет образуется, он всё ещё остаётся на правах исходного, всеобщего, идеального момента. Существует в идеальной границе инобытия. Идеальное (развивающее) его свойство пока превалирует над материальным (над его оформленностью).

Образовавшись, оформившись, материализовавшись в необходимой и достаточной мере, качественно преобразуясь, предмет становится действительным. Отрицая свой идеальный момент, он снимает себя становящегося, обретая способность к действию, к самореализации. Внешне всё выглядит так, будто переросток снимает с себя детские штанишки и облачается в рабочую спецовку. Получив образование, человек начинает действовать. (Гегель) Это верно - возникновение действительного момента так же происходит качественным скачком: образовавшись, предмет начинает выполнять присущую ему функцию.

Снимая себя становящегося и качественно преобразуясь, предмет стремится оставить в себе и идею своего образования, и образовавшую его (и опосредованную им) материю, но уже в ином, качественно отличном, действительном и продуктивном направлении и состоянии жизни: в продуктивной идее и в продуктивной материи - в действительном моменте существования.

Гегель определял это действительное состояние предмета, как "особенность" (в триаде: всеобщность - особенность - единичность), где предмет определяет себя собственной функцией, обособляясь от иных ("своих - не своих", граничных) функций. Если в идеальной всеобщности предмет существует где-то на границе возможного, то уж в действительном моменте он выступает собственной функциональной "персоной".

Далее, действуя продуктивно, предмет осуществляет кристаллизацию своей идеи в иной материальности. Он сам опосредуется - вовне. Преодолевает черту собственной действительности. Акт продуктивизации - отрицания предметной действительности - также осуществляется скачком: в материальности предмет уже не существует как действительный. Предмет становится сугубой формой, омертвлённой материей. (Материя определяется формой. - Гегель.) Материальным моментом. И его свойства зависят от непосредственного взаимодействия с иными формами иных предметов.

Развивая гегелевскую концепцию отрицания действительности, Маркс определил существование предмета в материальном пределе - как обращение. Т. е. предмет, уже не подвластный своему действительному полю, как сказочный оборотень, но вполне реально, меняет свою собственную сущность в зависимости от внешних, и внутренних, потребностей в нём. Если, например, превалирует потребность в продукте труда внутренняя, трудовая, то этот продукт труда становится необходимым, а если превалирует внешняя, - то прибавочным. В "не-экономических" предметах материальные их моменты ведут себя соответственно. (Об этом в следующих разделах Курса.)

Зато его, предмета, идея в снятом (материальностью) виде способна выявиться и породить себе подобный цикл, выполнить третье предметное отрицание - отрицание отрицания.

Отрицание первого отрицания. Отрицание существенной двойственности воспроизводственной целостностью. Идеино подобный себе синтез. – Этим предмет выполняет спиралевидную циклическую непрерывность жизни, “плодя” себе подобных и в меру изменённых (согласно изменениям среды).

6.2. Отрицание отрицания.

Чтобы наши логические доводы не казались голословными постулатами, обратимся к спасительной “графике” (классические аналогии, например, “зерно-колос” у Энгельса, многим уже “навязли в зубах” и поэтому – парадокс! - не очень убеждают, так что мы их, аналогии, пока оставим в сторонке). Вновь определимся в продуктивном квадранте. (Рис. 7.)

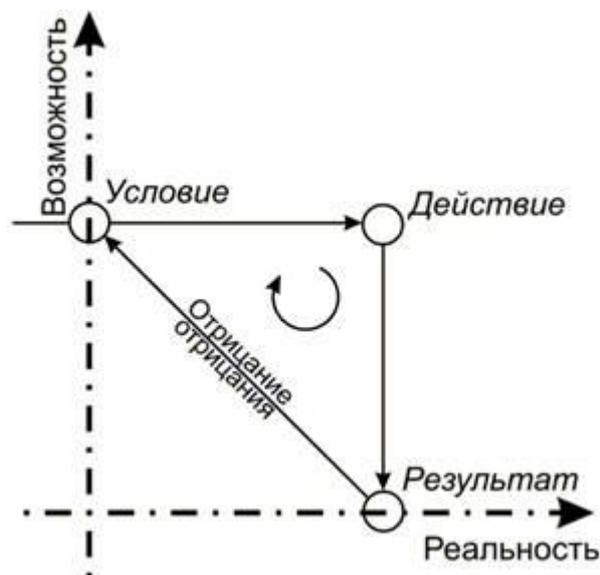

Рис. 7. Отрицание отрицания – Воспроизводственная предметная триада.

На идеальной оси отложим величину предметного параметра, с которой этот предмет образовался. Причём, эта величина должна быть равна полному потенциальному (а не мгновенно-“кинетическому” становящемуся) значению, при котором идеальный предмет уже готов к действию. Полученная точка - идеальный момент, идея предмета - лежит на идеальной оси, но уже принадлежит продуктивному (положительному) квадранту. Поэтому “идейные устремления самореализации” идеального момента направлены в этот, положительный квадрант, к точке, лежащей на действительной характеристике. Эту, действительную, точку получаем на пересечении перпендикуляра, восстановленного из значения потенциальной идеи, с действительной, идеально-материальной, характеристикой. (См. также рис. 4.) Здесь предмет характеризуется совершенно иными свойствами, нежели в исходном моменте.

Если в процессе становления (образования) предмет лишь вбирал в себя материальную среду, в соответствии со своим уровнем идеальности, потенциалом, то на действительной, функциональной своей характеристике он качественно изменяется: предмет сам начинает преобразовывать материальную среду. Следовательно, точка на идеально-материальной характеристике есть действие, действительный момент и само существование предмета. Это действие заключается в процессе снятия предметной идеальности и запечатлении её в материале среды.

На графике это осуществляется опусканием перпендикуляра (проекции) из действительной точки на материальную ось. Преобразование происходит скачком: идея из действительности данного продуктивного поля (квадранта), снимаясь, выходит в сугубую материальность - действие осуществилось. Материализовавшись, предмет теперь существует на противоположной границе материальной оси. И чем меньше у него остаётся идеальности от своей действительности, тем более он приспособлен для взаимодействия с иными формальными образованиями иных предметов.

Но если “полевая” предметная идея потребует себе новой материальности для нового цикла, то эта новая материальность берётся непосредственно из материального момента. На чертеже это - замыкающая материально-идеальная связь, минуя действительный момент. Это замыкание цикла диалектической детерминации и есть не что иное, как предметное отрицание отрицания, воспроизводственный синтез.

Отрицание отрицания характеризует собою не просто одиночный предметный цикл - от предметной идеализации к предметной материализации, - а спиралевидную цепь качественного роста воспроизводящегося предмета. Тогда и в моменте материализации

становится ясным “уход в нуль” действительной идеальности. Последняя приобретает переходное, граничное значение. Отрицание отрицания формирует не просто “какие-то триады” (Маркс) Гегеля, а вполне закономерную Триаду всеобщего воспроизводства и развития предметного базиса.

В дальнейших разделах мы увидим, как "работает" триада в построении ступенчатых характеристик и диаграмм социального воспроизводства и развития.

7. Дифференциация воспроизводственных моментов (триады триады).

7.1. Воспроизводственная система.

Каждый **момент предметного воспроизводства (триады)**, представляя собою состояние предмета, выражается, соответственно, как присущими ему существенными противоположностями, так и присущими же ему (соответственно) тройственными воспроизводственными переходами (частными триадами).

Поэтому существование каждого момента двойственно в стремлении:

- 1) преобразоваться, произвести себя иного (следовать в иное состояние), и
- 2) воспроизвестись, т. е. оставить себя самого (причинное состояние) неизменным.

Тогда воспроизводственная триада представляется не только переходами “исчезающих” предметных состояний - преобразованием одного в другое, - но и единовременным существованием всех трёх (базисных) детерминированных моментов. Возникает непрерывное воспроизводство.

Такая триада выступает базисной воспроизводственной системой. В ней наличествуют обособленные моменты и прямые, детерминирующие связи, выражающие воздействия причинных моментов на последующие. Обратная связь “отрицания отрицания” тоже может (и должна) считаться прямым воздействием, поскольку она материально обеспечивает собственное воспроизводство предмета (системы).

7.2. Дифференциация моментов.

Выявив в каждом (частном) моменте триады его (частные) существенные противоположности, можно без особого труда построить соответствующие воспроизводственные под-системы (частные триады). Тогда исходная триадная воспроизводственная система “разобьётся” на девять (три внешних и шесть внутренних) функциональных узлов, связанных между собой двенадцатью воздействующими связями (девять на внешнем контуре и три “обратные”, замыкающие). И поскольку внутренние узлы воспроизводственного контура имеют эти свои самовоспроизводственные (внутри-моментные) связи, постольку они обязаны иметь (и имеют) меж-моментные корректирующие обратные связи (их всего три) общего базисного воспроизводственного контура.

Это - вторая дифференциация предметного воспроизводства, преобразующая простую триаду (первую предметную дифференциацию, из трёх существенных моментов) в девять функциональных узлов с пятнадцатью векторными, детерминирующими связями. Такое усложнение вовсе не затуманивает нашего представления о сущности цикла воспроизводства предмета. Наоборот, при этом выявляются средства воспроизводства каждого момента и обще-предметной триады, в целом. В противном случае предметные воспроизводственные средства представляются чем-то потусторонним, неизвестно откуда берущимся в действительном поле.

7.3. Строение второй дифференциации.

Для более чёткого представления о структуре триады второй дифференциации будем её строить исходя из сущности функциональных моментов, но графично, наглядно и видимо. (Рис. 8)

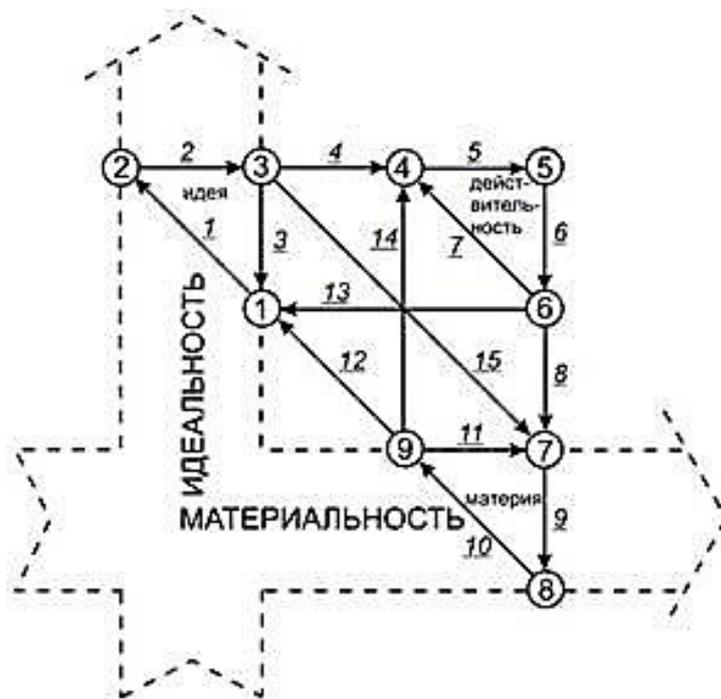

Рис. 8. Вторая предметная дифференциация: прямые и обратные воспроизводительные связи и метаморфозы.

Поскольку идеальный и материальный моменты существуют на границах действительного поля, постольку существование каждого выражается точкой на своей оси с “минимальным воплощением”. Для наглядности и графичности условно увеличим это “воплощение” на ширину одной трети (длины) детерминирующего вектора.

Тогда каждая “ось” превращается в “полосу”, а “точка” - в воспроизводительный “треугольник”, равный остальным двум (в том числе и действительному).

Вершины треугольников, лежащие на внешних границах “полос” - это внешние узлы дифференцированной триады. Внутренние узлы выражены вершинами треугольников, лежащими на внутренних границах тех же “полос”. Остальные узлы (действительного момента) - прямые и обратные векторные (детерминирующие) связи - описаны выше.

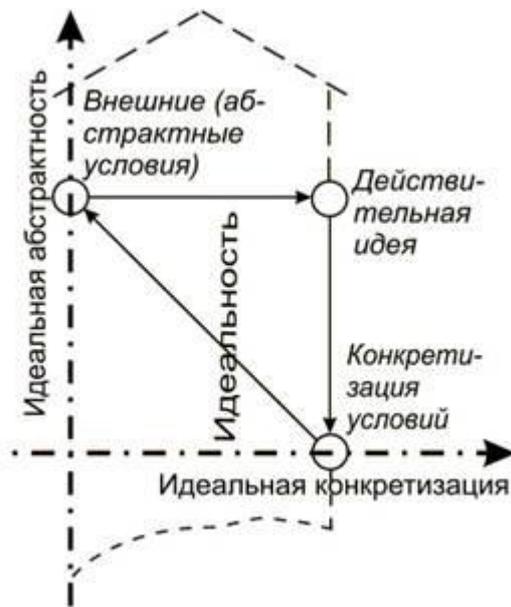
Строение “второй дифференциации” раскрыто. И в этом строении легко выявляются весьма интересные структурные воспроизводительные свойства триады.

7.4. Структура второй дифференциации.

Хотя по форме все три треугольника одинаковы, по функциональному содержанию они существенно отличны друг от друга. И если действительный “треугольник” имеет постоянный характер своих узлов и как бы повторяет триаду первой дифференциации, то идеальный и материальный “треугольники” двойственны в своих начинаниях и существенно отличны друг от друга узловой детерминацией (структурой). Рассмотрим структуру второй дифференциации подробнее.

7.4.1. Идеальный момент. (Рис. 8а)

Казалось бы, раз это - развернутая идея, то и возникать она должна из “супер-идеи”, из ничто, из ино-идеи. И именно так оно и происходит, но только при первоначальном “толчке”. Когда всё только начинается. Или при единичном цикле, без внутренних обратных связей. Тогда всё существование действительного поля зависит целиком от внешней среды. От того, насколько мощно внешняя среда своими материальными отношениями воздействует на возникновение идей для осуществления данного воспроизводительного цикла.

8а. Идея

Тогда же первым, входным узлом следует считать тот, который лежит на внешней границе “полосы”, т. е. на идеальной оси внутренних (и внешних) координат. Вторым - это выход из идеального момента. Третий - частная идейная материализация (на материальной оси идеального момента). И эта последовательность преобразования верна, но только для единичного, “импульсного” цикла. А также - для внутреннего, идеального самовоспроизводства.

Но если триадный цикл установился, вплоть до обще-системного, то всеобщностью, “входом” идеального момента может быть не иначе как его материализованный узел, на векторе “отрицания отрицания”, из материального момента, и “принимающий” отрицание отрицания в собственно идеальном узле, а также корректирующую обратную связь от действующего узла. Здесь реализуется материальное отношение идеи предметного воспроизводства, о чём должен быть “оповещён” высший уровень (если он есть) предметной организации.

Тогда функция идеального узла будет состоять в сравнении (под влиянием высшего уровня) собственных идейных направлений и окружающей среды, т. е., - в собственно действительности, в объективизации [объективации] обще-триадной воспроизводственной структуры. Объективизованные [объективированные | объективизированные] идейные направления подаются далее, для обработки, в результирующий узел идеального момента.

Результирующий узел, “выход”, номинально играет роль действующего узла, поскольку он занят обработкой идейных направлений в материализованную информацию для действующего момента триады. Реально же от идеального момента больше ничего не требуется, кроме дееспособной, организованной идеи. Чтобы предмет мог действовать. Для организации действительного момента триадной структуры. И, конечно, он выполняет замыкание частной, идеальной триады, отрицанием отрицания корректируя вход. А также “выбрасывает” обратные связи в материальный момент и в высший уровень организации (если таковой наличествует).

7.4.2. Действительный момент. (Рис. 8б)

86. Действительность

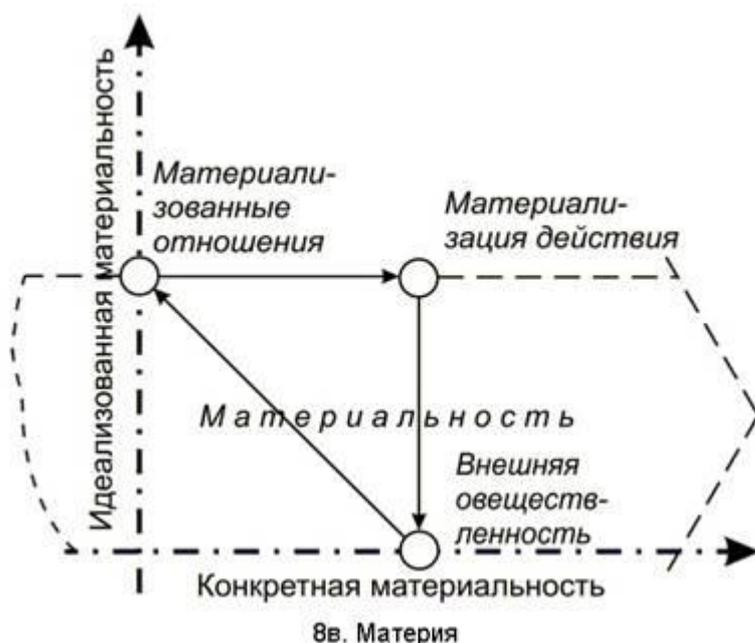
Внешне, повторяя собой исходную триаду (первую предметную дифференциацию), действительный момент отличается от неё внутренними задачами и соответственными существенно-противоположными свойствами собственно предметного действия. “Вход” и “выход” действительного момента в базисном воспроизводственном поле имеют сугубо внутренние связи предметной системы. И прямые, и обратные связи “перехватываются” промежуточными узлами, не доходя до границ базисного поля существования, т. е. до внешних узлов на материальной и идеальной “осях-полосах”. Конечно, внешние воздействия, прямые и обратные связи здесь не исключены вообще, однако они принадлежат не базисному, двумерному полю, а высшему, третьему измерению, с которым ещё предстоит разбираться - при исследовании самоуправляемых систем. Если же действительный момент “паче чаяния” установит непосредственную связь с моментами иных квадрантов предметного существования базиса, то это прямо приведёт к разрушению причинно-следственной цепочки и самой воспроизводственной базисной системы, в целом.

Идеальный узел действующего момента найдём на его (момента) идеальной оси. Этот исходный действительный узел явится результатом воздействия результирующего узла идеального момента, действительной идеи, превращаясь на этой идеальной оси частного квадранта в идею действия. Идея действия интегрирует идеальные и (забегая вперёд) материальные ресурсы (действительные средства) для оживления их взаимодействия в действительном узле действительного момента. Результат интеграции, помимо этой прямой передачи, направляется ещё и в высший, надбазисный уровень.

Узел действия действительности - рабочий узел - осуществляет реакцию действительных средств (под управлением надбазисных моментов) самостоятельно. В этом смысле рабочий узел является жизненным актом предмета в его системном существовании.

Результатом действия рабочего узла является материализация жизненного акта, так сказать, “сухой осадок”, способный частично использоваться вновь в качестве материального ресурса. Кроме того, в качестве обратной связи с идеальным моментом, он участвует в выявлении материальных отношений предметного воспроизводства. Это - не считая надбазисных информаций. Но главной целью результирующего узла действительного момента является материальный момент.

7.4.3. Материальный момент. (Рис. 8в)

Характер этого результирующего момента предметного воспроизводства двойственен, так же как и характер идеального момента, но во всём ему противоположен.

Входной узел материального момента, имея стабильное значение, как и выход идеального момента (независимо от импульсного или системного характера предметного воспроизводства), получает воздействие от выхода идеального же момента. Т. е. входной узел материального момента является его действительностью.

Это и понятно. И вполне даже формально-логично. Даже аналогично: как идеальный момент воплощается в действительный в идеальном его узле, так и действительный момент материализуется в действительном узле материального момента. (Каждый в своём.)

Поскольку материя есть уже нечто стабильное (материя определяется формой), по сравнению с действительностью и, тем более, с идеальностью предмета, постольку и действующий узел материального момента обязан работать в направлении оформления предмета. Несмотря на то, что формализующий узел находится “по сю сторону” границы действительности, его формализующие действия направлены вовне предметного существования. Предмет оформляет себя для отношения с иными предметами.

Материализуясь, предмет готовит в себе новую идею, кристаллизуя свою “старую”. Поэтому действие узла формализации материального момента происходит как “под недремлющим оком” идеального момента, так и “опёкой” результатов материализации.

Действительный же узел материализации формально выступает результирующим. Одно не исключает другого, поскольку материальное предметное действие и заключается в выходе предмета за свои границы для воздействия на иные предметы. В этом состоянии предмет покидает свою суть, утверждая её и проявляя этим себя. Раскрывает всю свою энергетическую мощь.

При импульсном характере предметной детерминации (когда предмет не воспроизводит себя прежнего в своём развитии) действительный узел и есть результирующий. Предмет уходит в инобытие.

Однако в воспроизводственном цикле, тем более при системном воспроизводстве, действие материализации “отпружинивает” от иного, тем самым и оставляя энергию для себя, и создавая источник “питания” для высшего уровня организации (иного не имеется).

Тогда истинная материализация предмета произойдёт опять “по сю” сторону границы существования. В истинно результирующем узле материального момента, который формально выступает в качестве идеального, предмет демонстрирует весь свой детерминирующий результат, полную способность своего существования.

Идеальная форма результирующего узла имеет, однако, существенное значение, особенно для воспроизводственной системы. Ведь материальный результат не только “держит под контролем” оформление результатов действия, а также действительной идеи (и выше “сферы” - тоже), но и непосредственно “подаёт сигнал” к отрицанию отрицания, к замыканию воспроизводственного цикла. Этим в материи формируется собственно предметная идея нового детерминирующего хода развития.

Цикл замкнут! Диалектическая базисная воспроизводственная система построена.

* * *

Уже теперь, используя полученные выводы, мы в состоянии выполнить определённые **рекомендации для формирования базиса коммунистических инициативных групп и организаций.** (Рис. 9)

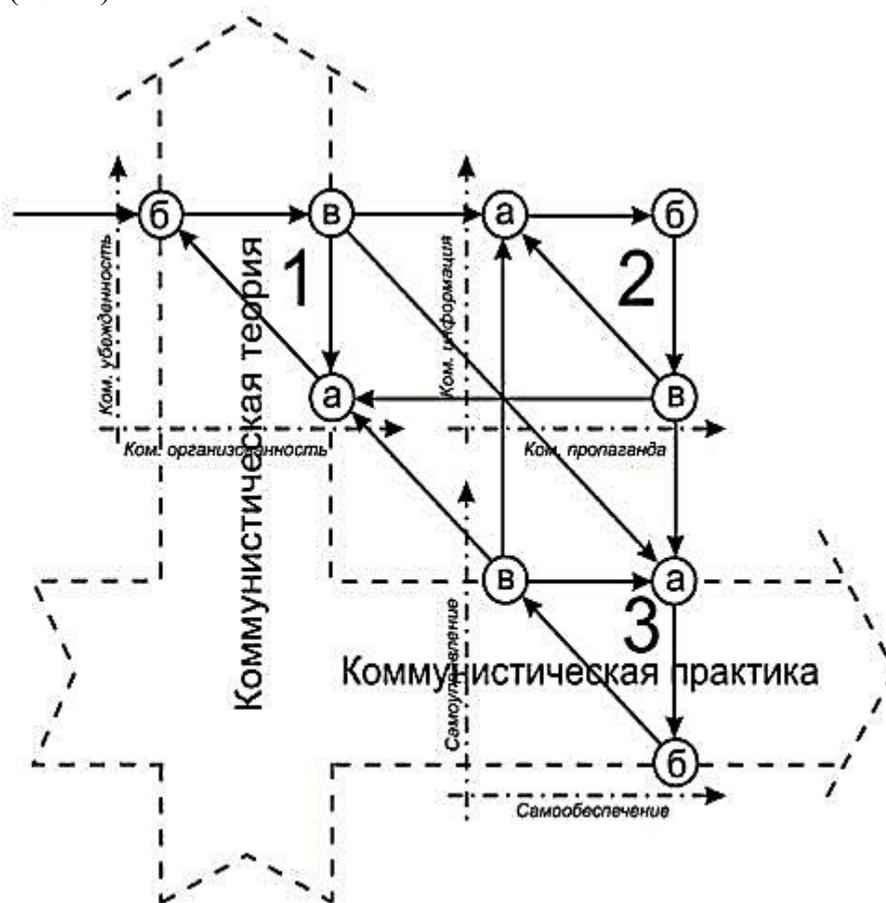

Рис. 9. Формирование базисной системы коммунистических инициативных групп

По строению:

1 Идеолого-коммунистический отдел с группами:

- а) Коммунистически-дискуссионная,
- б) Теоретико-аналитическая,
- в) Подготовки информации.

2. Пропагандистский отдел с группами:

- а) Сбор и анализ информации,
- б) Обработка информации и формирование методик коммунизации,
- в) Распределение пропагандистских и методических материалов.

3. Коммунистически-самоуправляемое предприятие (или система, вплоть до природного региона) с направлениями:

- а) Сбор и анализ методических материалов по наладке системы самоуправления,

б) Организация и наладка коммунистического самоуправления,

в) Анализ результатов коммунизации.

По структуре:

1. Группа 1а), принимая материалы по коммунизации предприятий и систем (3в), дискуссионно сопоставляет их с новыми теоретическими разработками (1в) и с пропагандистской методикой (2в) и направляет их для обработки в теоретико-аналитическую группу (1б) и для сведения в высший уровень организации.

2. Группа 1б), добывающая информацию о состоянии внешней среды, принимая сведения о нуждах коммунистического движения (1а), учитывая организационные возможности (высшего уровня) и анализируя на этой основе процесс коммунизации, вырабатывает корректирующие идеи для их оформления и распределения в группе (1в).

3. Группа 1в), получив теоретическую корректуру, оформляет и направляет её для последующего анализа и использования в группах 2а), 3а) и в высшем уровне организации.

4. Группа 2а), приняв теоретическую корректуру (1в) и материалы о результатах коммунизации на местах (3в) и сопоставив их с имеющимися методико-пропагандистскими формами (2в), оформляет и направляет их для подготовки методико-пропагандистских документов (2б) и для сведения в высший уровень организации.

5. Группа 2б), сопоставляя обработанные теоретические корректировки (2а) и организационные возможности (высшего уровня), готовит новые методико-пропагандистские материалы в целях модернизации коммунистического самоуправления и передаёт их для распределения (2в).

6. Группа 2в), получив новые методики распределяет их для внедрения (3а), к дискуссии (1а) и для сведения (высший уровень).

7. Направление 3а), сопоставляя новые методики (2в), теоретическую корректуру (1в), результаты коммунизации (3в) и организационные возможности (выс. уровня), готовит алгоритм модернизации процесса коммунизации предприятия (системы) (3б).

8. Направление 3б), используя рекомендации (3а), модернизирует процесс коммунизации, сообщая об этом в высший уровень организации и для подведения итогов (3в).

9. Направление 3в) выдаёт результаты коммунизационного процесса для дискуссии (1а), подготовки методик (2а) и внедрения (3а), а также в высший уровень.

Представленная система базиса коммунистических инициативных групп, естественно, оставляет для будущего рассмотрения надстройку коммунистической общественной организации. Поэтому здесь и не проявляется должным образом принцип самоуправления. Но эта система может быть полезной для более четкого представления о функциональной сути действий коммунистических инициаторов.

8. Диалектика труда. Базисные средства производства. Классы и классовая борьба.

Казалось бы, с базисным трудовым полем давно уже не было и сейчас уж никак не может быть, особенно в марксистской среде, никаких недомолвок и недоразумений. Очень тщательно “вылизывали” трудовые категории наши буржуазно-социалистические учёные, имевшие от государственных капиталистов, власть имущего класса (Политбюро), спецзадание по увеличению совокупного общественного продукта и, соответственно, усилению обороноспособности СССР. В этих целях марксистское экономическое оказалось как нельзя кстати. Система общественного воспроизводства, трудовой принцип её анализа всё громче заявляли о себе.

Уже ни для кого не являлось секретом: что человек - это труд, что производство - это трудовая жизнь общества, что продукт труда - это овеществлённый труд (“вливается в труд моей Республики”). Очень часто подчёркивали не понимая толком (не то, что мы с вами, уже знакомые с базисным диалектическим методом), что труд есть единство его абстрактной и конкретной противоположностей. Мало того: рубль стал настойчиво измеряться рабочим временем, временем жизненного акта труда. В сфере производства средств производства

отсутствовала частная торговля. В частных сферах жизни (воспроизводства рабочей силы) производственное жульё изобрело, в процессе своей подлой воровской деятельности термин “обналичка”, фактически разрушая общественный воспроизводственный цикл. Процесс производства, в форме серпа и молота, запечатлелся на пролетарском красном знамени, став государственным символом.

Однако развития применения диалектики в экономическом анализе госкапиталисты опасались, поскольку она (диалектика) автоматически требовала коммунистических преобразований - прежде всего, отмены начальства и подчинения благодаря самоуправлению производственных коллективов. Госкапиталистический способ производства, держась на культе личности, чиновничества, карьеризме, допустить лишения привилегий “командоаппарата” никак не мог. На “отмене привилегий” сыграл свою людоедскую карту Ельцин, подготовив и осуществив мелкотоварный контрпереворот, разорив потом всё (!) наше общественное производство. Привилегия частного капитала, власти денег, стала всеобъемлющей.

Экономическая наука и марксизм, в целом, законсервировались, став жупелом для интеллигенции. Эта, последняя, будучи, социально, средним и низшим пресловутым “командоаппаратом”, сама же и сдерживала развитие марксизма, сменив ориентир на буржуазный маржинализм (экономическое учение Бём-Баверка, “спасшее капитализм”). Теперь всю эту пошлость мы получили сполна, и освободить от неё свой разум следует только научным, диалектическим методом.

Прежде всего, следует как можно чётче определить базисное поле труда.

1. Труд есть всё то, на что направлены целеполагающие и преобразующие усилия и умения человека.

Т.е., материально, труд есть целенаправленно преобразуемый человеческими психо-физическими способностями предмет труда – конкретный труд.

2. Труд есть сами целеполагающие и преобразующие усилия и умения человека, направленные при помощи орудий труда на предмет труда.

Т.е., идеально, труд есть мыслимые человеческие способности видеть будущность преобразуемого предмета труда. Это – отвлечённый от конкретных операций абстрактный труд.

Таким образом, без мыслимых преобразований предмет труда – уже не предмет труда, а вещь в себе. И без предмета труда идеальный труд есть пустая абстракция (тоже – вещь в себе). Но – вместе – они жёстко определяют трудовую действительность, поле труда.

Альтернативой труда является инстинктивная, неопределенная деятельность или, просто, действующие животные инстинкты. Определение “труд создал человека” поэтому следует уточнить: **Человека создал инстинктивный труд, присущий высшим гоминидам-архантропам.** Миллионы лет они, изготавливая и используя примитивные “чопперы”, наращивая мозг, физически деградировали как звери, утерявшие инстинкты естественного отбора, до тех пор, пока революционно, «в одночасье» (полста тысячелетий назад), не создали род человеческий (отказавшись от кровнородственных браков, промискуитетного - содомного, звериного - “бардака”). И трудовое, социальное развитие взмыло неукротимо. Трудовое поле вошло в свои жёсткие, разумные рамки.

Несмотря на то, что многие животные частенько оказываются и ловчее и хитрее нас, они не в состоянии предвидеть свои действия дальше видимости ими (и “слышимости” с обонянием) окружающей среды. Ныне мы, люди, представители животного мира, идейно и морфологически существенно – именно мышлением – отличаемся от всех животных (даже от крупных китообразных с объемом мозга больше нашего, но, структурно, как открыли советские физиологи: “им нечем мыслить!”). Инстинкты наши играют лишь вспомогательную роль. Нам присущ разумный труд. Будем его называть просто - **труд**.

Современного человека создал человеческий труд.

И не только идейными, воспитательными усилиями, но, в не меньшей мере, материальными результатами труда. Ведь труд есть, одновременно, и целенаправленные усилия (абстрактность, относительность), и целенаправленные действия (конкретность, вещественность). Этим труд, вообще, как, впрочем, и всякий объективный предмет, двойственен по существу своему. Труд преобразует природу, созидая продукты труда, и создаёт самого человека.

Далее, не задаваясь постулатами по поводу общественности человека и труда, построим графическую структуру (см. выше, разд. 6 и 7, рис. 1 - 9) базисного трудового уровня. Т. е. определим плоскостное поле трудового существования, осуществления социальной жизни, двумя пересекающимися осями. Идеальная ось - трудовая идея человеческого самоосуществления - абстрактный труд. Материальная ось - трудовое овеществление - конкретный труд. Продуктивное трудовое существование определяется положительным квадрантом, где абстрактная и конкретная трудовые оси имеют положительное направление. (Рис. 10)

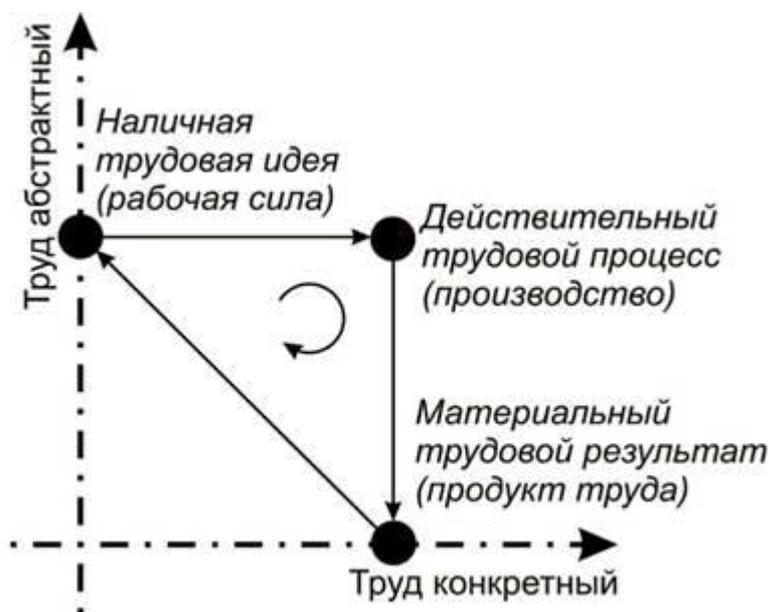

Рис. 10. Диалектика труда: моменты общественного воспроизводства

На идеальной оси откладываем имеющуюся в распоряжении трудовую идею. На материальной оси откладываем величину предполагаемого материального результата. Пересечение проекций этих точек в поле труда определит действительный трудовой процесс. Детерминирующие переходы направлены по часовой стрелке. Т. е. самопреобразования трудовых моментов друг в друга продуктивны. Так, мы, “не думая”, исходя лишь из предыдущего анализа предметного существования, расположили трудовые моменты. Полученная схема весьма условна, выражена в качественных единицах, поскольку сугубо неопределённые величины параметров заявленных моментов, а трудовые оси, соответственно, не имеют масштаба.

8.1. Трудовая идея.

В базисе - труд исходит из человека и осуществляется человеком во имя человека. Сам человек есть труд и, прежде всего, трудовая идея. Однако не весь человек есть идея труда, как его (человека) целенаправленной деятельности. Идея труда есть идея человека, т. е. его мысль, управляющая и обусловленная собственными рефлекторными зонами и органами в целях собственной материализации в иных предметах и для собственного же воспроизводства путём преобразования среды, способом производства.

Первоначально, в базисе, трудовая идея задаётся извне, готовым человеком с готовой целеполагающей мыслью, на основе объективных обстоятельств (и в соответствии с

высшими, над-базисными воздействиями). Т. е. способность человека производить возникает на границе трудового существования. На той её стороне.

А вот рабочие человеческие способности определяются уже по эту сторону идеальной трудовой границы. Причём, как только эти рабочие способности определились, они не в состоянии законсервироваться. Человеку в этом его состоянии срочно требуется самоосуществиться, иначе его рабочие способности теряют ориентир жизни и достаточно быстро спадают. Если человеку отрезан путь на большой “круг” опосредствованного трудового воспроизводства, он вынужден уходить целиком на малый, частный “круг” непосредственного воспроизводства, возможности которого, в массе, весьма ограничены. Так или иначе, они требуют материальной и идеальной “подпитки” от иных моментов поля трудового существования и от иных “сфер”. С другой стороны, “малый круг” также объективно необходим в целях сознательного человеческого (личностного или коллективного) воспроизводства. В том смысле, что реально рабочую силу её носителя воспроизводит либо непосредственно сам индивид, либо он же, но с помощью группы (в семье, в общине).

Рассмотрим этот “круг”, частную триаду, подробнее, в “полосе” трудовой идеальной границы, от первоначального, импульсного “толчка” (см. Разд. 7). Тогда входным узлом идеального трудового момента будет выступать процесс его создания, т. е. производство трудовой идеи. (Рис. 11.)

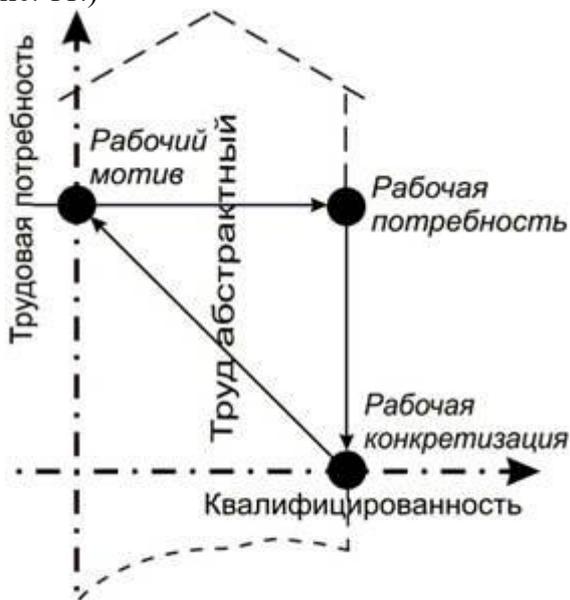

Рис. 11. Трудовая идея: метаморфозы воспроизводства рабочей силы

Хотя этот процесс формируется вне поля трудового существования, он непосредственно касается его границы, для будущего труда и при активном влиянии трудовых потребностей. Здесь человек образуется как трудовая личность, готовая к труду. За пределами трудового поля существования личность, не готовая к труду, не является в полном смысле человеческой личностью. Лишь обретая трудовой интерес и трудовые способности, человек становится Человеком. Открывает в себе силу. Рабочую Силу! Способность к труду.

Идеальный узел идеального трудового момента, узел производства рабочей силы есть всеобщее трудовое состояние. Т. е. приобретая трудовые способности, человек становится готовым к любому виду труда. Это - совершенная трудовая абстракция. Отвлечение от трудовой конкретики. Способная ко всему, рабочая сила еще не в состоянии проявить себя непосредственно. Человеку нужно ещё и сориентировать себя специально, на что также требуются, как и при производстве рабочей силы, немалые усилия и время.

В целях облегчения отраслевым монополистам эксплуатации "трудового материала", буржуазная система образования делает попытки специализировать производство рабочей

силы сизмальства. Оно и понятно, ведь отраслевая буржуазия, как и все частные собственники, не считают массы "низших" людьми. Поэтому трудовая специализация, "от молодых ногтей", ещё более усугубит социальное положение трудящихся в качестве уже специализированной рабочей скотины, с усилением самоизоляции.

Конкретизируя эти усилия, узел производства рабочей силы порождает собой узел производственной ориентации, трудовой специализации. Производственно ориентированная рабочая сила человека уже целиком принадлежит полю трудового существования. Её основная потребность и жесткая тенденция - осуществить себя в производственном процессе. В то же время ей требуется определить как цели, так и средства для самосохранения. Немалую роль в выборе направлений детерминации труда здесь играет и высшее, общественно-надбазисное (надстроечное) влияние.

Весьма характерны в этом отношении два крайних примера российской истории. Так, сталинская индустриализация, урезав воспроизводственные действия общественной рабочей силы до минимума, направила её почти целиком на процесс производства, на большой "круг". Предельно это проявилось в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией. Наоборот, ельцинская "команда", обрубив производственные общественные цепи, ограничило воспроизводство рабочей силы трудящихся малыми, частными "кругами". Таким образом, если в сталинскую эпоху рабочая сила трудящихся всё же воспроизводилась (по большому кругу общественного воспроизводства), то в ельцинскую разруху, продолжающуюся до сих пор, воспроизводство рабочей силы (частными "кругами") потеряло всякие ресурсы, и население России, с опустевшим квадрантом трудового существования, обрелось на вымирание. Россия и "СНГ" сейчас похожи на людей в коме, из которых качают донорскую кровь дееспособные упыри (типа США), а питают несчастных искусственными препаратами, через капельницу, в целях будущего расчленения организма. Воспроизводственный базис наших стран носит весьма условный характер.

При частной материализации идеального момента, в импульсном режиме детерминации, всё и заканчивается этим узлом (материализации). Здесь происходит сравнение производственной ориентации с результатами производства и с продуктивизацией всего трудового цикла. Идеальное выявление материальных воспроизводственных отношений направляется, во-первых, в качестве воздействия отрицания отрицания в узел производства рабочей силы, во-вторых, - информационно-корректирующей обратной связью в высшую, надбазисную структурную сферу.

В системном режиме детерминации этот узел материальных отношений рабочей силы является первым - входом трудового базиса, в котором трудовые отношения только-только задаются. Входной узел (в импульсном режиме) станет "действительно-идеальным". В нём рабочая сила будет не столько производиться, сколько воспроизводиться. Тогда этот второй узел с уверенностью определим как узел образования рабочей силы. Импульсно действующий узел производственной ориентации, специализации рабочей силы, станет заключительным. Самосохраняющее его воздействие на узел материальных отношений рабочей силы уверенно выполнит роль отрицания отрицания идеального момента.

8.2. Трудовое действие.

Труд приводит в действие квалифицированная (производственно ориентированная) рабочая сила человека. Но что может человек без соответствующих его квалификации средств, без капитальных трудовых вложений? - Очень и очень немного. Практически, ничего. Т. е., прежде чем совершить производственное действие, человеку ещё необходимо выполнить определённую "формальность", организовать для процесса производства. Т. е. нужно ознакомиться-воссоединиться с "мёртвыми" орудиями производства, с иными материалами и с "живыми" правилами их использования, - войти с ними в соответствие, в отношение, в идею трудовой действительности.

Как раз этим и “занят” идеальный узел производства, узел производственных отношений в процессе производства (рис. 12).

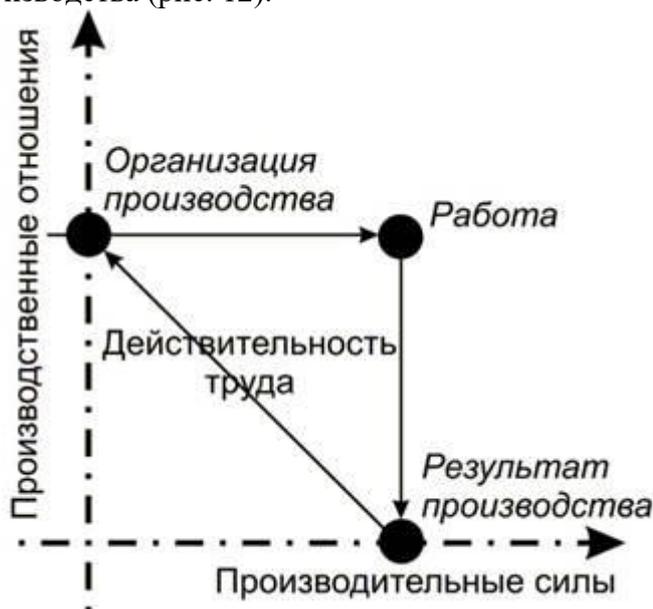

Рис. 12. Действительный трудовой процесс: производственные метаморфозы

Он формирует производственную идею (на идеальной оси производства, Производственных отношений) средствами производства:

- идеальные средства производства - производственно ориентированная (квалифицированная) рабочая сила;
- материальные средства производства - орудия производства (и предмет труда: сырьё, комплектующие);
- действующие средства производства - организация производства и методы производственного управления (организованная производственная система) - управляющее олицетворение процесса производства.

И всё. Больше ничего, никаких средств дополнительно для процесса производства не требуется.

Однако и эти три базисные производственные средства комплексно не рассматриваются экономистами, даже марксистски образованными. Исторически сложилось так, что революционная пролетарская наука стала складываться в самом конце мелкотоварного капитализма, когда общественный капитал проявлялся лишь в качестве революционно развивающихся орудий производства (паровые машины и даже электричество). Методы производственного управления отдавались на откуп “талантливым” (высокооплачиваемым) надсмотрщикам и учёту не подлежали. Рабочая сила, в частной собственности её носителя, теряла связь с общественным производством, вообще: с ней невозможно было выполнять крупные финансовые операции. Поэтому победившему пролетариату (имеющему в частной собственности свою рабочую силу и игнорирующему управляющее олицетворение производственного процесса) предлагалось взять в собственность орудия производства и успокоиться на достигнутом. Так оно и произошло в 1917 г... не надолго, естественно.

Весь вопрос в том, как организовать эти средства, чтобы они оживились в рабочем процессе. И поскольку все перечисленные средства несёт в процесс производства человек, постольку и организует эти средства производственная идея, т. е. производственные отношения в процессе производства. Эта идея уже наличествует в идеальном трудовом моменте, в процессе производства она становится действительной. А именно: как и каким лицам принадлежат средства производства, дабы они были в состоянии включиться в производственный процесс. И если производственные отношения” соотношения поняты участниками процесса производства, то последний непременно состоится.

Организуясь в идеально-производственном узле, средства производства преобразуют себя в производственном акте: они выполняют работу. Это - центральный жизненный узел труда, собственно процесс производства, узел производственного действия, рабочий узел. Работу он выполняет сам - лишь корректируясь надбазисными (опять-таки управляющими) потребностями. И - материально воплощается в результатах производства. Итак, - Человек, умеющий оперировать средствами производства, в процессе производства становится Производителем силы общества. А то, в каком отношении человек находится к этим же средствам производства, определяется общественными Производственными отношениями. - Узел результатов производства - рабочая материализация, производственные изделия. Для простого воспроизводства - это уже самодостаточный узел, готовый к потреблению, к воспроизводству рабочей силы, и к новому производству. Для простого воспроизводства производственные изделия являются целью и средством человеческого существования. Такую (урезанную) систему общественного воспроизводства люди (плюс, их предки-архантропы) использовали миллионы лет, и используют до сих пор примитивные человеческие сообщества, часто превосходя в человечности развитые социумы. Но даже тогда, когда все производственные изделия, в силу производственной специфики, уходят в общественные сферы, и тогда обратные связи между рабочей материализацией и анализом материальных отношений рабочей силы должны иметь место - информационными воздействиями. Так же, как и с узлом организации производства.

Этот базисный тандем, "Рабочая сила - Производство", демонстрирует собой органическую связь живого и действующего труда, трудовой идеи и трудовой действительности. Именно так человек способен ощутить себя Человеком. Ведь этот "тандем" показывает не только личностное участие в производстве и в личностном же воспроизводстве. Здесь раскрывается коллективная трудовая необходимость: коллективное производство и коллективное воспроизводство должны соответствовать друг другу не только качественно, но и полным своим организованным количеством. Раскрывается базис коммуны, базис коммунистического способа общественного производства. Ячейка коммунистического общества.

Воспроизводственная община.

Человечество испокон веков несло в себе бремя общины в простом воспроизводстве. Даже тогда, когда это простое воспроизводство потеряло общественную значимость, всё равно оно использовалось - изолированно от расширенного общественного воспроизводства. И это касается не только "деревенского общежития". Начиная с античных времён, в городах почти каждый дом ("дем" - демократия) на "заду" имел сад - приусадебное хозяйство. Этим, например, на Руси, характеризовались как провинциальные города, так и Москва (большая деревня). Даже при становлении капиталистических предприятий хозяева, привлекая рабочих, выделяли для них не только "ночлежки", но и участки земли для дома и огорода с живностью. Конечно, эти "семейные коммуны" мало способствовали коммунистическому общежитию, но всё же позволяли сохранить человеческое достоинство наёмным рабам. Попытки прерывания затянувшейся общинной беременности, например, в России, последовательно выполнялось столыпинским разделом общинных угодий, сталинской "коллективизацией" и хрущёвской "цивилизацией" деревни, а теперь - общим разорением страны.

8.3. Трудовая материализация.

Цивилизованное общество не может себе позволить замкнуться на простом, корпоративном воспроизводстве, пусть даже "общенародном" и "трудовом". Да оно изначально и не "замыкалось", принося дары: сначала матронам, потом "патронам" (патриархам) и, в заключение, вождям территориальной общины (а жрецам, жертвы, - всегда).

Однако со времён тоталитарного рабовладения, ” 5 тысяч лет тому назад, многое “в этом плане” изменилось. Именно тогда добровольные дары были заменены принудительной данью, часто переходившей в откровенный грабёж. Как и современные налоги.

Однако, чтобы развиваться, общество обязано прибавочно (к необходимому) трудиться. Именно величина прибавочного труда определяет темпы общественного развития, если, конечно, эта величина имеет хоть какие-то научные основания. Эти последние не способна определить даже воспроизводственная община, тем менее индивид, хоть семи пядей во лбу. Внутренние (частные) интересы не способствуют научным обобщениям. Поэтому все результаты конкретного производства обязаны преобразоваться в общественный продукт, дабы получить общественную оценку и рационально реализоваться. (Рис. 13)

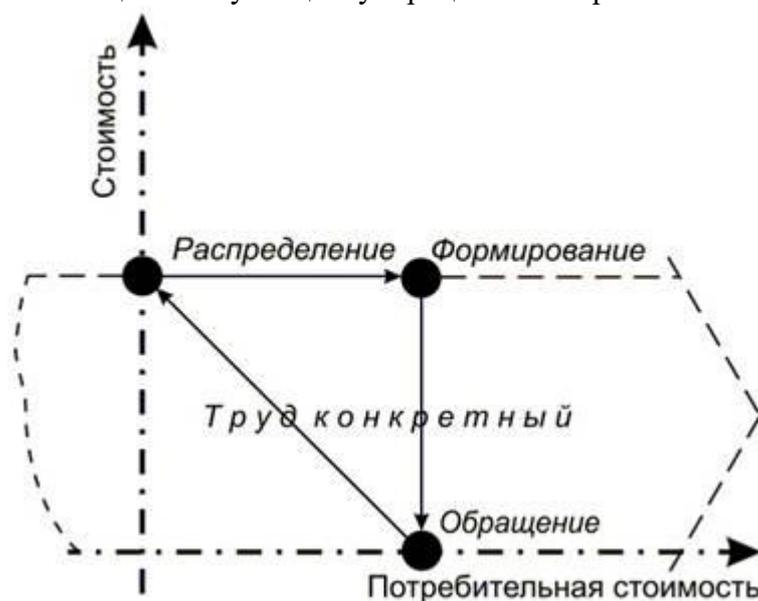

Рис. 13. Материальный результат труда: метаморфозы продукта труда

Входом материального трудового момента (и при системном, и при импульсном режимах) будет лежащий на внутренней границе материальной же “полосы” его действительный узел, точнее, сфера определения и формирования продукта труда. Здесь производственные изделия обретают как форму своего потребления, так и содержание, относительную возможность потребления. Определяется Продукт Труда. Качество и стандартизация продукта труда задаются ему уже на уровне изделий, т. е. в процессе производства. В сфере формирования эти качество и стандартизация только проверяются, не допуская до общественной значимости дефектные изделия. Отбраковываются также изделия, не соответствующие возросшим потребностям рабочей силы (воздействием обратной связи от узла уровня квалификации) и стратегии развития общественного воспроизводства (от высших уровней). После чего “брак” направляется на “второй круг” тандемного цикла.

Главной же задачей формирования продукта труда выступает выявление соотношения между необходимой и достаточной его пропорциями, согласно тем же воздействиям. После чего готовый к общественному воспроизводству продукт труда напрямик направляются в сферу обращения, где он обязан идейно раздвоить свой лик на необходимый и прибавочный.

Всеобщую сферу обращения продукта труда часто путают с капиталистическим, частнособственническим “товарооборотом”. Казалось бы, в сфере обращения продукту труда больше “нечего делать”, кроме как распределиться по необходимой и прибавочной “ветвям”. Однако особенность этой “сферы” состоит в том, что продукт труда здесь взаимодействует с “заграницей” трудового воспроизводства. Поэтому распределение его на необходимую и прибавочную ветви существенно корректируется внешними обстоятельствами. Поэтому же здесь происходит и необходимый продуктообмен с внешней средой.

В СССР последним занимался Внешторг, неподведомственный отраслевым министерствам, ответственным за выполнение внутренних производственно-сбытовых операций. В результате отрасли, ориентируясь на Внешторг, выполняли "экспортную продукцию" с более высоким качеством, нежели для внутреннего потребления. Подобная же "ориентация" имела и в отношении Министерства обороны благодаря "военной приёмке" производственных изделий. Таким образом, вся страна, вплоть до каждого предприятия, делилась на различные, конкурирующие между собой, воспроизводственные системы. А конкуренция рано или поздно приводит страну к кризису, который не заставил себя ждать.

Выполнив в сфере обращения прибавочные и обменные функции, продукт труда направляет свои самопреобразующие действия в сферу распределения, где он под влиянием надбазисных идей выполняет как бы второе (вещественное) обращение: материальным средством производства - в производственный момент, или жизненным средством - в идеальный момент, Рабочая сила. Кроме того, воспроизводственная информация поступает в сферу формирования продукта труда (вместе с продуктовыми излишками, для второго круга продуктооборота).

Для завершения естественного (коммунистического) базисного цикла воспроизводства остаётся лишь увязать значение жизненных средств на стоимостной оси Продукта труда с материальным узлом Рабочей силы. Это происходит под управляющим воздействием надбазисного уровня, туда же идёт сигнал после завершения отрицания отрицания в трудовом воспроизводственном цикле - из материального узла Рабочей силы. Характерна также корректировка формирования жизненных средств производственным моментом. Этим рабочая сила заведомо настраивается на производственный лад ещё до своей воспроизводственной объективизации, дабы не идти на поводу внешних обстоятельств.

8.4. "Тандемы".

Если коммунистическому способу производства соответствует воспроизводственный тандем "Рабочая сила - Производство" (см. 8.2. и рис. 14), то капиталистическому, товарному производству - "Производство - Продукт труда", а точнее - "Производство - Сбыт товаров".

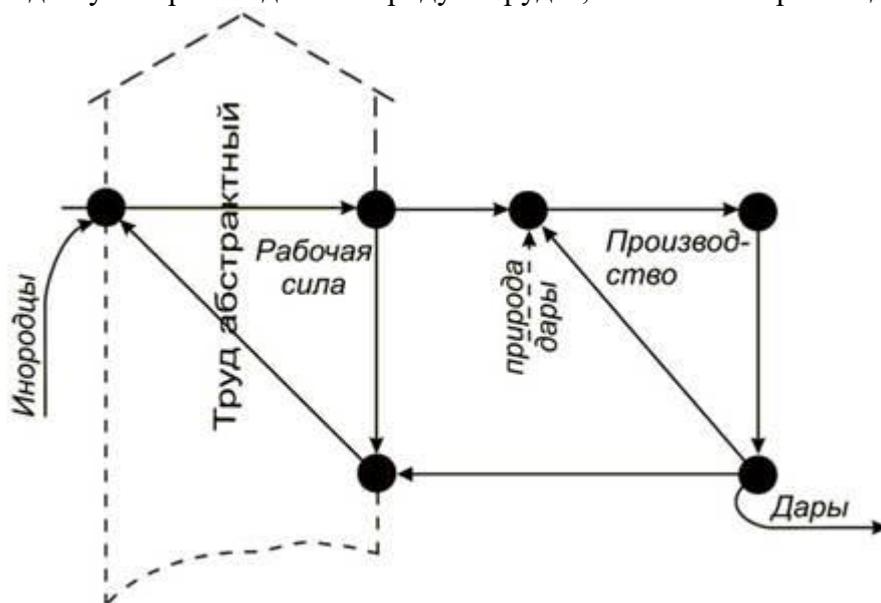

Рис. 14. Общинный (родовой) тандем: простое воспроизводство

Продукт труда отличается от товара тем, что второй приспособлен сугубо для нетрудового поля, на продажу, для рынка сбыта, где и происходит пресловутый торгашеский товарооборот, "дашь на дашь", дополнительно требующий громадных трудовых капиталовложений. Одни только потери Продукта труда соизмеримы с процессом его производства.

В этом “тандеме” (в противовес коммунизму: Рабочая сила - Производство) непосредственно не осуществляется воспроизводственный цикл, поскольку весь продукт труда уходит за пределы данного трудового поля, а оборотные и жизненные средства поступают тоже извне. Другими словами: и рабочая сила, и материальные средства производства, и методы технологии, с самими управленцами - всё приобретает в готовом виде на рынке, вне воспроизводственного, трудового поля. (Рис. 15.)

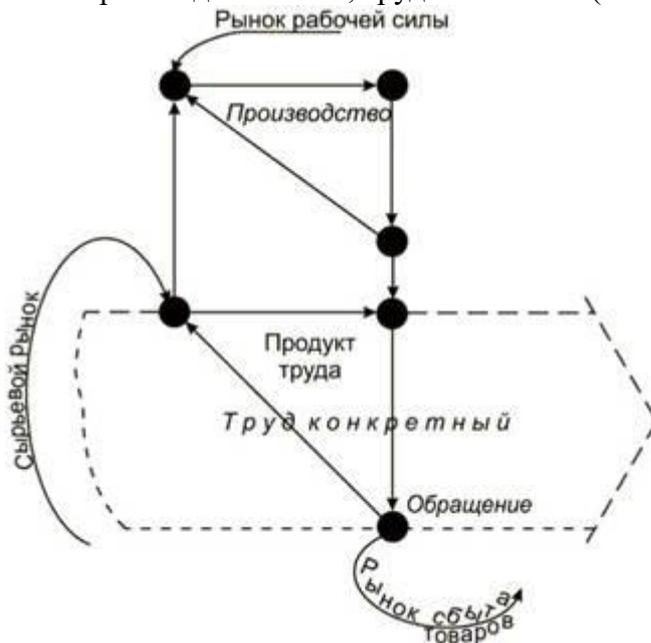

Рис. 15. Капиталистический тандем: производство и сбыт товаров

В замыкании отрицанием отрицания трудового системного цикла выявляется ещё один тандем - “Рабочая сила - Продукт труда”, характерный, конечно, для рабовладельческой формации. Это - система производства рабочей силы на продажу в иные “сферы”. Причём, это более подневольный тандем, нежели буржуазный - “Производство - Продукт труда”, поскольку носитель рабочей силы здесь вообще не в состоянии свободно проявить свои способности как человеческая личность - свободно и разумно самоосуществиться - в производстве. Раб представляет для рабовладельца уже готовый продукт, капитал, способный принести доход при помощи рыночной конъюнктуры. Процесс производства материального продукта интересует рабовладельца гораздо меньше, нежели капиталиста. (Рис. 16.)

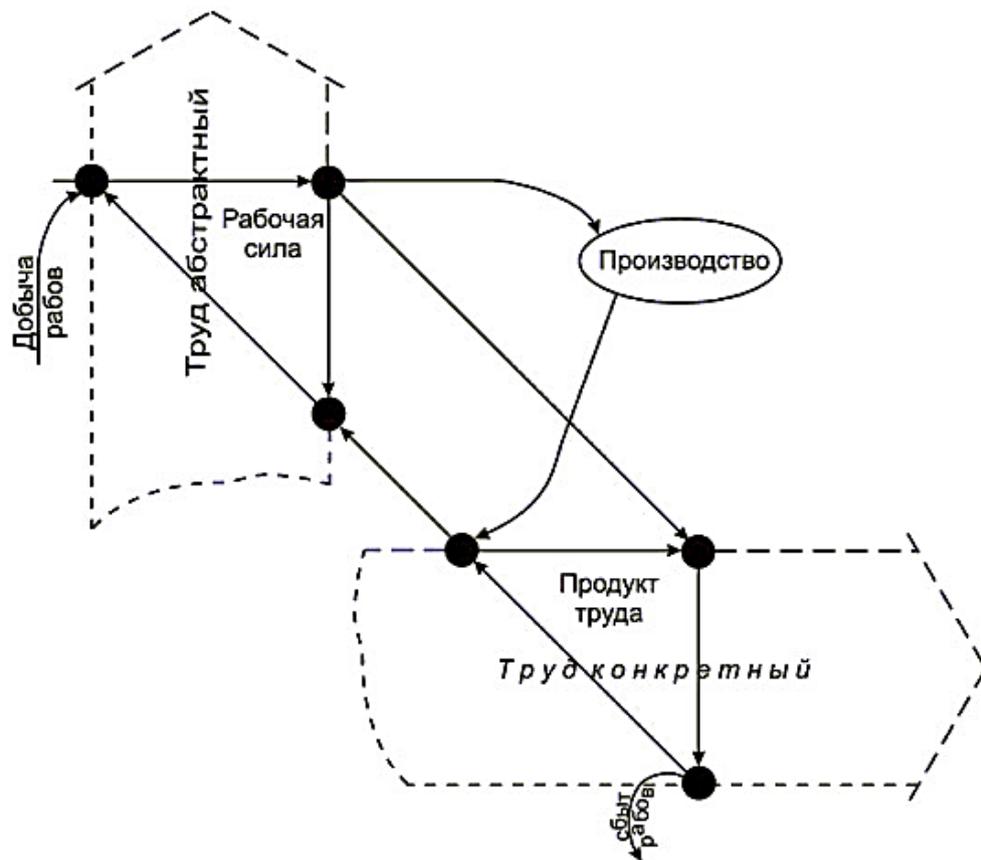

Рис. 16. Рабовладельческий тандем: производство и сбыт товаров

И этот рабовладельческий процесс производства организуется не после подготовки рабочей силы, а внесением её сверху, в руки надсмотрщика, по воле собственника товара Рабочая сила. Такая же картина наблюдается и в капиталистическом производственном акте с той лишь разницей, что рабочая сила продаётся товарному собственнику - капиталисту, хозяину - непосредственно носителем этой рабочей силы, с "правом выбора". В обоих случаях носитель рабочей силы отделён от процесса производства.

Только коммунистический тандем "Рабочая сила - Производство" способен осуществить освобождение носителя рабочей силы от подневольного труда. Именно в такой воспроизводственной системе непосредственно выявляется необходимость и возможность разумного, общественного человеческого существования. Именно таким образом личность способна проектировать своё будущее и свободно участвовать в общей жизни. Т. е. создаётся общественный базис трудового воспроизводства при научном обеспечении формирования Продукта труда. (Рис 17.)

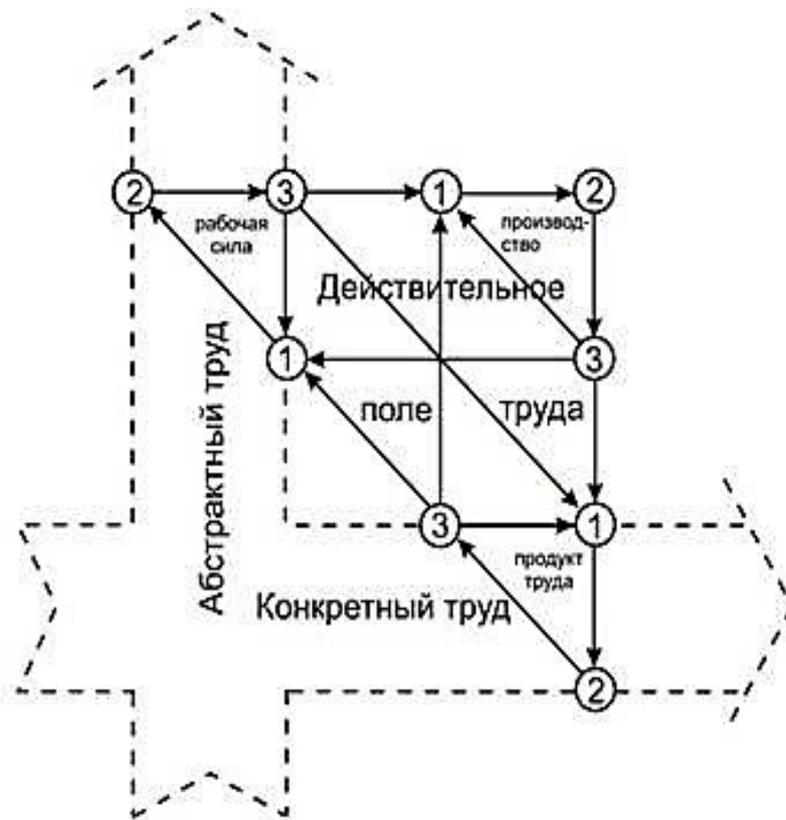

Рис. 17. Оптимальный трудовой базис

Общественные классы. Противопоставление интересов. Частная собственность на средства производства.

“Собственность и её юридическое выражение” (К. Маркс)

В настоящее время термин “собственность” используется в довольно широких пределах. Часто в социально-научные сферы проникает вульгаризованное, вещественное понятие собственности: собственность как предмет - игнорируется отношение индивида, или групп, к этому самому предмету (ныне, мол, все отношения - частные). Собственность варьируется также в своих собственных, качественных понятиях: обладание, владение, пользование и др.

Мы здесь будем использовать качественное, относительное понятие собственности.

Сформулируем его так:

Собственность есть безраздельное обладание каким-либо предметом.

Тогда собственность будет выражаться не сама по себе, а отношением кого-либо к чему-либо. Т. е. не, просто, “собственность”, а “собственность-на...”. Здесь же нас интересует собственность на средства производства, причём, в дифференцированном виде средств производства: идеальных, материальных и действующих - организующих процесс производства. (Рис. 18.)

Рис. 18. Средства производства

Идеальное средство производства - Рабочая сила

Действующее средство производства - Процесс производства

Материальное средство производства - Орудие производства

Рабочая сила есть материальное ничто, трудовая возможность, идея труда, объективная трудовая идея, выраженная в субъекте. Субъект является носителем рабочей силы. А социально-природная среда формирует её, как объективную трудовую идею.

Процесс производства есть акт материального воплощения, процесс овеществления трудовой идеи, сама трудовая жизнь. Внешне, процесс производства выражается организацией рабочей силы и материального производственного комплекса в производительную силу и управление этой производительной силой.

Орудия производства суть произведённые человеком средства для воспроизводства и развития материального производственного комплекса. Это - продукт труда в целях процесса производства.

Объективно, средства производства должны (безраздельно) принадлежать тем, кто эти средства с необходимостью воспроизводит. Юридические законы с необходимостью же следуют за этими объективными условиями.

Собственность на рабочую силу (см. а. на рис. 19), изначально - общая, родовая. В этих условиях средства на её воспроизводство добывались сообща, родом; и рабочая сила носителя воспроизводилась тоже под недремлющим общественным оком. Таким образом, вначале, она была материнская, потом, - патриархальная и, в заключении, - союзная, общинно-родовая. Собственность на рабочую силу определяла межродовой изоляционизм. Но не внутри-родовой.

Коллективно-общественная	Коллективно-общественная		3	Коммунистический, научно-всеобщий	Общественный
Коллективно-региональная	Коллективно-региональная		2		
Коллективно-производственная	Коллективно-производственная	Научно-общественная	1		
Частно-пролетарская	Комплексно-отраслевая ("номенклатурная")	Государственно-монополистическая	3	Капиталистический, денежный	Частно-собственнический
	Частно-специализированная ("менеджерская")	Отраслевая монополистическая	2		
	Ограниченно-частная ("приказная")	Частно-предпринимательская	1		
Феодально-рабская	Рабовладельческо-надсмотрщицкая	Феодально-рабская	3	Рабовладельческий, натуральный	Частно-собственнический
Частно-рабовладельческая		Частно-рабовладельческая	2		
Государственно-рабовладельческая		Государственно-рабовладельческая	1		
Союзно-родовая	Союзно-родовая		3	Общино-родовой, корпоративный	Общественный
Патриархально-родовая	Патриархально-родовая	Личностно-родовая	2		
Матриархально-родовая	Матриархально-родовая		1		
а. Рабочая сила в воспроизводстве и распоряжении	б. Процесс производства в организации и управлении	в. Продукт труда в орудиях производства	г. Уровни и этапы отношений труда		

Рис. 19. Формы собственности на дифференцированные средства производства в уровнях и этапах исторической концентрации общественного хозяйства.

Когда же человеческий "социум" (т. е. общество в охраняемых границах) численно увеличился до невозможности уследить за каждым её членом, то функции воспроизводства, приумножения и совершенствования рабочей силы общества и каждого индивида взяла на себя "ответственная личность", государственный рабовладелец. Последний стал собственником рабочей силы общества, в целом, и каждой личности этого общества, в отдельности. К общественному изоляционизму присовокупился внутри-общественный. По собственности на рабочую силу социум разделился на две устойчивые группировки: рабовладельцы и рабы (носители, между прочим, рабочей силы).

Частное рабовладение поделило "ответственность" и собственность на рабочую силу между владельцами отдельных частей общества, демов (домов, рабовладельческих

хозяйственных ячеек). А феодализм поделил ответственность за воспроизводство рабочей силы между феодалом и самим носителем этой рабочей силы, холопом.

Капитализм же, вообще “лишил” хозяев жизни собственности на общественную рабочую силу, передав её в безраздельное владение пролетария, наёмного раба.

По собственности на рабочую силу капиталистическое общество также делится на два класса, но в опрокинутом виде:

- 1) пролетарии, безраздельные владельцы (и воспроизводители) своей рабочей силы, превалирующей над иными средствами производства в их обладании, - рабочий класс, и
- 2) капиталисты, имущие в собственности материальные средства производства, по сравнению с которыми их личная рабочая сила близка к нулю, но лишённые собственности на общественную рабочую силу. Последнюю капиталисты вынуждены покупать у пролетария (естественно, вместе с ним).

Собственность на процесс производства (в функциональном порядке изложения), изначально (см. б. на рис. 19), также, как и рабочая сила, - обще-родовая. Поскольку род, несомненно, представлял собою воспроизводственный и самоуправляемый социум, постольку все трудились сообща и интересы общественного производства превалировали над интересами личного потребления.

Самоуправление необходимо предусматривает специализацию работников (иначе ничего стоящего произвести нельзя), но с обязательной взаимозаменяемостью. Люди учатся друг у друга и учат друг друга. И поскольку родовой процесс производства целиком зависит от общественного уклада и сам определяет вид родового уклада, постольку он, в организации и управлении, также исторически разделяется на материнскую, патриархальную и союзно-родовую формы собственности.

Дифференциация собственности на процесс производства, конечно, создавала тенденции внутриродового изоляционизма. Скрепляло же социум всё то же превалирование производства над потреблением жизненных средств.

Государственные аристократы, безраздельно завладев общественной рабочей силой, “добровольно” её передали, для формирования производительных сил, “худородным” хозяйствам. Эти организаторы и управители рабов выступили “средним” слоем государственного рабовладения, устойчивой социальной группировкой - управленческим классом.

В следующих двух фазах рабовладения и даже в первой фазе капитализма обособленность управленческого класса несколько размылась. Рабовладельцы и мелкотоварные капиталисты либо сами “впрягались” в управленческую деятельность, либо выбирали для этой цели вёртких представителей неимущего класса. Лишь в отраслевой монополистической (менеджеры) и государственно монополистической (номенклатурные работники) фазах капитализма управленческий класс выступил обособленным “средним классом”, классом “интеллектуалов” и “заслуженных” людей.

Целью жизни каждого номенклатурного работника была очередная карьеристическая ступенька. Стать государственным капиталистом (членом Политбюро ЦК КПСС) практической возможности не предоставлялось, за ограниченностью, малочисленностью и устойчивостью состава коллектива государственных капиталистов. Менеджер же спит и видит возможность “сколотить состояние” и стать (мелкотоварным) хозяином, “свободным человеком”. А там, глядишь, подвернётся случай “проглотить” одного-другого конкурента, и выдвинешься в настоящие хозяева жизни - в монополисты. Вполне реальный путь для удачливого менеджера. Поэтому номенклатурные работники есть наиболее обособленный класс управленцев.

Но даже в этих двух последних фазах капитализма представители управленческого класса не чувствуют себя вольготно. Они находятся под систематическим контролем своих полу-грамотных хозяев, собственников материальных средств производства. Их не допускают к свободному формированию собственно общественных средств производства (корпоративных и государственных систем). “Сталь” решающего голоса не всегда им дозволяется. Управленцы - народ вечно обиженный, склонный бунтовать и воровать народное добро (где только “плохо лежит”) в крупных размерах, дабы выбиться “в люди”: иметь, хоть маленькое хозяйство, но своё (при госкапитализме - подпольное).

Собственность на материальные средства производства (орудия производства), будучи поначалу сугубо личной (см. в. на рис. 19), не имела никакого социального значения.

До сих пор между близкими друзьями нередки дарения понравившихся вещей. В “диких” же племенах достаточно одного восхищенного взгляда, чтобы получить в дар дорогой предмет. Папуасы даже снаряжают флотилии для поисков “Банги”, племенного ритуального украшения из раковин, которое им стало “нужно”. И они получают Банги после красноречивого доказательства его “нужности”. И никакой материальной компенсации!

По уровню общественного совершенства материальные средства производства не в состоянии были конкурировать ни с общинной рабочей силой, ни с организованным процессом производства (направленным, в основном, на производство жизненных средств).

Лишь в конце первобытного коммунизма, когда военное производство, градо- и домостроительство, во всё увеличивающихся объёмах, потребовали расширения производства средств производства, серьёзно встал вопрос об ответственности (персональной) за эти материальные средства производства. Но поскольку, вплоть до середины феодализма, орудия производства внешне мало изменились, собственники материальных средств производства функционально не могли выделиться в особый класс. Они были слиты воедино с собственниками рабочей силы. Рабочее искусство и производственные хитрости превалировали в жизни.

Капиталистические производственные отношения, зародившись в недрах феодализма, резко изменили социальное положение материальных средств производства. Последние можно было гораздо легче накапливать, причём, в одиночку, никого об этом не спрашивая, частным образом. И они не требовали поначалу особых забот по их воспроизводству, в отличие от быстро тающей рабочей силы и рассыпающегося в ничто организованного производственного процесса.

Материальный рост социумов резко пошёл в гору. Потребительский вещизм опрокинул человеческое сознание на до-человеческий, архантропный уровень. Религиозные ретрограды ретировались. Субъективно-меновый эквивалент труда - денежный знак - заслонил собой людям все остальные человеческие потребности.

С этим материальным превалированием ушли в социальную тень и рабочая сила, скинутая “безвозмездно” её носителю, и процесс производства, передаваемый в наём тоже пролетариям, но особо “искусным” и хватким до эксплуатации чужого труда (бессовестным).

Итак, частнособственнические способы производства определяются двумя историческими формациями: рабовладельческой и капиталистической. В обеих хозяйственные “танделы” (рис. 15. и 16.) не имеют воспроизводственного характера. Так, рабовладельческая пара, “Рабочая сила - Продукт труда”, предназначена лишь для воспроизводства общественной рабочей силы на продажу. А капиталистическая - “Производство - Продукт труда” - организована продуктовым производством, но тоже в товарном виде и тоже направлена за пределы общественно воспроизводственного (трудового) контура. Вся сфера общественного производства организуется товарно, секретно, индивидуалистически. Поэтому и все средства производства в этих формациях имеют не общественный, а частный характер.

Если идеальное средство производства, общественная рабочая сила - в рабовладельческом Способе производства - поставляется в общественный процесс производства рабовладельцем, то исполняется процесс производства непосредственно носителями этой рабочей силы (рабами), организованными с помощью материальных средств производства в рабскую производительную силу общества. Следовательно, рабы объективно выступают народом и самим обществом. Т. е., те, кто в этом обществе не пользуется никакими правами, в собственности абсолютно ничего не имея, не имея даже заинтересованности в собственном труде, есть основная, базисная общественная среда. А те, кто стоит над обществом, опасаясь даже возможности сравниться с народом, имеют в своём распоряжении все общественные ценности.

Таким образом, как известно, рабовладельческое общество исторически и логически распадается на два существенно отличных друг от друга класса: рабовладельцев - собственников общественной рабочей силы, и её носителей - рабов. И таким вот непосредственным образом рабовладельческое общество существовать (воспроизводиться и развиваться) не в состоянии: и рабы, и рабовладельцы не заинтересованы в осуществлении процесса производства. Рабовладельцам не позволяет трудиться в хозяйственной среде их общественное положение властителей общества (они лишь “трудятся” в утверждении своей “божественности”, а также на войне). Работа в среде рабов автоматически лишает их власти. А рабы и вовсе не должны ратовать за то, чтобы с них драли шкуру.

В капиталистическом обществе (формации) ситуация аналогична. Здесь господствуют собственники материальных средств производства (в тандеме с процессом производства) - буржуазия. А исполнители - наёмные рабы, пролетарии – являются одновременно и собственниками своей рабочей силы, которую они индивидуально (или же в своей частной семье) воспроизводят.

Господа, хотя они и зорко следят за организацией системы производства и сбыта товаров, весьма далеки от непосредственного производства продукта труда. И здесь противоположные классы - буржуазия и пролетариат - не способны непосредственно осуществить общественное воспроизводство.

Обеспечивает процесс производства (и, соответственно, общественное существование) промежуточный общественный слой - и властвующий (хоть и не безраздельно) над рабами, в том числе - наёмными, и способный работать (весьма инициативно управляя этими рабами, сдирая с них шкуру непосредственно). **Это - знающие толк в деле представители третьего общественный класса - надсмотрщики, начальники, управленцы, руководители процесса производства.**

Существуя во всех частнособственнических фазах исторического развития, управленцы коагулируются, как класс, лишь дважды: при Тоталитарном аристократизме (первой фазе Рабовладения) и при Буржуазном социализме (последней фазе Капитализма) - оба раза - с государственной монополизацией общественного хозяйства.

В остальных промежуточных фазах управленческий класс имеет тенденцию смешения, либо с высшим, либо с низшим классами. Т. е., либо господин, собственник доминирующих средств производства, выбирает управленца из рабов (в том числе наёмных), либо (“по бедности” или по уму) сам засучает рукава, совмещая (но не отменяя этим) управленческие функции.

Но существует управленец всегда: и при рабовладении, и при капитализме - во всех частнособственнических фазах социального развития.

Из-за своего “неявного” вида управленец, практически при всех случаях народного гнева, оставался в тени. Довольно жестоко расправляясь с царями-королями (в общем-то радателями народного добра), революционеры всегда призывали на помощь в создании нового, справедливого общества этих народных эксплуататоров - управленцев. И

получали **не более того**, в **чём** были заинтересованы эти трудовые захребетники. До сих пор революционно настроенные социалисты (рука не поднимается писать о них, как о "коммунистах") норовят рассматривать представителей третьего класса в качестве "пролетариев".

Таким образом, по отношению к средствам производства (собственности) будем различать следующие частнособственнические общественные классы:

Рабовладение

1. **Рабовладельцы** - собственники общественной рабочей силы, рабов.
2. **Надсмотрщики** - собственники процесса производства.
3. **Рабы** - абсолютно не имущие средств производства - носители рабочей силы, использование и воспроизводство которой осуществляется по воле рабовладельца и под контролем надсмотрщика.

Капитализм

1. **Буржуазия** - собственники общественных орудий, материальных средств производства.
2. **Управленцы** - собственники непосредственного процесса производства.
3. **Пролетарии** - собственники личной рабочей силы, воспроизводящие её самостоятельно в целях продажи, обмена на жизненные средства, и поступая, в результате продажи, в специализированное рабство к буржуа, под надзор управленца.

На примере буржуазно-социалистической, государственно-монополистической, высшей фазы капитализма страны – СССР - особенно заметна кристаллизация трёх-классового общественного расслоения. Во власти Политбюро ЦК КПСС были сосредоточены все материальные средства производства. Во власти “номенклатуры”: от секретарей ЦК, министров, генеральных конструкторов до начальников цехов и отделов, плюс армия бригадиров и мастеров - весь общественный производственный процесс. В пролетарской же власти, - рабочих и колхозников, - воспроизводство их частной рабочей силы, носителями которой они и состояли.

Поскольку высшая фаза капиталистической формации есть, объективно, переходная к Коммунизму, постольку она объективно определяет собою границу капитализма. И если на словах идеологи госмонополизма призывали народ строить Коммунизм, то буржуазно-социалистические практики, “защищая своё государство”, систематически откладывали построение коммунизма “на двадцатилетие”. Когда же и те, и другие “открыли” неопределённость коммунистических горизонтов, народ лишился веры в своих вождей и в смысл собственной жизни. СССР рухнул в одночасье.

Но поскольку переходная капиталистическая фаза - объективно последняя перед Коммунизмом, постольку в ней (в последней) объективно наличествуют базисные признаки первой, коммунистической, т. е. бесклассовой, не-товарной общественной системы. Нелишне эти признаки здесь кратко перечислить:

1. Уравнительная система заработной платы,
2. Расширенные средства общественного потребления,
3. Лимитированное распределение средств производства,
4. Системность организации производительных сил,
5. Поиски научного хода общественного воспроизводства,
6. Поиски коллективного воспроизводства,
7. Поиски самоуправления в процессе производства.

Эти и другие признаки уже не укладываются в чисто капиталистические рамки общественного конкурентно-товарного воспроизводства. **Недостаёт здесь главного, способного снять классовое общественное расслоение, - систематического внедрения**

производственного самоуправления. Последнему мешала именно кристаллизованная буржуазно-социалистическая классовость. Конкретно - управленческая коррумпированная корпоративность.

Преодолеть её сопротивление в СССР не удалось. Управленец - враг своего народа - оказался сильнее.

В результате ельцинской мелкобуржуазной контрреволюции не только были уничтожены производительные силы (неизвестно теперь какой страны, “СНГ”) с геноцидом народа. Взрывом возросла масса собственников материальных средств производства, в основном, торгового уровня, который, так или иначе направлен на дальнейшее разрушение получившегося социума. Ведь само торгашество способствует разложению человеческих качеств Личности.

Конечно, человек - существо общественное. Живя в частнособственническом обществе, он пытается проявить свои непременно человеческие, общественные способности. Однако объективно частные интересы объективно частных условий производства толкают его либо в стайный, либо в скотский образ жизни. Полагаю, всё это очень важно учитывать прогрессистам, разрабатывающим свои гуманистические предложения.

9. Диалектическое восхождение социального развития.

Формации и фазы.

9.1. Сопоставление двух основных диалектических систем - открытой и закрытой.

Выше мы уже рассматривали два вида диалектической детерминации, две функциональные структуры развития: открытую (развивающуюся) и закрытую (воспроизводственную). **Конкретизируясь определённым строением, структура выступает в качестве системы.** Открытая система, функционируя, уходит в теоретическую бесконечность. (Рис.20)

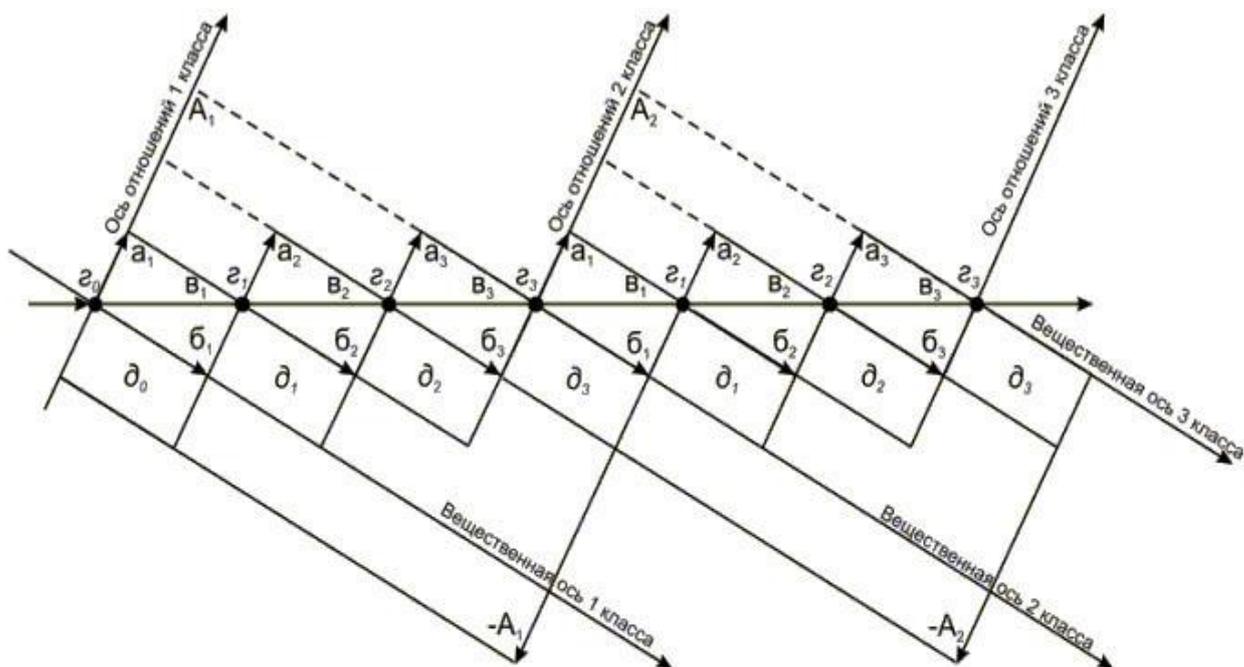

Рис. 20. Структура открытой (развивающейся) системы в троичной градации. Главные параметры функционального класса: A – классовое отношение; B – вещественность класса; $-A$ – базисное снятие функционального класса. Главные и производные фазовые параметры: a – доминантное отношение; b – доминантная вещественность; v – доминирующий фазовый рост (v_1 – всеобщность; v_2 – особенность; v_3 – единичность); z – фазовый переход; d – фазовое базисное поле

Закрытая, воспроизводясь, - практически замыкается отрицанием отрицания в исходном моменте - имеет явно выраженную цикличность состояний (см выше, рис. 7 – 10, 17) .

Но, с другой стороны, и открытая система на высшем уровне (цикла же) существенно повторяет исходный момент, и закрытая система, замыкаясь в исходном моменте, привносит в него существенно новое (развивающее). Там, где закрытая система имеет жесткие связи, у открытой - (всего лишь) тенденции, однако сугубо закономерные. И наоборот.

Кроме того, можно заметить, что закрытая система, имея переходы граничных состояний, ресурсно несамостоятельна. Открытая же система, наоборот, питаясь собственными ресурсами и будучи существенно изолированной от иных предметов и систем, функционирует с эффектом накопления. Следовательно, и различие, и сходство между открытой и закрытой системами - существенные.

Графически, перечисленное проявляется в разнонаправленности моментных переходов. Если закрытая система стремится зафиксировать результаты своего воспроизводства в иных “полях” и потому направления переходов - осевые (от идеальной оси, через действительность, к материальной оси), то открытая система выполняет моментные переходы в зоне и в соответствие “полевой” функции, т. е., в действительности. **Качественные переходы после количественного накопления выражаются идеальным скачком – внутри поля действительности.**

Это - “лирическое” вступление-отступление к тому, что, рассматривая социальное развитие (открытую систему), никак нельзя упускать из виду его системности, т. е. схождения его с воспроизводственными структурами (закрытых систем). И не особенно следует эксплуатировать их внешностные, графические различия.

9.2. Социальные системы.

Параметрическая классификация общественного производства (Разд. 5 Рис.5.) выявила - естественным диалектическим, марксистским принципом - соотношения уровней производительных сил и производственных отношений, соответствующих четырём формациям - “Способам производства (с большой буквы)”: Первобытному коммунизму, Рабовладению, Капитализму и Цивилизованному коммунизму.

Обнаружены недостатки такой систематизации, не проясняющей детерминацию в социальном развитии и догматизирующей понятия способа производства.

Социальная развивающаяся (историческая) система есть открытая система. Но это - открытая система - развитие закрытой системы, Способа производства. Поэтому первой диалектической дифференциации целого предмета на его противоположности и даже на тройственные состояния (моменты) оказалось явно недостаточно. К счастью, не востребуется и бесконечная дифференциация (как в непрерывных, ненакапливающихся процессах). Нужна всего лишь вторая дифференциация.

Эта нужда возникает, прежде всего, из-за того, что идеальный и материальный моменты располагаются на граничных предметных осях. Т. е. они связывают это предметное существование с иным. А сама граница суть ничто. В ней никакого существования нет. Поэтому после выявления узлов, связывающих **это** и **иное** поля, дальнейшая дифференциация (уводящая исследование в иные “просторы”) имеет довольно мало смысла. Но вторая - важна.

Таким образом, не из трёх характеристических состояний строится предметная воспроизводственная система (и “спираль”), а из девяти. Кроме того, без выявления дифференцированных средств производства (Разд. 8) само производство, вообще, неопределимо.

Всё здесь изложенное непосредственно относится и к **социальному процессу развития**. Определимся с его **границами** и **характеристиками**. (Рис.21 и 22)

- Социальное развитие, от его начала в Первобытном коммунизме до высшей фазы Капитализма – Госмонополизма - включительно, носит стихийный характер.

- История показывает, что все социальные перевороты рождали совершенно иные способы производства, нежели предполагали революционеры.

- Октябрьская революция, породившая Госмонополизм (Государственный капитализм, в образе СССР), стихийно раскрыла миру (хотя и весьма не корректно и не конкретно, но всё же) и потребность, и возможность научного социального развития, - при помощи диалектического марксистского учения, - к Цивилизованному коммунизму.

- Госмонополизм на шестой части Земли показал практическое социальное использование интернационалистических, марксистских принципов, как и нетоварных хозяйственных связей и экспериментов, отрицающих капиталистическую формацию.

- В недрах капитализма, но на базе марксизма и Госмонополизма (т. е., используя его опыт, с успехами и ошибками), стихийно создаются инициативные коммунистические группы для детальной разработки диалектической науки и на её основе - коммунистического устройства будущего самоуправляемого общества, а также методик и практической организации пролетариата для совершения коммунистического социального переворота.

- Цивилизованный коммунизм социально повторяет Первобытный коммунизм стихийной ветви социального развития, но на высшем, диалектико-научном уровне, с использованием всех достижений предыдущих фаз общественного развития и в мировом масштабе.

- Далее, не только само общество научно организуется, но и качественные социальные скачки развития предопределяются и рассчитываются на диалектико-научной основе.

● Начиная с Цивилизованного коммунизма возникает (пока ещё в головах людей, но на вполне объективных основаниях) новая, отличная от стихийной, научная ветвь социального развития.

Таким образом наш стихийный, прагматистский (методом проб и ошибок) социум, как низшая, неразумная ветвь общественного развития, определяется - от Первобытного коммунизма до Государственного капитализма, - включительно.

Три его основных Способа производства, формации, отличаются друг от друга, как показано выше (Разд. 8), во-первых, воспроизводственными хозяйственными ячейками, “тандемами”:

1. “Рабочая сила - Производство” - коммунистическая;
- 2 “Рабочая сила - Продукт труда” - рабовладельческая;
- 3 “Производство - Продукт труда” - капиталистическая.

(В этом отношении формулировка: “Семья есть хозяйственная ячейка капиталистического общества” - верна наполовину. Семья капиталистического общества, в массе пролетаризованного народа, осуществляет частным порядком воспроизводство общественной рабочей силы. Лишь семьи буржуазии, причём, крупные собственники, комплексно обладают тандемом “Производство - Продукт труда”, по сравнению с которым буржуазная рабочая сила мизерна.)

И, во-вторых, они отличаются, соответственно, собственностью на доминирующие средства производства в этих формациях, Разд. 5, Рис.5 (повторимся, дабы не листать страницы):

1. Первобытный коммунизм: родовой Способ производства, характеризующийся соответствием системы родового хозяйства (прежде всего, Процесса производства) - родовой собственности на эту систему. Показателем существования родовой производственной системы являются каменные орудия.

2. Рабовладение: частно-рабовладельческий Способ производства, характеризующийся соответствием рабской рабочей силы (как товара) - частно-рабовладельческой собственности на эту рабочую силу. Показателем существования системы рабовладения являются металло-машинные орудия (механизация) производства.

3. Капитализм: частно-капиталистический Способ производства, характеризующийся соответствием производственно-сбытовых систем (прежде всего, материальных средств производства) в натуральном и стоимостном выражении (капитала) - частно-монополизированной собственности на эти системы. Показателем существования капиталистической системы являются частная рабочая сила пролетария, производственная систематизация (предприятие, отрасль, государство) и всеобщая механизация, “динамизация”, электрификация и автоматизация.

4. Цивилизованный коммунизм: всеобщее-коммунизированный Способ производства, характеризующийся соответствием системы самоуправляемых производственно-воспроизводственных предприятий - коллективной собственности на процесс производства и на рабочую силу. Показателем существования коммунистической системы являются научная система общественного воспроизводства и общественная собственность на материальные средства производства.

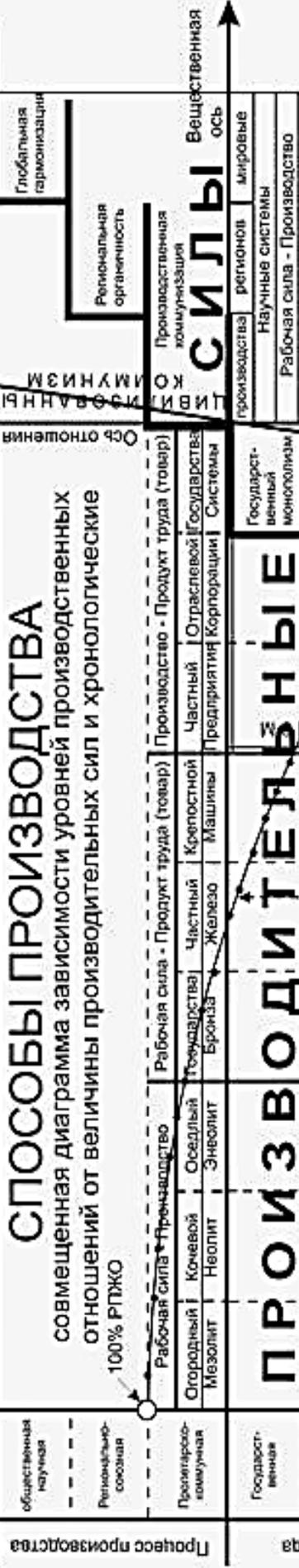
Теперь было бы очень удобно и просто, “разбив” каждый Способ производства, формацию, на соответствующие фазы, получить все девять исторических способов производства. Но мы, “наступив на горло” формализму, слегка определимся с пред-историей человечества, начнём с той стороны социума, с архантропной стаи. Этим мы точнее определим человеческие начала. (Рис. 21)

ФОРМАЦИИ И ФАЗЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА

совмещенная диаграмма зависимости уровней производственных отношений от величины производительных сил и хронологические

100% РПЖО

ХАРАКТЕРИСТИКИ

1. Линейно-ступенчатая социальная функция производственных отношений от производительных сил:
 - а. Формации
 - б. Фазы
2. Эпохальная хронология общественного развития:
 - а. До *потоп*
 - б. После *потоп*
3. Хронология вариации ресурсов природного жизнеобеспечения (РПЖО %):
 - а. *Нисходящая*
 - б. *Восходящая*

Продвигенский В.В.
92-04-05-21

Научная ветвь

Хронология

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СТИХИЙНАЯ ВЕТВЬ

Рис. 21. Совмещенная диаграмма (линейно-ступенчатой и хронологической характеристик) социального развития с наложением вариации жизненных средств от техногенных воздействий.

“Архантропная стая” здесь употребляется несколько условно. В это понятие включены сообщества: некоторых видов современных “обезьян” (например, так называемых, “карликовых шимпанзе”, полутораметрового роста, весьма промискуитетных), по существу - гоминид, питекантропов, собственно архантропов, неандертальцев, синантропов и даже неоантропов, имеющих сходные стайные традиции и способность к видовой эволюции. Кроманьонцы, по всему этому, выведены из пред-истории человечества.

Сейчас, когда всё людское население земли, “во главе” с Россией, подгоняемое США, летит в тартарары самоуничтожения (самое близкое - в архантропную разлагающуюся стаю), чёткое знание общественной предыстории весьма актуально. Надо защищаться. Ведь только некоторые люди, озверев, стремятся подавлять себе подобных, но никто не хочет в ад. Эти озверевшие индивиды торопятся замолить свои грехи, одаривая церковь, пытаясь откупиться от присущего им дьявола (а вовсе не от неведомого, потустороннего бога).

Архантропная стая есть ноль общественного развития. Это - уже не минус человечности, но ещё и не плюс. Чем значительнее социальный минус, тем существеннее влияние видовой конкуренции в воспроизводстве и развитии.

Кошки - павианы - архантропы: примерно такая ветвь снижения зверства вела к человечности. Если у кошек и павианов явно выражен патриархат, то у архантропов, с потерей самками эструса, самцы уже не могли уследить за внутри-стайными половыми связями и, соответственно, наследниками.

Вожака стада павианов зорко присматривает за созреванием у самки яйцеклетки, и готовых к оплодотворению “жён” он держит при себе, не позволяя, как до того, “резвиться” с другими самцами. Крупные кошки, например львы, более радикальны. Новый хозяин львиной семьи легко и просто убивает львят от прежнего вожака, а, заодно, их мамашу (чтоб не перечила). Так поступил и “прирученный” лев с семьёй умершего от инфаркта любителя животных, Берберова - хозяина стаи (в “понятиях” льва). Домашние коты в соответствующей ситуации расправляются с чужими котятами аналогично львам. Не в первом куске мяса самцу заключается смысл патриархата, а в видовом патриархальном отборе.

Только самки высших гоминид знали своих детей, поэтому, не смотря на свою грацильность, в стае они уже не подавлялись более мощными самцами, защитниками. Зверский патриархальный порядок нарушился промискуитетным половым, содомным беспределом, по существу женским видовым отбором.

9.3. Матриархат - Первая мировая социальная революция.

Несмотря на то, что внутривидовой кровнородственный брак в трудных условиях выживания экономил стайную энергию архантропов, этот промискуитет всё жёстче влиял на вырождение этого высшего инстинктивно-трудового вида гоминид. Природа не любит однообразия. Атрофировался волосяной покров, деградировал зубной и двигательный аппарат и физический рост.

Имеются исключения. Так, юго-восточные гигантропы достигали роста 3,5м., а европейские неандертальцы - 2,5м. И те, и другие имели, к тому же, весьма зверский облик.

Инстинктивный труд, хотя и компенсировал противостояние архантропов остальному животному миру ростом интеллекта, бессилён был против промискуитетного беспредельного “бардака”. Но только интеллект мог спасти гоминид от полного вырождения. И спас. Спас запретом этих кровнородственных (промискуитетных, в том числе и ложных) половых связей и (!) **осознанием** пользы таких “драконовских” мер, имевших, скорее всего, историческое происхождение - от “выживших из ума старух”, под прикрытием интуитивно-религиозных “указаний свыше”.

Произошла **Первая мировая социальная революция. Образовался человеческий Род.** Видовой отбор остановился. А социальное развитие “закрутилось”.

Преобразование архантропных стай в роды происходило относительно быстро, революционно. Религиозный запрет промискуитета резко увеличил производительность труда, поскольку Первым людям в хозяйственной деятельности уже нельзя было отвлекаться на похотливые “дела”. Вся их любвеобильная жизнь посвящалась труду во имя детей и родных, а также трудовой изобретательности. Автоматически появился прибавочный продукт, который, без ущерба для рода, можно было подарить соседям - задобрить потенциальных агрессоров. Появилось и “свободное время”.

Последнее, с учетом бытового совершенства, благосостояния, оказало решающее влияние на преобразование периферических архантропных стай в роды. И главную роль в этом исторически важном деле сыграла, конечно, та же обезьянья похотливость перво-людей (куда же ещё им было применить нетрудовое времяпровождение?). Люди “вышли в Свет”. И быстро (экспансивности им было не занимать) преобразовали себе подобных в самих себя - в людей. И внешне, и социально. Всего полсотни тысячелетий тому назад.

Настолько велика была сила рода по отношению к архантропным стаям, что какой-нибудь десяток-другой тысячелетий потребовался, чтобы “разобраться” со всеми “гигантропами”, “неандертальцами” и “синантропами” Юга, Запада и Востока. Быстроте этой победы революции способствовало понижение уровня мирового океана от замёрзшего Севера и открытия континентальных мостов.

“Кроманьонский” вид закрепился, как Гомо Сапиенс - Человек Разумный. Т. е., когда Человек Умелый стал общественным (социальным) животным, он стал разумным человеком.

Человеческий разум заключался в том, чтобы в среде своего рода существовать не чувствами и инстинктами, а понятиями общезнания. Жить социально. И потому - разумно. Ведь социальностьобщинников позволяла предвидеть, планировать, разуметь своё будущее каждому общиннику. Позволяла каждому быть разумным. И прививала разум - каждому.

Поначалу же никакой особой “социальности”, кроме запрета промискуитета, и не требовалось. Женщина, как и раньше, продолжала занимать особое, почётное место, как продолжательница рода, теперь уже осознанно. Мужчине же оставалось лишь добиваться женского расположения, теперь уже - духовного, материнского. И совершать подвиги: теперь уже не в конкурентной борьбе за самочье чувство, а с сознанием общественного долга.

Скудные орудия производства, доставшиеся в наследство от архантропов, хоть и быстро совершенствовались, приобретая правильные, мезолитические формы, не позволяли доминировать в хозяйстве мужской половине. Наоборот, поддержание огня ещё существеннее возвышало женскую доминанту, Хранительницу Очага. Всё хозяйство исходило от Женщины и функционировало во имя Женщины. Это и был Матриархат.

Женщины хоть и несколько реже стали беременеть (соседская община, тем более случайностные “залётные соловьи”, не всегда были “под рукой”), зато младенческая смертность значительно снизилась, и родовое воспроизводство пошло в гору. Люди, - уверенно обживая пещеры, сооружая удобные жилища (иногда даже из камня и распрямлённых (!) бивней мамонтов), покрывая их (и, в первую очередь, себя) выделанными шкурами, разводя огороды, - осели.

Родилось искусство - на зависть последующим и даже современным художникам. Религия из поведенческих интуитивных традиций архантропов преобразовалась в духовную крепость рода. Речь стала непременным атрибутом трудового общения. Слова-Заветы матрон передавались из поколения в поколение. (А ведь совсем недавно все были зверьми!!!)

Социальная революция была совершенной.

Матриархат: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила - Производство” имели “приусадебно”-женский характер, и Производственные отношения также выражались материнской собственностью и властью в этом хозяйстве.

Продукт труда практически не выходил за пределы общины и фактически не проявлялся, за редким исключением (пиров и даров соседям). Орудия труда находились в личной собственности, но легко переходили из рук в руки, дарением. На одной европейской поздне-мезолитической стоянке археологами обнаружена раковина с Индийского океана.

Несмотря на то, что род, первоначально и позднее, состоял, примерно, из ста человек (до сих пор человеческий мозг способен осваивать не более сотни близких людей; количество персон высшего порядка относится к “мало-знакомым”), археологи редко отмечают ранние первобытные жилища, вместимостью свыше тридцати обитателей. Зато часто попадаются мезолитические “стоянки” на 5 - 10 охотников. Из этого можно сделать вывод, что большая часть матриархального, осёдлого рода систематически находилась в откочёвках, за добычей, на охоте и по личным “надобностям”. Ведь вблизи хозяйственного центра очень скоро скудели жизненные ресурсы. Да и какому нормальному мужику понравится сидеть “у ноги” матроны (на побегушках)? А у молодых, здоровых девок тоже ведь в голове вечная романтика, зовущая в дорогу... Но всегда этих “охотников” и “романтиков” ждал материнский очаг. И с пустыми руками (и подолом) возвращаться к нему было досадно и стыдно.

9.4. Патриархат (“бархатная” революция).

Постепенно удалявшиеся откочёвки довольно пагубно влияли на родовой состав. Базисный очаг, оставаясь без взрослой молодёжи, с трудом противостоял нападением хищников, особенно, саблезубых. И он вовсе был незащищен от себе подобных, но агрессивных (“злого духа”) размножившихся соседей (ведь каннибализм со становлением общества исчез далеко не сразу и даже остался кое-где до сих пор). Требовались систематические перекочёвки на лучшие угодья. Во имя спасения матерей и детей род поднимался и уходил в неизведанные места.

Основные кочевые заботы легли на мощные плечи и в более мозговитые головы самоотверженных мужчин. Нужно было не только тащить на себе всё возрастающую массу “скарба”, но и соображать о направлении “марш-бросков”. Мужчины стали принимать общезначимые решения.

И это было вполне естественно. Не вмешиваясь в нарушенное переходами (но с жёсткими традициями) женское осёдлое хозяйство, мужчины очень быстро создали (на этой базе) своё - кочевое хозяйство. Эпизодическое приручение животных превратилось в скотоводство. Мезолитические, кое-как обколотые, скрёбла, пёры (наконечники копий), мотыги, топоры отшлифовывались с непревзойдённым доселе неолитическим искусством. Появились ножи, бумеранги, пращи, луки-стрелы, конница... Матронам оставалось лишь удивляться способностям своих “пацанов”. О конкуренции с ними не могло быть и речи. Женщины в кочевьях - сугубо “затурканный” и ограниченный народ.

Так, мягко, “бархатно” (по современной терминологии реакционеров), осуществилась **вторая первобытная (и мировая)**

революция - Патриархальная. Идеальный скачок, как и в случае с Матриархатом, осуществился **над** предыдущим (уже социальным) укладом жизни. Современными экономическими инструментами (методами) нам невозможно определить значение этого идеального скачка. Поэтому, графически, назовём ему такую же величину, как и у Матриархата, - единичную.

Мужчины не могли остановиться на своём техническом прогрессе. Им также потребовалось и “душевное” спокойствие в планировании жизни. Хозяйственный уклад стал претерпевать существенные изменения.

Если раньше пленников (и пленниц) захватывали сугубо для пополнения рода, на общих вольных, родственных “правах”, или же для жертвоприношения (“некачественных”), то теперь появились, в первую очередь, “общие жёны” и, реже, “общие мужья” - инородные - на неопределённых “правах”. “Башковитые” патриархи, озверев, нанесли первую пощёчину родовому укладу. Истеричные и мудрые матроны промолчали...

Далее, общие жёны стали закрепляться за братьями, а потом, и за “старшим братом”, - прежде всего, - за вождём. Роды стали разрастаться. Возникла кастовость - роды в роде. А также - родственные общины. И - временные орды.

Патриархат: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила - Производство” имели кочевно-мужской характер, и Производственные отношения также выражались отцовской собственностью и властью в этом хозяйстве. Орудия труда по-прежнему оставались в личной (легко переходящей из рук в руки, а потому - общественной) собственности.

Следует обратить внимание на существенный упадок изобразительного искусства в патриархальной фазе первобытного коммунизма. Если при матриархате обнаруживаются весьма совершенные изящные фигуры бегущих или же танцующих дев, монументальные изваяния беременных дам, то патриархат оставил нам лишь примитивно стилизованные изображения (мужской!) охоты, да зверей, в качестве мишеней. Это явление можно объяснить не только падением женского авторитета, но и умственной неразберихой в новых производственных отношениях, следовательно, в определённом озверении самих художников. Стыдиться матери, считать её “грязной” (как того требует патриархат) - это, просто, свинство.

У родственных патриархальных общин была своя кочевая дорога “в лучшие края”. Однако накопленные умения в производстве трудовых орудий и в организации родового хозяйства позволяли не торопиться бросать насиженные места. И тут женская “половина” (обретя своё Я) вновь заявила о себе, не желая менять наличное благо на пустые обещания “новых горизонтов”. Конфликты следовали один за другим, вплоть до разрыва, до появления мужских “родов” и “амазонок” (неолитические орудия и производственные традиции позволяли женщинам отказаться от мужской опеки). Патриархат зашёл в тупик. Кардинальных компромиссных решений, как обычно, оказалось - два.

Первое - “взять баб измором” и “поставить их на место”. Помогли в этом первом “компромиссе” природные условия: либо слишком хорошие (например, в тропиках, где вообще мало смысла кочевать), либо слишком плохие (например, континентальное плато, где надолго останавливаться никак не возможно никому). В хороших условиях патриархальное социальное развитие остановилось немедленно и навсегда - в виде “мягкого” патриархата. В плохих - оно пошло путём ордынского укрупнения кочевых родов, паразитированием на окружающей среде - природной и общественной. Двинулось в исторический тупик.

9.5. Территориальная община - первый коммунистический Рай.

Второе - истинно компромиссное решение - осесть (прежде всего, в субтропической зоне), но сохранить “мужское лицо” общины, - договориться, “взять мозгами”. Организовалась “Территориальная община”. Эффект превзошёл все радужные видения. Социум скачком обрёл цивилизованную суть. А именно:

- “Вначале было Слово”. Но не та человеческая речь индивидуального общения, а Слово как Сказание и как Завет. Для ближних и дальних родственников и для породнившихся племён. Заветное Слово передавалось из уст в уста, из поколения в поколение ещё при матриархате. Теперь, оно усложнилось - в Сказание.

- Заветные Слова, выработанные в матриархате для “откочёвок”; большое значение приобрели в патриархате для родственных племён и ордынской жизни. Теперь же они превратились в инструмент воспроизводства и развития. В них чётко излагалась специализация и взаимосвязь родов и племён. Именно из этих, как правило, аллегорических,

произведений позже черпались основания всех монотеистических религиозных концепций. Заветное Сказание должен был знать каждый.

● Потом, “во времена ноувыйя” (скорее всего, ещё до Потопа), появилась слоговая письменность, сначала - идеографическая, чуть позже - стилизованная, “линейная”, “чертами-резами” (праславянская, самая ранняя, обнаружена в Подунавье, возраст - 7 тыс. лет, использовалась до XX в. н.э., в качестве тайнописи) - предок всех современных: буквенных, слоговых (катакана), иероглифических. Причём, грамотность была всеобщей. Даже пряжи надписывали свои пряслица, чтобы не перепутать с чужими, не по руке.

● Возникли города и союзы городов.

● Городские родовые дома, вместимостью 100 человек, были одинаковой величины и архитектуры.

● Городская инфраструктура представляла предмет зависти всей последующей рабовладельческой формации.

● Земледелие обрело современное звучание.

● Появилось войско и флот. Боевой огонь дожил до Византии.

● Плавилась металлы. Изготавливались даже стальные клинки.

● Наука достигла таких высот (и широт), что последующие способы производства лишь паразитировали на ней, не в состоянии даже в какой-то мере её воспроизвести.

● Искусство, обретя силу реализма, берётся за образец современными живописцами и ваятелями.

● С возросшим, относительно патриархальных кочевий, женским влиянием внутри рода создаются условия для моногамии.

● Рабочая сила своими специализацией и взаимозаменяемостью, родовым коммунистическим порядком, как и изначальным, но высоким техническим уровнем, чёрной тоской обдавала патриархальных конкурентов-ордынцев, как воров, не желающих работать вообще (только бы покомандовать).

● Продукт труда обретает существенное значение в натуральной (и даже денежной, как товар) торговле, стимулируя этим меж-родовое и меж-племенное разделение труда.

Например, Белые Росы (на территории современных Польши и Белоруссии) специализировались шахтёрски, добычей ископаемого кремня. Обработкой последнего занимались Равьи (Равы) и трипольские Рысичи на днепровских порогах.

● Богатство потекло как из рога изобилия, притягивая к себе “сырых”, “убогих”, “нищих”. И все, сливавшиеся с осёдлой Территориальной общиной “люди” (летуны, кочевники), обретя Слово, ослабяившись, став “человеками”, в накладе не оставались.

Осёдлая трудовая территориальная община как коммунистическая общественная система живёт в памяти человечества земным Раем. Именно в таких социальных условиях люди впервые обрели защищённую Свободу, понятую (разумную) возможность и необходимость самоосуществления личности. И именно эта историческая память подвигала и подвигает народы к борьбе против эксплуатации человека человеком.

* * *

Территориальная община: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила - Производство” имели осёдло-многогородовой, трудовой (с высочайшим уровнем рабочей силы) характер, и Производственные отношения также выражались союзно-родовой собственностью и властью в этом хозяйстве.

Базис Территориальной общины был, конечно, патриархальный, не только потому, что жён (букв., “притёкших”), чаще всего, воровали или покупали в иных (т. е. “благородных”) кочевых, патриархальных племенах, а своих дочерей (букв., “текущих”) и сестер (букв., “отрезанных”) норовили сбыть на сторону. Само хозяйство, всё более увязая в прибавочном труде, не в состоянии было удовлетвориться домашней деятельностью. И хотя регулярная

армия наёмников ещё не появилась, военная техника и оборона общины превалировали, требуя мужского “материала”. Да и, вообще, суровые производственные условия энеолита исключали женскую мягкотелость.

В то же время и матриархальная тенденция была велика. Отстроивши удобные дома, города с инфраструктурой, совершив оборонные подвиги, мужики волей-неволей становились гостями в женском хозяйстве. И естественными отношениями между полами становились любовь да совет. Женщина, конечно, не доминировала, но коммунистическая, разумная свобода раскрылась в своей полноте.

Однако без мужской тяги к “перемене мест” Территориальная община не долго бы просуществовала.

Распространение первобытной цивилизации шло исключительно колонизационным путём. Причём, отсталым народам её невозможно было передать без обращения в Веру и в Слово (ославянивания). Не возможно её было, просто, перевести на иной язык, поскольку вся она, целиком, состояла из заветов по организации хозяйства. И там уже рождались технические приёмы. Например, одна из критских (праславянских) глиняных табличек повествует о том, как заряжать древний огнемёт, другая - как транспортировать, третья - как пользоваться против конницы неприятеля.

И всё же, за 10 - 20 (до-потопных) тысяч лет эта ненавязчивая цивилизация распространилась по всей южной и восточной прибрежной Евразии, оставив след даже в Америке, где потом, спустя ещё десяток-другой тысячелетий, возродилась на местном народном “материале”.

Белым пятном для археологов остаётся прародина человечества, чёрная Африка, где, также, как и в Америке, следует ожидать открытия поздних, не-славянских, первобытных цивилизаций, поскольку “негры” в позднем рабовладении Центральной и Северной Америки оказались более работающими, чем местные патриархальные кочевые “индейцы” ...

“Территориальная” революция территориально не имела мирового взрывного характера, как две предыдущие. Однако, появившись то там, то тут, Первобытная цивилизация стала базисом рабовладельческой формации и всех последующих цивилизаций.

Возникая “сама собой”, она частенько и распадалась сама по себе (как, например, города индийских “рысичей”). Складывается впечатление, что - от неспособности общинников стать частными собственниками. Подавлять и шельмовать своих было аморально, а чужие могли быть либо со-узными (союзными) защитниками, либо смертными врагами, бесполезными людьми (годными лишь в качестве жертвоприношений)...

* * *

Несмотря на то, что в Территориальной общине, как в цивилизации, уже наличествовали все атрибуты будущих способов производства: родовитость, специализация и разделение труда и др., самостоятельно развиться, как раньше, и вырваться из Первобытного коммунизма, она была не способна. Для этого ей требовался внешний толчок.

“Толкателей” же с каждым годом всё прибавлялось. И первой виновницей продуцирования этих могильщиков первой цивилизации была она сама, поднимая культурно-технический уровень окраинных патриархальных, кочевых племён и орд, всего лишь торговлей. Второй виновницей была какая-то космическая катастрофа, спровоцировавшая таяние европейского ледника, затопление прибрежной эйкумены и межконтинентальных мостов и Большую миграцию народов.

Человечество распространилось по всему миру задолго до Первобытной цивилизации. Последняя же освоила субтропическую зону Евразии. И хотя считается, что Рай первоначально существовал в зоне нынешнего дна Персидского залива, имеются сведения о средиземноморских, и даже японской и атлантической “атлантидах”.

Надо полагать, что с континентальной суши Территориальная община всегда была “прикрыта” кочевыми, патриархальными дружественными (даже родственными) племенами.

Эти культурные, в результате “подкормки”, охранники были гораздо сильнее дальней, за-окраинной кочевой “сволочи”, не знавшей даже колеса. Цивилизованный приморский Центр всегда был источником благосостояния, местом поклонения, вплоть до обожествления, который надо было беречь как зеницу ока.

Последний потоп, уничтожив большинство таких центров, существенно скорректировал и отношения между охранными кочевниками и осёдлыми “территориалами”. Друзья не бросили в беде своих кормильцев, организуя и осуществляя их откочёвку в безопасные места. Но доминанты в новом образе жизни значительно деформировались, опять-таки, по двум вариантам.

Первый – дальневосточный. Это – дальние и довольно быстрые переселения вглубь азиатского обширного континента. Здесь патриархальные кочевые помощники “территориалов” сумели в значительной мере перевести их (праславян) культуру на свой язык, деформировав и письменность. Оседая, они закрепляли в себе и патриархат, и “тягу к перемене мест”, оставив, однако, в исторической памяти свою приверженность к учителям (дорогого стоят такие словечки, как, например, “Нихон” - не-хон, не-ход, осёдлый – Япония, или Сами Раи - “самураи”).

Сами “территориалы” тоже добрались в неизменном виде до подходящих мест. Следы их культуры (“могов”, “моголи”, с праславянской письменностью “классическими” чертами-резами) сохранились в Прибайкалье.

Второй – медленный и постепенный отход в суровую (по тем временам) юго-восточную Европу: освоение Подунавья, а также Малой Азии (например, Чатал-Гююк, Троя...). Здесь (во всяком случае, в Подунавье и в Триполье) Первобытная цивилизация не только возродилась в первозданном виде, но и, в дальнейшем, сумела вернуться “к своим Пенатам”, на эгейско-средиземноморскую прародину, и там вновь удивлять мир, даруя будущим поколениям основы гуманистической, человеческой культуры. Центр Первобытной цивилизации (нынешнее дно Персидского залива), надо думать, ассимилировался “иными” целиком, “не оставив ни племени, ни наследка” (местные семитские “наследники” от праславянской культуры “открещиваются” категорически).

Последним всплеском Территориальной общины, когда мир уверенно шёл к Рабовладельческой демократии, многие учёные почитают этрусскую античность. Это верно опять-таки лишь наполовину. Этрусские “расена” на север нынешних Апеннин лишь перенесли новый Центр из Эгейи, а периферия (славянской) Первобытной цивилизации продолжала существовать в осёдлой Европе, куда рабовладельческие греки и не пытались добраться.

Действительно-последняя Территориальная община – это Великая Моравия, Прибалтийская Росийия и Киевская Русь. Восточные славяне её прямые наследники. С падением Великой Моравии, разрушением городов Росийии крестовым походом, христианизацией Руси Первобытный Коммунизм окончательно исчез, как социум. “Вечевая демократия” Новгорода и Пскова – лишь отголосок самоуправления в феодальной системе хозяйства.

9.6. Тоталитарный аристократизм - первая фаза Рабовладельческой формации.

Последние “ка-леды” (святые времена) Территориальной общины отмечены, наряду с оправданием человеческих жертвоприношений и даже нагрудным ношением отличившимися воинами “орденов” в виде современных южноамериканских “тсантс” (усушенных до размеров кофейного блюдца, с высунутыми языками голов противника), движением за запрет священного человекоубийства (“Жерекия то бески” - человеческое жертвоприношение - это бесовство) или замену его, например, на растерзание любимого гусака (“моего резвого пушу резать, яростно язвить”). Человеческий материал во всё большем количестве требовался возрастающим производительным силам в дееспособном виде.

Однако не все окружающие патриархальные кочевые племена спешили с радостью ассимилироваться в трудовой осёдлости. Например, спесивые окольные кочевники, латины, выделенные, по настоянию расен (“этрусков”), строить свой собственный город Румь (Рим), на границе с наглой рабовладельческой, демократической греческой Кампанией, даже кончали жизнь самоубийством, не вынеся трудового “позора”. Их трупы для вящего позора расены вывесили на крестах, предотвратив этим самоубийственное поветрие. Но ... не получив за это дружеского расположения...

Зато патриархальные вожди с огромным удовольствием соглашались командовать “территориалами” в военных походах. С ещё большим удовольствием они “приходили на помощь обиженным” в процессе самораспада Территориальной общины. Отменяли вечевое правление и судили-рядили на свой лад. Спустя какое-то время, по замирению родов, помощников “отпускали с миром”, и вожди “со дружиной” кочевали дальше.

Войдя во вкус своей арбитражной жизни в среде (и в “инфраструктуре”) трудяг-коммунаров, патриархальные командиры всё с меньшей охотой возвращали бразды правления вечевому колоколу. Но чтобы окончательно обосноваться в гражданской инфраструктуре, её обитателей и создателей нужно было (по первобытной традиции) убить. Обычно так и поступали, не получив желаемого и при удачном исходе войны, а одно лишь пепелище, горы мёртвых - врагов и своих соратников.

Ум к патриархальным примитивам пришёл с Востока, с восхода Солнца, Ра. Именно там родилась идея убивать Ра-территориалов, но не сразу, а при невыполнении ими условия подчинения новому богу во плоти - Иному, “благородному”, завоевателю. Когда же покорённые были не нужны, они могли продолжать жить по-своему. “Идея не столь уж дурна и неразумна” (Гегель).

Во-первых, потеряв свой надстроечный советский (децентрализованный то есть), вечевой орган, цивилизованные общинники тут же деградировали моно-патриархально, однако с осёдлой культурой.

Во-вторых, они обязаны были знать язык завоевателей, утрачивая свой.

В-третьих, их письменность им была больше не нужна, а примитивные завоеватели были в состоянии ею пользоваться, как правило, в упрощенном, буквенном, или же иероглифическом, абстрактном виде.

Живые, встав над живыми, осуществили частнособственническую революцию, создав централизованный государственный аппарат. Аппарат, функционирующий постоянно, а не от случая к случаю, как вече в Территориальной общине. Сразу же родилось два антагонистических класса: собственники процесса производства и собственники рабочей силы этих “собственников”.

Но это было только начало, очень похожее на государственное крепостничество. С той лишь разницей, что для сохранения и воспроизводства вождельённого богатства, добытого трудом покорённых территориалов, примитивные “божественные аристократы” целиком зависели от последних. Поэтому, став низшим, “неблагородным” классом в новых общественных условиях, бывшие территориалы окончательно не утратили ни свободы, ни образа жизни, ни благородства. Процесс общественного производства по-прежнему был в их руках. И воспроизводили свою рабочую силу они также без посторонней помощи. Жили общинно, родами. Лишь государственные подати частенько вызывали у них сомнение.

Постепенно, завоёванные смешивались с завоевателями, образуя новый этнос, но с тоталитаристским аристократическим диктатом изначального принципа “мертвых-живых”. Этих последних, в результате резкого снижения производительности труда (от классового расслоения, с ослаблением трудовой инициативы) обнаруживался острый дефицит. Вот, тогда и открылась охота за рабами.

Самой лёгкой добычей были окольные кочевники, наиболее бестолковые и норовящие удрать. Эти новые “мёртвые-живые” распределялись в помощь общинникам - на работу (и на

прокорм). И принадлежали они государству аристократов, но в качестве рабочего скота. Рабы стали третьим (низшим) общественно функциональным классом.

Работали невольники скверно, а кушали не меньше “вольных” общинников, которым за них надо было отвечать перед начальством (и платить по-душную подать). Поэтому рабы эксплуатировались “благородными” общинниками нещадно. Каждый носил в себе желание “укокошить” эту чужеродную (беспользную и (!) бесправную) “тварь”. Смертность среди рабов при Тоталитарном аристократизме была наивысшей за все времена.

Рабов людьми не считали. Однако сущность раба как человека составляет его рабочая сила (идеальное средство производства и больше ничего). В рабовладельческом же обществе рабы имели значение материальных средств производства, прежде всего, - тягла (на продажу или для внутреннего использования). И постепенно, с расширением и умножением рабовладельческих “полисов”, рабы (как общественная рабочая сила и, одновременно, как общественный продукт) стали составлять основу общественного богатства и государственного капитала. В собственности аристократов сформировался новый воспроизводственный общественный “тандем”: Рабочая сила - Продукт труда (см. Разд. 9.2. и рис. 16.).

Тоталитарный аристократизм: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила - Продукт труда” имели государственно-рабовладельческий характер, и Производственные отношения также выражались государственной собственностью на рабов в товарной форме. Процесс производства оставался вне поля зрения государственных органов (т. е. рабовладельцев), по-прежнему принадлежа “вольным”, “низшим-благородным” общинам, которые выступали историческим и функциональным базисом Тоталитарного аристократизма.

Достиг своего апогея патриархат. Если в собственно патриархальном способе производства мужская половина рода в нём доминировала естественно, своим, более совершенным, нежели материнское, хозяйством, то теперь вся общественная надстройка (являющаяся отражением всего базиса, всего общественного хозяйства, вместе с сугубо женскими “поварёшками”) целиком формировалась по мужской линии рождения. Все, кто по роду своему не относились к “высоко”-родовитым захватчикам, - все были “мёртвыми-живыми” (включая и детей, и женщин, и общинников, и рабов).

Семейное строение окончательно потеряло свою актуальность в процессе производства. Общинники продолжали жить “деревенским” способом, а рабовладельческая элита обзаводилась либо патриархально-моногамной семьёй, либо, не много сумняшеся, гаремом. В обоих случаях женщины, однако, частенько выступали на первый план дворцовых интриг, ведь в отсутствие божественного властителя (например, на военной отлучке) его мог замещать только любимый и преданный человек - жена. А при гибели этого властителя его “замша” даже становилась царицей.

Несмотря на то, что рабы были абсолютно не заинтересованными в процессе производства людьми, тоталитаристская производительность труда сделала ощутимый скачок, по сравнению с территориальным коммунизмом. Ведь, несмотря же на то, что к рабам относились хуже, чем к скоту, никакой скот не способен инициативно выполнять рутинные операции. Уже территориалы пришли к потребности массовых рутинных работ, например, земляных разработок при строительстве городов или добыче металлических руд, - лишь рабочей силы не хватало. Рабовладение “блестяще” вышло из положения, предоставив “материал” для покрытия дефицита общественной рабочей силы.

Теперь бывшие территориалы, основательно превратясь в класс общинных управленцев, надсмотрщиков, активно руководили созидательной работой во имя новых богов.

Известно, что при сооружении египетских пирамид массово использовался рабский труд. Но недавно на одном из громадных облицовочных блоков археологи прочли надпись, доносящую о том, что этот блок в честь светлейшего, божественного фараона сработан ...

общиной, с указанием её имени. Сообщение поставило учёных в тупик - Община!!!??
Никакого тупика: рабы коллективными надсмотрщиками в расчёт не брались. До сих пор "производителем работ" именуется не коллектив исполнителей, а их руководитель.

Были выполнены (в кратчайший срок) монументальные культовые сооружения, грандиозные ирригационные системы. Промышленность и регулярное (!) войско основательно вооружились бронзовыми и даже стальными инструментами.

С размножением тоталитаристских государств резко размножились нации. Ранее система территориальных общин представлялась одной нацией, рысической (тотем: самка красного леопарда - рысь, кормящая белого младенца), праславянской, жёстко держась письменным языком (как ныне - народности Китая). Все остальные кочевые патриархальные общины, племена, даже орды к определению "нации" и "этноса" никак не подходили из-за систематического (и бессистемного) смешения.

Теперь каждое государство тоталитарного рабовладения выступало особо - и нацией, и этносом - с особыми богами, с особым языком, с особой письменностью, с особой технической и духовной культурой. Одно их роднило - это характер духовной культуры: он был патриархальный, с кочевым настроением - паразитический.

Революция была полной и широкой, но не мировой. Не все Территориальные общины поддались тоталитарной аристократии, просуществовав вплоть до позднего феодализма, часто пополняя своими людскими ресурсами рабский контингент аристократов.

История обращения Первобытной цивилизации в Рабовладельческую такова. Исчезнув на Дальнем Востоке и породив собой оседлую Китайскую Империю, она же, обосновавшись в Прибайкалье, позже преобразовалась в полукочевую империю Великих Моголов... В Индии, распавшись сама по себе, она всё же оказала существенное влияние на культуру кочевников-ассов, на образование "санскрита", "йоги" и пр., пр. В среднем и нижнем течении Нила на ней возник Древний Египет. В Междуречье - Вавилон. В восточном Средиземноморье - Иудея-Израиль, в центральном - греческая Эллада. И везде это были специфичные и уникальные Тоталитарно-аристократические, рабовладельческие царства, оттеснившие, в конце концов, первобытных коммунистов на север и запад - в Европу.

Исключение составляет последняя античная Территориальная община: Росско-Расенско-"Туско"- "Тиррено"- "Этрусский" (разные названия) союз городов на севере Апеннин (в устье реки По, на северо-западе Адриатики). Первоначально, он возник в качестве дальней колонии эгейской эйкумены, "Рысийунии" - союза городов "Крито-Микенского царства", включая о.Крит, г.Микены, г.Трою с городами и колониями в центральной Анатолии (п-ов Малая Азия), Сирийско-Палестинские колонии и города (Палестина - страна палестинцев, т. е. огнемётчиков). (Египет к тому времени уже был тоталитаристским.)

Вскоре в Большую Эгейю вторглись орды патриархальных кочевников. С юга, из Африки накатывались семитские кочевые массы, с севера - эллинские окольничьи племена. Палестину взяли измором - "стены Содомы и Гоморры пали сами собой". По Криту ударил вулкан Санторин. Троя также не вынесла десятилетней осады. Образовались две тоталитаристские системы: техническая греческая (к-рики, к рыси - "обрусевшие") и торговая иудейская (из раев, Израиль). Обе переняли рысийскую культуру и письменность на свой лад.

Некоторым рысичам удалось "дать ходу". Кое-кто сумел добраться не только до Итаки, но и к своим, к расенам. Это дало резкий толчок в развитии "этрусской" культуры, распространив её на запад Апеннин. Там она просуществовала ещё 500 лет, успешно сопротивляясь греческим экспансионистам и даже сохраняя на некоторых островах Эгейского моря (о.Лемнос) свои колонии. К тому же, почти вся "деревенская" Европа, за исключением некоторых кочевых племён, была россязычная (праславянская). Культурно и торгово связанная.

Но и “этрuscoв” постигла та же судьба самораспада, когда окольничьи племена латин стали захватывать один за другим их города почти голыми руками. К своему несчастью территориалы очень верили в природные “знамения”, и при большом потрясении у них “опускались руки”. Ведь не мощная же, к тому времени, демократическая Греция покорила расен, а какая-то патриархальная мелочь, меньше, чем нынешняя Чечня (относительно нынешней же России). От Греции отбились, но потом буря (как Санторин) разметала и утопила весь флот - ... знамение...

На этрусском коммунистическом “прахе” взросло уже не Тоталитаристское, а развитое Демократическое рабовладение. Дело в том, что окольничьи охранники-латины были не “каким-то захолустным” кочевым племенем, а народом, откочевавшим от культурной Греции. Латины кичились греческим происхождением и даже имели (!) письменность, более похожую на греческую, нежели на “этрuscoские” черты-резы (за исключением нескольких букв), несмотря на плотное общение именно с расенами. Поэтому, покорив огромную, по тем временам, культурную среду, они стали её реорганизовывать (как наши инородные правители сейчас копируют американский образ жизни) по образу и подобию “праотцов”, благо последние были совсем недалеко.

9.7. Демократическое рабовладение. Дворцовые перевороты.

Как ни долго держалась родовитость тоталитаристских рабовладельцев, она не способна была оставаться вечным инструментом общественного угнетения и символом веры. Смешение родов, внедрение “благородства” в среду аборигенов-надсмотрщиков постепенно понижало авторитет и сам статус властей. Потомки территориалов уже считали себя одним народом со своими правителями, а вовсе не “мёртвыми-живыми”, и они же лелеяли воспоминания об утраченной коммунистической свободе.

Мало того, разрастающаяся рабовладельческая хозяйственная система, совершенствующиеся орудия труда, не в состоянии были выносить никакого диктата сверху, требуя ответственной децентрализации. А размножение тоталитаристских этносов и межсистемный товарный обмен вносили вавилонскую сумятицу в общественные отношения.

Тоталитаристы и сами чувствовали, что не справляются с общественным хозяйством. Поэтому, дабы отвлечь людей (рабы в расчёт не шли) от внутренних неурядиц, активизировались захватнические войны, должны принести материальное богатство и новую рабочую силу - ублажить недовольных. Однако, при неудачном исходе военной компании, обретала силу оппозиционная родовая линия. Совершался дворцовый переворот, значительно ослаблявший тоталитаристскую аристократию вообще.

Тогда поднял голову “худородный”, аборигенного происхождения “народ”, фактически владеющий рабской рабочей силой. Его требования были “элементарны”: возврат к коммунистическим свободам - рабы в расчёт не шли. **С этих пор все (!) революции готовились с целью возврата к коммунистическим свободам, но без учета существенной коммунизации производственных отношений.**

Аристократия сопротивлялась казнями отступников от “веры” и уступками той или иной оппозиции. В конце концов получался не социум, а какой-то варящийся бульон, в котором смешались и рабы, и “свободная” неимущая “худородная” и “благородная” аристократия (люмпены, готовые к работе и к войне), и мелкие предприниматели (кустари), и торговцы-менялы (купцы), и мелкие и крупные рабовладельцы, и властвующая элита. И все периодически всплывали наверх.

В Иране, например, произошло победное восстание рабов-воинов, приведшее к разорению всю страну; такого народного гнёта история больше не знала. При этом окраинный Туран, сменив иранский язык на какой-то иной, образовал новую “тюркскую” народность, полукочевого вида этнос.

Такое социальное строение характерно для стран богатого, медленного, “тонкого” и тупикового Востока, активно поставлявшего “переселение народов”, тоталитаристские орды и “мышиную возню” междоусобиц на исторический рынок.

На Западе окружающая среда требовала большей категоричности. И Аттика взяла на себя прогрессивную историческую миссию. Именно в Афинах (относительно поздно тоталитаризовавшихся) была сильна ностальгия по коммунизму, а также весьма спаянны “неродовитые” управленцы, крепко сидевшие в своих родовых хозяйствах - демах (домах) - и набравшиеся от иудейских финикийцев торгашеских замашек, частно обогащавших. “Кратные (усиленные и потому властные) русы”, аристократы, в островном Эгейском море против контрабанды были бессильны.

Не имея возможности (и особого желания) претендовать на авторитаризм, “худородные” сделали, в конце концов, удачную попытку свержения власти аристократов, с возвратом к общему правлению. Организовалась власть рабовладельческих хозяйств, домов (демов) - **демократия**.

Казалось бы, всего лишь дворцовый переворот - скинули властителей. Однако автоматически произошла первая приватизация - приватизация рабов. Так, стремясь к обобществлению, люди ещё глубже погрязли в частнособственнических интересах (даже не заметив этого).

Демократическое рабовладение: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила - Продукт труда” имели частно-рабовладельческий характер, и Производственные отношения также выражались частной собственностью на рабов в товарной форме. Процесс производства оставался вначале также в руках новых рабовладельцев. Но и тоталитарный аристократизм еще далеко не умерил свою анти-человеческую мощь. Новые рабовладельцы обязаны были перестать работать, чтобы выступить новыми властителями - новой, парламентской аристократией.

Дворцовые перевороты следовали один за другим. Демократическое правление менялось на аристократическое, и обратно. Тоталитаристская Спарта, такая же Персия диктовали свои условия, но отменить частного рабовладения они уже не могли. Наоборот, “духовное” влияние рабовладельческой демократии успешно распространялось за пределы Аттики: и на восток, и на запад, и даже на юг, в Египет, - везде встречая “понимание” сильных мира того. На север же совершались лишь набеги для пополнения хозяйства квалифицированной рабочей силой славян, колонизовалось северное Причерноморье, да устанавливались торговые отношения по “пути из варяг в греки”.

Наивысшего расцвета демократические Афины достигли после македонского аристократического переворота, давшего философские изыски Аристотеля и мощнейшие завоевательные походы Александра Македонского. Это был и закат. Начинала блистать греко-наследная рабовладельческая демократия республиканского Рима.

Если греческие полисы, во многом копируя политическое устройство крито-микенских территориалов, крепко держались обособленного, конфедерального принципа, а для какой-то видимости единства искусственно устраивали периодические, торжественные общие сходки, типа Олимпиад, то римляне успели насмотреться на самоубийственность такой внутренней политики на примере самораспада “этрuscoго” Союза. Латины имели патриархально-тоталитаристские традиции, поэтому изначально строили свою завоевательную политику из (и относительно) своего первого центра - Рима. Впервые была провозглашена свобода для всех (рабы опять-таки в расчёт не принимались) - Республика.

Латинские мужики работать стыдились, - им бы только командовать да воевать, - поэтому созданное ими рабовладельческое общество, ещё ниже опустив функционально-родовые принципы (за которые так держались греки), было истинно демократическим (в нынешнем понимании этого слова) - республиканским. Если “демократия” есть, в переводе,

единство “демов” (родовых рабовладельческих хозяйственных единиц, домов), то “республика” есть (искаж.) - речь, голос народа (по-лика), рабовладельческой публики.

Этот латинский экономический “хук” (а вовсе не политический “финт”) был одним из последних ударов по становящимся сугубо формальными, умирающим родовым отношениям первобытно общинного строя, коммунизма. И этот республиканский индивидуализм стал “предтечей” культурного разобщения европейского Запада и европейского же Востока.

Даже заменив консульскую республику на цезарическую империю римляне социальную систему не потревожили. Однако римские императоры оказались более склонными к христианскому монотеизму, чем к архаично-патриархальной “поганости”. “Паганус” - кочевник (по-гонный), он же и земледелец-крестьянин - наиболее консервативная часть населения Римской Империи, одним словом, - “деревня”. В городах христианство прижилось гораздо быстрее.

С совершенствованием римских республиканских устоев, демократического централизма, пропорционально деградировала первобытно-коммунистическая система самоуправления. Начало этой деградации было положено аттической демократией, заменой вечевоего Совета систематическим. Но Афины сохраняли, хотя бы, голоса родовых (самоуправляемых) демов. Рим же, даровав единоличную свободу всем “римлянам”, их же и закабалил единоначалием и родовой незащищенностью. Возникли условия экспансионистского карьеризма.

Внешняя экспансия Рима оказалась не менее значительной, чем бросок Великого Александра, - упорством и последовательностью. И если на Востоке, в борьбе со “слоёными” тоталитаристами, римские захватнические результаты оказались более скромными, нежели александрийские, то уж северных “деревенских” территориалов латины элементарно романизировали, освоив прочно, как и жителей Апеннин.

На северо-восточном направлении наибольшее сопротивление римским захватчикам оказала территориально-общинная славянская система Подунавья и Приднепровья - Великая Моравия (“равы”, “равьи” - самоназвание этого народа). Форпостом выступало дунайское население. Но и днепровский тыл не сидел сложа руки, организовав набеги готских кочевников на средиземноморское побережье Римской империи, приблизив её социально-прогрессивное падение. И хотя дунайская Великая Моравия в конце концов не устояла от нашествия ... венгров, красное (рысье) знамя Территориальной общины ещё долго реяло над Киевской Русью, Новгородом и Псковом, Союзом Городов Южной Балтии (от нынешнего Гамбурга до Калининграда) - Россией.

Но вот, в дело вступила христианская религия. Возникнув в палестинской зоне, она там бы и рассосалась, как очередная иудаистская секта. Однако она возникла в Иудее - Римской Империи. И республиканские единобожеские принципы христианства оказались как нельзя кстати для освящения императорской власти - публикой - под богом ходячими людьми-единоличниками. Разрознить низших - вот голубая мечта всех начальников. Христианство освящало и эту мечту, как и народную мечту о Рае, теперь уже - потустороннем.

Христианство, однако, не способно было спасти рабовладельческую демократию от распада. Слишком острые противоречия между “простой” публикой и рабами уязвляли всех при вхождении христианства “в народ”. Исповедовать же разные религии различными классами общества (как, например, в иудаистской Хазарии) значило обречь страну на скорый распад или поражение. Так оно, в конце концов, и произошло. Готы и вандалы “освободили” римский народ.

9.8. Феодализм. Крепостное рабовладение.

“Освободителями” и на этот раз выступили патриархальные кочевые ордынцы. Такие же немногочисленные, как когда-то латины, они “взяли и поделили” (как по Шарикову) всех

завоёванных - подушно. “Наделы” (“феоды”) были распределены “по справедливости” между родами племени завоевателей. На прокорм.

Если раньше рабы целиком работали на бара, а последний (перед собой и перед своими родственниками) был ответственен за воспроизводство рабской рабочей силы (богатства), то теперь всем подвластным разрешалось свободно, в пределах феода самих себя воспроизводить, почитая и прикармливая за это своего “освободителя” и “защитника”, феодала.

Примитивные “патриархалы” и на этот раз ничего лучше не выдумали, как тоталитаризовать завоёванных, скопировав их политическое устройство. Организовался этакий “демократический тоталитаризм”: тоталитарные (“боярские”, военные) владения с выборным королём - королевство. И, конечно, подвластные феодалам лица права голоса не имели.

Феодализм, крепостное рабовладение: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила - Продукт труда” имели частно-рабовладельческий характер, и Производственные отношения также выражались частной собственностью на рабов в товарной форме, однако процесс воспроизводства рабочей силы принадлежал непосредственно её носителю, рабу. Процесс производства также разделился. Работой непосредственно “дворовых” рабов непосредственно руководили рабовладельцы или назначенные ими лица (вплоть, из числа “преданных” рабов). Городские и, тем более, деревенские работы выполнялись, хотя и по установкам феодалов, но самоуправленчески, даже на барщине.

В податях на смену натуральному продукту настойчиво приходит его денежный эквивалент. Богатство феодала по-прежнему выражалось количеством “душ”, но всё меньше смысла было обращаться с ними как с простым товаром - люди закреплялись на земле и в других производственных участках. Именно там они вырабатывали нужное феодалам богатство. Материальный продукт труда, в его денежном выражении, обретает всё большую силу. Уже не за рабской рабочей силой следуют рыцари в крестовых походах, а за золотом вокруг пустого “гроба господня”.

Грязные деньги имеют свойство липнуть к грязным рукам. А феодализм, разделив всё трудоспособное население “по душам”, индивидуально, как раз и раскрыл створы клоаки грязного (иным он быть не может) индивидуализма. И грязные деньги тут же потекли в руки грязных индивидов.

В дальней деревне, вне поля зрения барина, кулачеству был временно поставлен заслон “ретроградными” общинными порядками (к тому же, барин, хоть и подушно владел крепостными, подати получал от деревни - скопом). В городах же специализация населения становилась всё более неуправляемой, и торговля изделиями умельцев отдавалась на откуп тем же умельцам. Или - чужеродным посредникам.

Чужеродцу при крепостничестве было очень удобно, если он, конечно, не был пленником при господине. Ему нужно только было делать вид, что он не сидит на месте, кочует. Следовательно, это - гость, которого нельзя закрепить. Постепенно к “гостям” привыкали, но уже как к “свободным”. Некоторые из них оседали, обзаводясь своим специализированным хозяйством. Торговали...

Торгашеский иудаизм пришёл в просвещённую Европу одновременно с республиканским христианством. Если христианство осваивалось европейцами сверху до низу, то иудаизм, оставаясь кланово-еврейским (“чужеродным”), сам осваивал европейское население - снизу доверху. Это клановое освоение европейского хозяйства шло при помощи торгового посредничества, денежного посредничества. Шло в тёмном христианском средневековье, в его мутной воде инквизиции и рыцарства. Когда же романтическое просвещение озарило, наконец, Западную Европу Возрождением, стала видимой и вся торгашеская европейская грязь.

Остаточное (после романизации западноевропейцев) славянство оставалось консервативным в своих территориально-общинных традициях. Оно укрепило внешнюю и внутреннюю политическую систему дружескими и родственными связями с окольными кочевниками, периодически приглашая их для защиты славянских рубежей. Кочевники стали вести полуосёдлый образ жизни, постепенно ославяниваясь и даже осваивая черты-резы на свой рунический лад.

Последнее касается всех асских племён (катов-кельтов-готов - “богов”; светов-шведов, ангелов-англов - “святых”; тэчи-дойчи, латов-латини, летов, литов - “простых” кочевников; ругов, франков - “обрусевших”: все славянские, неискажённые и искажённые, наименования), переселившихся из района Кавказа совместно с ванами (валами, ватами - различение одного), примерно, во 2-м тысячелетии до р.х., после вытеснения семитами славян из палестинской эйкумены.

Однако христианский феодализм резко перетасовал европейские масти. Во имя неограниченной власти “божественные” кочевники легко забросили на помойку истории свои “святые” традиции и принципы и с христианским рвением, стали “культурно” эксплуатировать трудовой народ. “Светлейшие римские императоры почтили в бозе. Да здравствуют святые короли!” Так защитники славян превратились в агрессоров.

Правда, поначалу королевства образовались на территории римской рабовладельческой демократии. Лишь спустя столетия родилась идея “дрангнахостен” - под соусом христианизации и окультуривания “поганных”. Так, были “крестовым походом” разгромлены города прибалтийской Росиии. Западная Моравия онемечена “Восточной страной” (Австрией, Швейцарией), полабские славяне - “мешочниками” Саксонии.

Восточные славяне сопротивлялись замене родовых отношений на республиканские несколько дольше западных. Даже допустив в свои владения на постоянной основе княжения ругские дружины (Рюрика, Трувора, Синеуса), родовой строй здесь, в киевской окраине Моравии (Руси), существовал ещё не менее ста лет. И далее, после христианизации (на византийский манер), “крестьяне” ещё долго не были окончательно закрепощены - вплоть до отмены “Юрьева дня”. Родовые отношения на селе теплились аж до александровских и столыпинских реформ, сталинской “коллективизации” и хрущёвской “цивилизации” деревни.

Однако разгул крепостнического рабовладения (под соусом “общинности” и “соборности”) осуществился именно на территории Руси, особенно в ватской-вятической, скотской-сковской (так сказать, “шотландской Ма-скотии”), т. е. в Московской, Руси уже в поздние времена, когда на Западе вовсю “трудился” капитализм. В результате, древней России пришлось “задрать штаны бежать” за молодым западным лидером, кое в чём даже иногда преуспевая, но постоянно ощущая свою “некультурность”. И если на Западе развитие феодализма к капитализму протекало “объективно”, т. е. стихийно, то русская “культурная” публика сознательно копировала западные социальные “достижения”.

Эта “публика” не понимает главного: если на романско-немецком Западе людям прививалась господская патриархальная, кочевная, паразитическая культура (против которой всегда восставали истинно культурные люди того же Запада), то на славянском Востоке стихийно сохранялись осёдло-общинные, трудовые, разумные традиции, которые, несколько позже, положительно отметили первые, из истинно культурных гуманистов: Маркс и Энгельс.

На азиатском Востоке феодализм обосновался гораздо крепче - в “слоёном”, национально-религиозно-фанатичном социальном “пироге”. Ислам, в особенности, до сих пор способствует такому примитивному, паразитическому “общезитию”. А его претензии на мировое господство мрачного средневековья выносятся в наш кризисный мир криводушными “мождохедами” весьма безапелляционно.

9.9. Мелкотоварное предпринимательство - первая фаза Капиталистической формации.

Вообще, предприятие - это Земля - место человеческой деятельности, труда. Но “в общем” существует человечество, а в частности - непосредственный человек, занятый - в непосредственном коллективе непосредственного предприятия - производством непосредственного продукта труда. Это-то в-частности-предприятие и характеризует цивилизованное общественное производство, если это конкретное предприятие является элементом системы соответствующих ей аналогичных предприятий.

Впервые такая система возникла ещё при первобытной цивилизации, в Территориальной общине, когда каждый род, города и веси специализировались определенным, общественно необходимым образом. Однако тогда производственное предприятие ещё не выступало явно за рамки обще-родовой трудовой деятельности.

Далее, при рабовладении, предприятия также не обособлялись от владельца рабочей силы (рабовладельца) или же от родового коллектива организаторов процесса производства, надсмотрщиков. Да и не входили производственные предприятия в воспроизводственную рабовладельческую ячейку. Были своеобразным фоном жизни.

И только в последней фазе Рабовладельческой формации, при развитом Феодализме, при расширении товарно-денежного продуктового обмена, появилась возможность нести ответственность за производство тем, кто это производство организует и направляет. Т. е., подведомственный феодалу “купец” принимал на себя общественную ответственность - фактически выступать юридическим лицом конкретного предприятия.

Феодалу такие шустрые предприниматели были весьма кстати. Будучи поначалу совершенно бесправными, обретаясь на землях феодала, они приносили последнему сверхприбыль. Умные (и алчные) рабовладельцы сами включались в производственный цикл, глупые (и гордые) отдавали предприятие (самозарождающееся предпринимательство) на откуп предпринимателям или же (и) проматывали своё хозяйство. Первые шаги капитализм делал рука об руку и под крышей феодализма. Самостоятельно организовать свою политическую надстройку он был не в состоянии.

Меж-феодальный изоляционизм, конечно, существенно тормозил рост капиталистического накопления, препятствовал освобождению общественной рабочей силы, т. е. созданию рынка частной рабочей силы (пролетариата), но и весьма надёжно защищал крепостных предпринимателей от разорения. Мало того, из откупившихся от феодала новых буржуа (“горожан”) выростала новая аристократия, новые “мещане во дворянстве”, во всём старавшиеся походить на старых феодалов, но признававшие в качестве бога только “золотого тельца”.

В недрах феодального общества возникает новый, вполне конкурентно-способный воспроизводственный “тандем”: Производство - Продукт труда, т. е. свободное предпринимательство новой “худородной” аристократии. Производство и сбыт рабской рабочей силы отступает на задний план, осуществляя вспомогательные функции. И хотя в позднем феодализме уже появились “вольноотпущенники”, они не имели массового характера и потому не могли удовлетворить общественные производственные потребности. Рабочую силу предпринимателю приходилось покупать у феодала.

Частное предпринимательство, Мелкотоварный капитализм: Производительные силы в тандеме, “Производство - Продукт труда” имеют частнособственнический характер, и Производственные отношения также выражаются частной собственностью на продукт труда в товарной форме. Процесс воспроизводства рабочей силы принадлежит, непосредственно, её носителю, крепостному рабу, но готовая рабочая сила покупается предпринимателем, как товар, у феодального рабовладельца, поскольку всеобщий рынок рабочей силы ещё не сформирован.

Сразу же капиталистическая эксплуатация трудового народа обрела характер беспредела. Рабочие на фабриках, поскольку они были, как простой товар, куплены предпринимателем у рабовладельца, были абсолютно бесправны, и обращались с ними в “деле” с не меньшим изуверством, чем и в феодальных владениях. Такая суровая быль отражена в детских сказках русского писателя Бажова.

Более-менее рассудительные “заводчики”, организуя новые предприятия, не обходили вниманием интересы своих работников, устраивая при заводе для рабочих жильё с наделами земли, как в феодальной деревне. Наём рабочей силы ещё не обрёл привычных для нас норм.

Поскольку мелкотоварный капитализм возник и существовал в феодальных производственных отношениях и наряду с ними, и в зависимости от последовательного ущемления (сверху) интересов феодалов, постольку учёным социологам достаточно трудно выделить его в особый способ производства. Ведь в истории невозможно указать “сугубо частнопредпринимательскую, мелкотоварную страну”.

Поэтому имеет смысл искать этот способ производства в тех феодальных странах, в которых наблюдалась в той или иной мере техническая революция. Индикатором (революционным следствием) можно считать религиозные расколы, религиозные же протесты и бунты, а также возникновение новых философских учений и школ, и, уж конечно, государственные реформы.

Таким образом, в Западной Европе, подверженной прогрессивной стихии социального роста, становление мелкотоварного капитализма определённо завершается временами гугенотов. В Россию первый капиталистический бросок осуществлён при Иване Грозном и закончился в “смутные времена” со лжедмитриями. Учрежден же реформами сверху (списан с Запада) Петром Первым.

Предприятия росли как на дрожжах. Супер-богатых буржуа-купцов становилось всё более. А рабочую силу приходилось по-прежнему приобретать (как kota в мешке) у кичливого аристократа-рабовладельца. Супер-богачи стали частенько покупать на корню феодальные владения, однако большинство дворни и прочих “крестьян” совсем не годились для его предприятия(й). Предпринимателю приходилось таких рабов “отпускать”, как правило, “за бесценок”. “Свободный рынок” рабочей силы рос. Монополизация отраслей также проявляла себя и требовала своё.

Следовательно, “отмена крепостного права” означала не столько конец феодализма, сколько реальное оформление и ознаменование второй фазы капитализма, отраслевой монополизации, раскрытия створов самостоятельного (без помощи сверху) укрупнения, концентрации капитала. Отраслевой - потому, что мелкотоварное частное предприятие всегда специализировано своей целью, определённым общественным продуктом труда, и укрупняться оно способно объединением с себе подобными предприятиями или преобразуя под себя непохожие.

9.10. Отраслевой монополизм - Империализм.

Отраслевой монополизм есть собственно капитализм, подобно тому, как Демократическое рабовладение есть собственно рабовладение. Однако, дабы возникнуть, этой фазе капитализма нужна была политическая революция, чтобы “скинуть феодальную крышу”, которая стала основательно мешать экономическому росту.

Все революции осуществляются народом. А народу всегда нужна свобода, Рай на земле.

Первой исторической попыткой свержения феодалов можно считать народные действия под предводительством Кромвеля - неудачные по результату. Истинно народным движением была победоносная Великая французская революция, впервые заявившая о Коммунизме. Она-то как раз и освободила дорогу империалистическому строительству в Европе.

Потом последовали контр-перевороты, воцарение Наполеона и его поражение в войне с мелкотоварной “феодальной” Россией. Но створы укрупнению капитала закрыть больше

было некому; все европейские страны стали жить по-французски, империалистически. Россия (экономически) упиралась долго. Лишь в 1861 году она, наконец, “рабство дикое, без чувства, без закона” - крепостничество - отменила. Александр же Второй - “Освободитель” за “непродуманность” своих реформ коммунистическими народниками был смертельно наказан.

Да и как же было не возмущаться, если после такого “освобождения” толпы нищих, бездомных ... наводнили страну. Народ, буквально, застонал. Самым неприятным в этой ситуации стало последовавшее незамедлительно общественное расслоение. Количество народных кровопийц увеличилось более чем на порядок. И это - несмотря на то, что реформы изначально производились в пользу экс-рабовладельцев. Не тронули также общинные угодья и элементы деревенского самоуправления.

Этапность империалистического восхождения потребовала настоящих, кровавых политических потасовок, именуемых в истории “революциями”. Они, правда, и проявлялись в качестве реализации народного негодования, лишь итоги подводили народные захребетники, толстосумы. Тон в империалистических “революциях” Западной Европы традиционно задавала Франция. Высшим её достижением была гуманистская Парижская Коммуна ... и тьеровский звериный итог.

В России, если не считать романтиков-декабристов и александровские реформы, промежуточная империалистическая “революция” произошла одна: истинно народное, коммунистическое революционное выступление 1905г. и последовавшая за ним столыпинщина.

Весьма характерно то, что все империалистические революции в Европе начинались под водительством вполне грамотных (по тем временам) **коммунистов**. Достаточно назвать такие имена, как Робеспьер (со товарищи), Маркс, Энгельс, Бланки, Ленин. Лишь в 1917г. социалисты-капиталисты Керенского временно перехватили инициативу. Но это уже было иное время...

США, конечно, выступают исключением из правила. Там превалировали национально-освободительный и “рабо-освободительный” контр-удары уже свободных капиталистов, сугубых прагматиков. А первой империалистической революцией Америки следует считать само её заселение западноевропейцами.

Вообще-то, цели как коммунистов, так и капиталистов (социалистов), объективно не различались: и те, и другие стремились к освобождению общественной рабочей силы от феодальных пережитков мелкотоварного капитализма, и тем, и другим нужна была народная власть.

Только капиталисты под “народом”, чётко и практически, понимали всех “инициативных” бессовестных ловкачей, способных обрести капитал, наживаясь за счёт масс “неудачников”. А у коммунистов по этому поводу в головах бродил (и бродит) сплошной идеалистически-догматический туман “разночтений”, “идейных расхождений” по поводу “отчуждения труда” и “свободы самовыражения личности в коллективе”. Да и в здесь и те, и другие свободу народа подменяли (и подменяют) “демократическим парламентаризмом масс”. Так что “практики” в революциях всегда одерживали верх над идеалистами.

Ленинский устоявшийся термин, “империализм”, как и всеобщий термин, “социализм”, отличаются своей смысловой пустотой без добавления к ним конкретизирующих определений.

У “социализма” много проблем. Этот термин используют все: жулики и простаки, справа и слева, спереди и сзади, - как площадную девку, кому не лень. Поэтому, несмотря на то, что “социализм” - термин “устоявшийся”, имеет смысл заменять его чем-либо другим, даже при обозначении первой фазы коммунизма. Ведь “социализм=общественность” (независимо от запретов на его произношение) выражается в любом обществе в зависимости от

соотношения производительных сил и производственных отношений.

Социализм=общественность есть, в то же время, свойство всякого гуманиста, нормального человека (лишь в этом смысле термин “социализм” вполне корректен), “во веки веков - аминь”.

Империализм, будучи сродни тоталитаризму, проявил себя еще в республиканском (демократическом) римском рабовладении. В приложении же к капитализму, империализмом следует считать такой устойчивый способ производства, который, не нуждаясь в политическом феодальном прикрытии, выступает самостоятельно и приобретает способность с помощью крупного капитала властвовать над своим государством и над миром, вообще.

Но таких способов производства ныне известно два - отраслевая и государственная монополизация общественного процесса производства. Поэтому, дабы не запутаться, будем понимать под термином “империализм” вторую фазу - особенность капиталистической формации, выражающуюся всевластием отраслевых монополий. Или проще - Отраслевой монополизм.

Отраслевой монополизм, Империализм: Производительные силы в тандеме, “Производство - Продукт труда” имеют корпоративно-отраслевой характер, и Производственные отношения также выражаются частной собственностью отраслевых корпораций на продукт труда в товарной форме. Процесс воспроизводства рабочей силы принадлежит непосредственно её носителю, наёмному рабу, пролетарию; готовая рабочая сила продаётся им, лично, монополистам, как товар, на всеобщем рынке рабочей силы.

Поскольку общественная рабочая сила отраслевого монополизма находится в частной собственности носителей этой рабочей силы, в качестве мелкого товара, как общественного базиса, постольку общество Отраслевого монополизма нуждается в официальном прикрытии своего господства мелкотоварными, “демократическими” юридическими нормами. Этим абсолютно повторяются соотношения базиса и надстройки, предыдущего и наличного способов производства.

Здесь мы “спонтанно” пришли к необходимости уточнения терминологии - “базиса” и “надстройки”. Выше мы уже рассматривали “поле” и “триаду” этого плоского базиса общественного воспроизводства, закрытой системы. Рассмотрение формирования общественной управляющей надстройки нами оставлено “на потом”, после выявления третьей воспроизводственной координаты существования живого организма (и общества) - самоуправления.

Базис же развития общественного производства (открытой системы) имеет сугубо временной, исторический характер. Этот базис является “экс-действительностью”, т. е. действительностью прошлогоспособа производства. И он возвышает над собой, как надстройку, этот способ производства, который, будучи самой действительностью, однако остаётся в тени.

Именно поэтому на свете нет такой вывески: “Правительство отраслевых монополистов, корпораций”. Наоборот, все империалистические правительства, большие и малые, - все сплошь гражданские (буржуазные), т. е. частнособственнические, т. е. мелкотоварные, т. е. “чисто”-капиталистические, т. е. частно-предпринимательские, - “анти-монополистические”. Империалисты, строя свои корпоративные системы, выступают “антимополиными законами” (!) против корпоративного империализма.

Вся эта ложь частнособственнической цивилизации сейчас особо модна.

В этой лжи запутались все, даже лучшие люди: “Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан” - зовущий к светлому будущему обязует(ся), прежде всего, быть эксплуататором (каково?).

Объективно же, надстройка закрытой, воспроизводственной общественной системы выражает вовсе не прошлый исторический “базис”, а именно эту действительность и функциональность общества - сам способ производства настоящего времени.

Как-то, “ненавязчиво”, мы обрели аж два базиса: функциональный и исторический.

Функциональный базис - воспроизводственная “силовая” структура, управляемая информационной общественной надстройкой.

Исторический базис - прошлый способ производства, существующий в настоящем и являющийся условием его (настоящего способа производства) функционирования (см. рис.20).

Т. е., существенно различные, исторический и функциональный базисы имеют место в одном способе производства. Главное, уметь логически отличать один от другого.

Отраслевой монополизм оказался совершенным империализмом (с очень удачным ленинским клеймом: “Империализм”). Такой агрессивности и массовой беспощадности к населению земли история ещё не знала ни в одном способе производства. В первые полтора века своего существования периодически (в кризисных ситуациях “перепроизводства”) велись войны мирового значения (начиная с наполеоновских) за захват мирового экономического влияния. Теперь (после “второй” мировой войны) “горячие” войны, став “локальными”, уступили первенство войнам финансовым, прямому подавлению экономики “неудачливых” (особенно, сырьевых) стран. Финансовые империи грабят и угнетают человечество глобально и безраздельно.

Внешне, наблюдается даже процветание не только в самих “сообществах” (странах) отраслевой монополизации, но и на периферии, ведь товарный сбыт монополизирован отраслевыми корпорациями и практически не имеет ограничений (за исключением “междусобойчиков”). Техническая революция приобрела сказочные эпитеты и также проникла во все уголки мира. Даже в джунглях Амазонии “дикие” аборигены защищают свою эйкумену (от выжигания джунглей частными фермерами), используя мобильную телефонную технику. Но всё это стихийно, неравномерно и обязательно с ограблением и унижением масс населения.

Какое-то время отраслевой монополизации достаточно успешно противостоял только народившийся Государственный монополизм (в основном, СССР), однако, не успев выработать своей объективной экономической стратегии, он погиб в “холодной” войне со сплотившимися империалистическими странами.

Между тем, это противостояние оказало благотворное влияние на рост мировых технико-экономических показателей. Получили свой статус энергосистемы, резко стало осваиваться космическое пространство. Вырос интеллектуальный уровень трудящихся. Они же сумели добиться существенных льгот на воспроизводство рабочей силы: 8-ми часовой рабочий день с двумя выходными, оплачиваемый отпуск, доступные места отдыха, детские сады, школы, вузы.

К сожалению (но объективно), этот технико-экономический рост сопровождался и сопровождается параллельным ростом индивидуализации трудящихся с соответствующим падением рождаемости в империалистических странах, провоцированием фактически нового переселения народов.

Индивидуализм, получив “научную” подоплёку в форме прагматизма (см. Приложение), проникнув во все поры жизни “развитых” стран, существенно ослабляет классовую консолидацию пролетариата. Мало того, пролетарские лидеры не видят иной формы классовой организации, кроме индивидуалистического “демократического централизма”, а также потребительства. Справиться с системой отраслевой монополизации им не по зубам.

Научившись “спихивать” свои социальные кризисы в “слаборазвитые” страны, империалисты чувствуют себя достаточно уверенно. А после разгрома СССР они не устают

победно пировать. Лишь тень “социализма”: Россия и “вольнодумное” славянство - призрачно треплет нервы. Ну и, конечно, театральные выпады “алькаидных” исламских террористов тоже не успокаивают.

Но можно быть уверенным на 100%, что индивидуалистический империалистический “народ” не сбросит власть отраслевых монополистов во имя государственной консолидации (новой “империи зла”), в целях расправы над славянскими и исламскими негодниками. Государственный монополизм - уже “история”, определяется прошедшим временем, и вряд ли найдутся силы (тред-юнионисты и социал-демократические прихлебатели - не в счёт) его реанимировать

И зачем? Для перехода в коммунизм человечеству нужно перепрыгнуть эту промежуточную ступень. Но и знать её следует неукоснительно, чтобы опять (как в 1917-м) не стукнуться лбом о границу капитализма. Рассмотрим, поэтому, её.

9.11. Государственный монополизм - Буржуазный социализм.

Вообще-то, буржуазным социализмом всегда именовалось состояние какой-либо империалистической державы с расширенными “социальными гарантиями”. Это, конечно, никак нельзя считать верной характеристикой и образа жизни, и, тем более, соответствия производительных сил производственным отношениям - способа производства. “Социалистическими” именуется “нейтральные” империалистические государства (Швеция, Швейцария, Норвегия, Австрия и нек. др.), имеющие высокий уровень социального обеспечения. Страна по-прежнему оставалась в руках отраслевых монополий, а улучшение материального положения трудящихся страны осуществлялось за счёт “слаборазвитых” народов.

В истории идеологии имеется и так называемый “феодальный социализм”, стремящийся “окультурить” феодалов в целях их “гуманизации” по отношению к их крепостным рабам...

Если всё же под “социализмом” понимать “общественность”, как общественную функциональную взаимозависимость людей, то с приставкой “буржуазный” получается **Буржуазный социализм - функциональная взаимозависимость класса буржуазии**. Другими словами, такое состояние общества, когда буржуазия, теряя корпоративную свободу конкуренции, становится социально взаимозависимой в процессе общественного воспроизводства.

Такое возможно лишь в случае насильственной (добровольно никто ведь не согласится) передачи государственным органам всех материальных средств производства (прежде всего, всех орудий производства), имеющих в корпоративной собственности буржуазии, оставляя ей лишь организацию и управление этими материальными средствами, наймом и эксплуатацией общественной рабочей силы (идеальных средств производства).

Буржуа из капиталистов превращаются (как при Тоталитарном аристократизме Рабовладения) сугубо в государственных управленцев, чего наша “доблестная” интеллигенция страшится до сих пор. Государство из ставленника корпораций становится совокупным и монопольным государственным капиталистом. А исполнители процесса производства по-прежнему остаются наёмными рабами, пролетариями.

Для совершения такого социального переворота абсолютно не достаточно одного лишь дворцового переворота. Для лишения буржуазии собственности на материальные средства производства, требуется гражданская война. Последняя же с необходимостью должна осуществляться “простым” народом.

Но поскольку для последнего в данном варианте лучшей перспективы не предвидится, для него теряется всякий смысл в такой “заварушке”. Т. е. преобразование отраслевого монополизма в государственный вроде бы невозможно - в принципе. И, тем не менее, это “невозможное” осуществлялось на практике неоднократно и в различных вариантах, но всегда обманом и самообманом, как всё стихийное и игровое “действие”.

Первый (не по хронологии, а по уровню огосударствления, но классический) вариант - националистический, парламентский.

Путём взвинчивания низменных настроений толпы избирателей в расово-националистической (религиозная на такое не способна) исключительности местного более-менее однородного населения над иными народами, получения материальной поддержки от ведущих олигархов (отраслевых монополистов) с обещанием доступа к рынкам сбыта военным путём и создания видимости наведения порядка командой обожествляемых националистических лидеров, создаются условия парламентского захвата власти этой командой. После чего выполняются обещания олигархам, а “простые избиратели” втягиваются в истребительную войну. Это - фашистская Германия.

В этом первом варианте отраслевые монополии, как и мелкие частные предприятия, продолжают существовать. Однако всё взаимодействие и частников, и корпораций подчинено жесткому военному регламенту, доходящему до диктата национального лидера. Страной правит фикс-идея национального превосходства над “худшими” государствами. Из этих “худших” всё же выбираются “лучшие” для совместных действий против “совсем плохих”, однако с хорошими сырьевыми ресурсами. Кнут и пряник здесь действуют неотразимо.

Страна первого варианта огосударствления, взвинчивая таким приёмом инициативу масс, делает резкий рывок в развитии промышленности, прежде всего, военной. Политика страны откровенно грабительская.

По первому варианту строились (тихой сапой) также хозяйства фашистской Италии, Испании, Португалии и “банановых тираний” Латинской Америки. Страны же госмонополизма славянской Европы, а так же Дальнего Востока и кое-где в Африке, были ближе ко второму варианту огосударствления (с помощью СССР).

Второй вариант - интернационалистический, военный. Путём использования коммунистических идей всенародного освобождения от эксплуатации человека человеком, при ослаблении отраслевых монополистических корпораций в мировом кризисе, и доводя имеющиеся коммунистические идеи до сознания пролетарских масс, инициативной революционной группой осуществляется правительственный переворот и объявляется национализация материальных средств производства, что приводит к развязыванию частными собственниками этих средств гражданской войны.

В ходе гражданской войны революционная инициативная группа берёт на себя управление всем хозяйством страны, разрушая отраслевые корпоративные связи, иерархически централизует общественное производство сугубо по отраслям. Это - вариант Союза Советских Социалистических Республик.

После победы над “капитализмом” (победы над Отраслевым монополизмом) иерархически структурированная производственная система СССР совершенствуется. Она то допускает мелкотоварную частную собственность на материальные средства производства (вплоть до НЭПа), то ставит её “вне закона”. Но очень жёсткая и бескомпромиссная борьба ведётся с возникновением “горизонтальных” связей, с подпольной (мафиозной) меж-отраслевой корпоративностью. Под это подводятся периодические карательные “партийные чистки”. И выявленные враги народа (без кавычек, поскольку все монополисты - истинные враги пролетариата) караются беспощадно. Все же материальные средства производства переходят в безраздельную собственность верховной группы “коммунистических инициаторов” (Политбюро ЦК ВКП(б)-КПСС).

Очищается от ретроспективных наносов класс управленцев. Робко именуясь “прослойкой интеллигенции”, он включал, прежде всего, так называемых “номенклатурных работников” - от начальника большого “стратегического” цеха и соответствующего отдела

до министра и члена “республиканского” ЦК. При любых перемещениях эти люди имели “места” только в “номенклатуре” (иной их путь был - в тюрьму, или - “к стенке”).

Этот класс, имея в собственности управленческие методы, стоимостью гораздо большей, чем их, даже неординарная, рабочая сила, был целиком подотчетен (иерархически) центральному “аппарату”. Официально же управленец выступал якобы простым пролетарием, “работником умственного труда”. Морально это существенно ущемляло новых буржуа.

Постепенно пролетаризуется всё население: общественная рабочая сила полностью уходит из-под опеки родовых и семейных хозяйственных форм в частную собственность носителя рабочей силы. Единственным хозяйственным коллективом (также маскирующимся под “пролетарский”, т. е. “сидящим на зарплате”) в новом обществе “тайно” выступают его властители (бывшая коммунистическая инициативная группа), собственники общественных материальных средств производства, государственная карьеристическая элита.

Объявив себя “пролетариями”, госкапиталисты нарекли “коллективистами”, “колхозниками” земледельцев, частная зарплата которых выражалась “трудоднями”, обычной “сдельщиной”. Свой “Социализм” госкапиталисты структурно так и определяли двумя классами - Рабочие и Колхозное крестьянство. Себя скромно относили в “прослойку интеллигенции”. И всё же высший класс реально ущемлял себя тем, что не мог передавать эту свою собственность (безраздельное владение страной) по наследству (коллектив-таки).

В противовес рыночным отношениям в “бытовой сфере” средств “потребления”, при обмене рабочей силы на жизненные средства, в сфере производства средств производства возникает сугубо не-товарный обмен. Поскольку все монополистические отрасли хозяйства объединены в министерства, постольку торговля между ними, естественно, отпадает за невозможностью. И несмотря на то, что “марксовы” стоимостные показатели капитализма всё же используются, в виде премиальных “за качество”, все средства производства “лимитируются” целевыми потоками. Решения об изменении средств лимитирования также централизованы.

Поэтому “второстепенные” производственные сферы (“средств потребления”) неповоротливы в своём развитии, требуют так называемых “толкачей” и имеют весьма низкое качество производимой продукции. Наоборот, “первостепенные” сферы (военная, космическая, научная, артистическая, производства средств производства - например, станочная) были вполне конкурентоспособны на мировом империалистическом рынке. Но дисбаланс - всегда дисбаланс

Поэтому “второстепенные” производственные сферы (“средств потребления”) неповоротливы в своём развитии, требуют так называемых “толкачей”, порождая взяточничество, и имеют весьма низкое качество производимой продукции. Наоборот, “первостепенные” сферы (военная, космическая, научная, артистическая, производства средств производства, например, станочная) были вполне конкурентоспособны на мировом империалистическом рынке. Но дисбаланс - всегда дисбаланс.

Государственный монополизм, Буржуазный социализм: Производительные силы в тандеме, “Производство - Продукт труда” имеют государственно-системный характер, и Производственные отношения также выражаются частной собственностью государственной элиты на продукт труда в натуральной форме и путём его не-товарного, “лимитного”, а также стоимостного распределения. Рабочая сила принадлежит непосредственно её носителю, наёмному рабу, пролетарию; она воспроизводится и продаётся им, лично, управленцам, представителям госэлиты, как товар, на всеобщее-государственном рынке рабочей силы. Исключение составляют государственные и коллективные средства (предприятий) по воспроизводству общественной рабочей силы. Процесс общественного производства, в части организации и управления выделяется в ограниченную (подотчётную

элитарным собственникам материальных средств производства) собственность класса управленцев.

Всё общественное хозяйство, целиком, сверху до низу, стимулируется карьеристическими интересами, от реализации которых зависит личное благосостояние, но накопить которое и передать по наследству (при фактическом запрете крупной частной собственности на материальные средства производства, капитал) весьма затруднительно. Всякие попытки обойти эти “социалистические принципы” в массе пресекались. С ростом же частного “благосостояния”, ориентированного на западные “нормы”, карающее оружие Немезиды “закудрявилось”...

Особо выделялся карьеристическими наклонностями сформированный уже в отраслевом монополизме класс управленцев, надсмотрщиков за рабочими, руководителей процесса производства, начальников (в отраслевом монополизме они фигурируют в качестве “менеджеров”).

И всё же, в процессе совершенствования хозяйственных связей, государство вынуждено склонялось к коллективизации процесса производства. Сверху внедряются всевозможные бригады “коммунистического” (самоотверженного) труда, злобинский (“злобный”) метод делёжки коллективного дохода, “решения” партсобраний, “коллективные договора” исполнителей с руководством, коллективные выезды к местам отдыха и сами места отдыха, закрепляемые за предприятиями. Всё это, так или иначе, в пику личностному карьеризму, спланивало коллективы производственных предприятий и освобождало руководство страны от содержания лишнего и дорогостоящего административного аппарата.

Коллективистские пролетарские настроения имели и обратную сторону. “Советские” рабочие обрели стойкий иммунитет к карьеризму и к “уважению” начальства, что прямо вело к снижению качества продукции. Те, кто “лез в партию” (становясь беспринципными “трепачами”), теряли авторитет товарищей. Формалистское извращение внедряемых коллективистских норм также встречало отторжение (во вред самим коллективам). Все ждали: когда же, наконец, появится новый “коммунистический” барин-Сталин, который всё “устаканит”.

И однажды он ненадолго даже появился - в образе Андропова. Однако развивать коммунистическое марксистское учение, ставящее вне закона эксплуатацию (и всякое понуждение) человека человеком, традиционно запрещалось. Методы преобразования иерархической карьеристической системы госмонополизма в воспроизводственную систему самоуправляемых предприятий не разрабатывались. А без марксистских научных методов коммунистическое строительство не возможно. Андроповский миг всё же остался в народной памяти - “светлой надеждой” на чудо.

Таким образом, второй, интернационалистический, вариант государственной монополизации (СССР) следует считать основным и в какой-то мере перспективным, первый же - фашистский вариант - недоразвитым и абсолютно тупиковым.

Конечно, интернационализация целиком возлагалась на плечи основного (русского) народа страны, ленинским принципом, “национальной гордости великороссов”, с целью “окультурить” малые народы той же пролетаризацией.

Следует заметить, что пролетаризованные “государственные” трудящиеся были выше образованны, квалифицированы и наиболее социальны, относились к общественному производству с более высокой ответственностью, чем иные трудящиеся, имеющие частный “навар на стороне”. Этот “навар” был в большой мере свойственен “республиканским” трудящимся. Подпольные ретроградные мелкотоварные и даже монополистические веяния исходили из “республик”.

“Братство народов” (во главе, однако, с представителями малых народов) позволило быстро наладить взаимодействие населения в ходе “Великих строек” индустриализации (буквально, из ничего), а также успешно сопротивляться агрессору, военно-

машинизированной фашистской Германии, в ходе Великой Отечественной войны. Лишь сугубо националистические и религиозно-шовинистические “отсталые” (т. е. не успевшие пролетаризоваться) народности изменили этому пролетарскому братству в надежде на “понимание” национал-расистских, таких понятных “освободителей”. “Благородное негодование” гос. монополистов “Страны Советов” не замедлило завершиться для “изменников Родины” возмездием, оказавшемся на поверку - провокацией. Но в любом случае такая “интернационализация” добавляла рабочему классу эксплуататоров в виде ещё и “отсталых” народов.

Если в промышленности вред от такой “интернационализации” не сильно бросался в глаза (например, почти со стопроцентным браком биробиджанскими и ереванскими силовыми трансформаторами, выше 100 кВА, - это из моего, личного опыта наладчика электроустановок), то наука пострадала явно и существенно. Прежде всего, устанавливался так называемый “национальный ценз”: в вузы делегировался определённый и обязательный процент “малонародных” абитуриентов (конечно, в нём превалировали люди из зажиточных семей), а при защите диссертаций “нацменам” также полагалась “скидка”.

Постепенно вся наука превратилась в сборище “нацменных” эксплуататорских корпораций, во главе, естественно, с еврейской “diasпорой”. Пролетарской (русской) части научных работников выше “мэнэса” редко удавалось пробиться: низшим не положено быть наверху - ведь кому-то надо работать.

Лично мне известно несколько случаев суицида русских аспирантов на почве “незащиты” диссертации после успешно проведенных научных работ. А случаи воровства изобретений и рацпредложений знают все.

При попытке госмонополистов как-то урезать аппетиты национал-карьеристов (шовинистов) обратным “цензом”, тут же поднимался вой на весь мир, упрекавший власти в “антисемитизме”.

Коллективизм под эгидой национальной исключительности направляет сознание людей к социальной фашизации (как при лоббировании национализма, так и при активном сопротивлении этому давлению), в тупик развития. Только коммунизация общества (и мира), созданием интернационалистической самоуправляемой системы общественного воспроизводства, способна “рассосать” национализм. Как говорил Маркс: Еврейство умрёт только снятием торгашества. Сказанное можно с уверенностью отнести и к иным исключительным “националам”.

С другой стороны, пролетаризованный и потому разобщённый русский народ при всей своей “великоросской гордости” никак не мог конкурировать со спаянными, социально отсталыми торгашами, вполне понимающими друг друга с полу-слова и полу-взгляда. Укрепляясь в своём презрении к “пьяным русским свиньям”, торгаши постепенно внедрялись во властвующую элиту. Торгаши купили себе всю надстройку буржуазно-социалистического общества. Всё “руководство”, вся “наука”, вся “культура”, всё “искусство” - всё работало (и работает до сих пор) против интернационалистического пролетариата, против рабочего класса СССР.

Поэтому “народ безмолвствовал”, когда управленческие ретрограды с помощью американского “вспомоществования” свергли государственных монополистов..

9.12. Система общественно-производственной коммунизации государством диктатуры пролетариата - первая фаза Цивилизованно-коммунистической формации. Научная ветвь человеческой истории. Самоуправление.

Человечество прошло много кризисов общественного развития. Каждый скачок к новым производственным отношениям сопровождался общественными неурядицами. Причём, эти функциональные социальные противоречия возникали ещё до образования нового способа производства, при саморазрушении старого. Новый же способ производства эти противоречия вначале лишь усугублял, как в абстрактной, так и в конкретной форме. Зато

потом, после становления новых производственных отношений (модернизацией общественной религии, а позже, и юридическими установлениями) совершался скачок (точнее, взлёт) и в материальном развитии.

Особо тяжёлым представляется общественный кризис, связанный с упомянутой выше природной катастрофой, вызванной таянием европейского ледника (предположительно, после падения на землю, 10 тысяч лет до р.Х., астероида, крупного метеорита), поднятием уровня мирового океана, затоплением прибрежных континентальных зон и тихоокеанских мостов человеческого обитания.

“Дикому”, кочевому патриархальному населению “мостов” Океании не повезло больше всего - всё оно утонуло, оставив лишь штрихи в расовых обликах южно-, центрально- и северо-американских аборигенов, да каменных стражей вулкана острова Пасхи. Первобытным союзным коммунарам, системы Территориальных общин, современникам катастрофы, также пришлось не сладко: погибли все островные цивилизации (“атлантиды”), почти целиком затоплены прибрежные, уничтожены все трудовые накопления и культурные ценности, деморализован и рассеян сам культурный народ - все, так сказать, “пошли в казаки”, кочевать подальше от гиблых мест (унося с собой лишь память и Слово об утраченном рае). Т. е., если все иные общественные кризисы выражались временной остановкой материального развития, то потопный дал откат культурному развитию на целую фазу первобытной формации, на долгие тысячелетия.

Похожая картина наблюдается и в настоящее время. Несмотря на то, что глобальное антропогенное потепление пока оттягивается, и несколько замеченных астрономами астероидов промахнулось, мы имеем налицо откат бывшей передовой, интернационалистской (со славянским доминированием) государственно-монополистической системы на целых две фазы капитализма, к его первичному мелкотоварному состоянию, с ностальгией по феодализму и с попытками варварской, разбойной отраслевой монополизации. И - соответствующий развал производительных сил, деморализацию, деградацию, переселение и вымирание населения. Империалистические страны (отраслевой монополизации), захватив весь мир, беспардонно жируют: лишь 30% их населения занято производительным трудом - остальные семьдесят администрируют, торгуют, участвуют в шоу-бизнесе, просто, купаются в роскоши, морально разлагаясь.

У этих, загнивающих в собственном жиру, “глобалистов” в последние годы (с падением гос. монополизма, СССР) резво вырос их старинный “дикий” конкурент, исламский фундаментализм. В паразитическом смысле эти два представителя земной фауны стоят друг друга. Прежде всего, потому, что оба - торгаши. Если “глобалистами” правит прагматистская фикс-идея с обожествлением “пользы”, т. е. частной выгоды, то “фундаменталисты” ведёт столь же фиктивная надежда на Аллаха, прощающего все грехи, совершаемые во имя Аллаха. Т. е., и те, и другие исповедуют одну и ту же звериную, до-архантропную, прагматико-мистическую религию, ничего общего с гуманизмом не имеющую. И если “глобалисты”, жируя, эксплуатируют треть своего населения и весь остальной, производящий продукт труда мир, то “фундаменталисты”, обрекая всё своё население на примитивно жалкое, даже вполне дикое, бесперспективное существование, пожирают мировой трудовой продукт с не меньшим аппетитом и на зависть самим “глобалистам”.

Паразитические друзья-соперники конкурируют всерьёз. Традиционно обладая современными, мировыми нефте-газовыми энергоресурсами, “фундаменталисты”, прикармливая ими “глобалистов”, пытаются диктовать свою волю. “Глобалисты” же, имея в своём распоряжении мировой продукт, капитал, получают, в лице исламских нефте-стран обширный, односторонний рынок сбыта товаров, и они уверены в своём преимуществе, праве обладать мировой нефтью и газом. Но энергетический кризис не за горами, - это знают все, - поэтому уже сейчас противоречия между “друзьями-соперниками” резко обострились.

Сопровождаются противоречия существенными различиями между пресловутыми “друзьями”. Народ “глобалистов”, т. е. стран отраслевого монополизма, давно деморализован в человеческих понятиях. Торгашеский индивидуализм там прививается людям уже в утробе матери. Магометане, ведя “дикий” (а точнее, патриархально-феодално-мелкотоварный) образ жизни, также преуспевая в торгашеском мировоззрении, “ты - мне, я - тебе”, весьма жёстко придерживаются родовых устоев, национализма и исламской общности (наследие азиатской социальной слоёности). Такой народ победить нельзя, не уничтожив его родовую сплочённость, или физически. И хотя империалистические народы тоже националистичны, успехи Запада в боевых действиях носят временный, половинчатый характер, поощряя феодальную раздробленность и провоцируя исламский экстремистский терроризм. Последний, с вступлением в дело Аль-Каиды, обрел стратегические “нормы”.

Но, если предположить супер-удачное для хилых “фундаменталистов” стечение обстоятельств, способствующее победе над мощным империалистическим блоком, ожидать мирового социального прогресса не приходится. Самое большое, что может получиться, это - новый госмонополизм исламско-фашистского толка, не способный спасти мир, человечество от надвигающегося глобального антропогенного, экологического кризиса. (Ещё менее способны на этом поприще антинаучные национал-торгаши Китая и Японии.)

Поэтому не приходится и лелеять надежды на повторение стихийно-исторических революционных социальных преобразований в современной ситуации. **С формированием государственно-монополистических (таких неживучих) систем стихийная история человечества заканчивается. Необходима подготовка научных методов социальной революции.**

Многие учёные-социологи всерьёз понимают научные методы не далее того, как вот здесь, в этом вступлении к разделу, изложено - в художественно-исторической прозе (вплоть до “белых” стихов и мудрых цитат). Поэтому их научные методы не всеобщие, а зависят от их точки зрения, их прямой речи и их личностных особенностей; и это (проповеди вместо науки) узаконивается.

В предыдущих разделах нами была предпринята попытка подачи структурированного диалектического метода и, в частности, диалектической детерминации в обобщенном виде. И хотя это благое дело не должно, полагаю, вызывать у марксистских курсантов особых сомнений, лучше было бы предложенные диалектические приёмы апробировать на какой-никакой практике, доступной экспериментатору. Практически организовать самим. И эта практика должна быть, предварительно, научно обоснованна, т. е. теоретически выражена. Тогда практическая самоорганизация также избегнет ошибок.

Получается так, что базисом цивилизованного коммунизма выступает коммунистическая теория, а надстройкой - коммунистическая практика (а вовсе не наоборот, как в случаях стихийного социального развития).

Уточним смысл термина, “**базис**”. Происходит он от латинского искажения “пра”славянского, “этрусского” слова, пожи (или пожиче), т. е. - по жизни, быть условием существования, основой действительности. В принципе, такое понятие базис несёт в себе и до сих пор: **то, из чего всё произрастает, происходит.**

Уточнение сделано для того, чтобы лишний раз отмежеваться от догматизма: так, практика догматически почитается базисом теории - и не в коем случае не наоборот. Поэтому многие “коммунисты” сидят, сложа руки, и ждут явления народу нового “базиса” коммунизма - его практики. Ждут. Или же прагматистски суетятся, как лягушки в молоке, надеясь этим сбить “базис”. Но не будем опять о грустном... Займёмся коммунистическим базисом, посмотрим, каким должен быть он - истинный коммунизм.

Конечно, материальное не только нельзя сбрасывать со счетов настоящего, наоборот, в нём нужно видеть идею будущего. Поэтому сами теории будущей жизни мы будем извлекать

не, просто, из головы, а из фактов современной (во многом уже прошлой) жизни - при помощи головы.

Идея коммунизма есть всеобщее видение системы самоуправления всего народа, всеобщей свободы, всеобщей справедливости, всеобщего благосостояния. Всеобщее есть общее для всех, т. е. без привнесения клановой и личностной доминанты. Но вот тут-то и обнаруживается существенная заковыка: человечество, от своего возникновения до сегодняшних дней, делится на роды, “общества”, классы, кланы и личности - каждое деление выражает свою доминанту. В результате, мы общаемся как при вавилонском столпотворении. Кроме смыслового хаоса ничего не получается.

Однако и здесь имеется вполне тривиальный выход из дурацкого положения: отсеять придурков, тех, кто откровенно против всеобщности - их, будьте уверены, немного, и они давно известны. Нужно отсеять из общего - частников, буржуазию и, прежде всего, её идейных-безыдейных апологетов, и сами их “идеи”. Тогда можно увидеть, что выразителем всеобщих чаяний народа является марксизм, а его противником - буржуазный прагматизм, оглуляющий народные массы для удобной их эксплуатации.

“Всеобщность невозможна” - на этом стоял и упорно стоит прагматистский агностицизм. “Всеобщность существует” - на этом стоит и будет стоять марксистский объективизм. Таким образом, **чтобы увидеть всеобщую справедливость, систему самоуправления народа, нужно убить в себе агностического прагматиста и родить марксистского объективиста - себя самого. И всё.** Можно начинать это делать с помощью прилагаемой таблицы сопоставления прагматизма и марксизма. Пока же отметим, что наши чувства, наши мысли отражают всё то, что вообще есть, - Всеобщее. Всеобщее коммунизма есть система всеобщего трудового самоуправления.

Самоуправление, притягательная идея коммунистов мира, в понятиях, однако и к сожалению, далеко не однозначно. За этот термин, как за полицейский щит, давно прячутся эксплуататоры трудового народа. Достаточно вспомнить “муниципальные органы самоуправления” нашей буржуазной действительности. Поэтому здесь тоже имеет смысл определиться. Самоуправление - чего?

Прежде всего, самоуправление способно иметь место только в среде вполне знакомых людей, занятых совместной целенаправленной деятельностью, трудовой деятельностью. Эта “среда” именуется “**Коллектив**”. Однако под коллективом часто понимают общность мало знакомых, односторонне знакомых, или вообще незнакомых индивидов (а иногда - одну личность!). Такие понятия “коллектива” не блещут корректностью.

Но и среда хорошо знакомых трудящихся людей не выражается однородно. Здесь вступает в действие генетическая человеческая психика, разделяющая “среду” на очень хорошо, “близко” знакомых и “просто” хорошо знакомых. Этот генезис имеет истоки в изначальном формировании общества - общины. Число “близко” знакомых невелико: до десяти человек. Хорошо знакомых на порядок больше - сотня. Первых имеет смысл обозначать, “малая группа”. Вторых, “просто”, - “номинальный коллектив”. Число членов таких группы, и коллектива может значительно варьироваться, но - от номинала (соответственно, десятка или сотни).

В хорошо спаянной (особенно, доброжелательностью) малой группе никакого особого “управления” не требуется: самоуправление в ней происходит автоматически. Все стараются всё делать хорошо и друг другу помогать, ничего не требуя взамен, а лишь радуясь возможности помочь. Специалист никогда не возвышается над дилетантом. И договориться можно всегда. Или же эта группа, просто, разваливается (духовно или физически) при отсутствии общих интересов. Группа держится подбором личностных качеств каждого и - взаимной симпатией. В ней господствуют чувственные мотивы.

В собственно-коллективе отношения гораздо сложнее. Человек не способен близко знать сотню, хотя и может узнавать и помнить гораздо большее число людей, симпатичных и не совсем, и “совсем не”. В сотенном же общении, однако, имеется возможность совершенно чётко представлять себе состояние дел у каждого члена коллектива и вовремя оказать необходимую помощь. Но, чтобы такую возможность осуществить, требуется строго-определённый порядок, структура внутри-коллективного взаимодействия - структура самоуправления (см. Рис. 22). В высшей мере такой “строгости” как раз и происходит освобождение личности, причём, полное и бескомпромиссное, и - по уму. К сожалению, на такую высоту человеческого общежития ещё никто не забирался. Близко к вершине Территориальной общины подошли первобытные коммунары, далее им туманила глаза подмена социальной науки изошрённой религией.

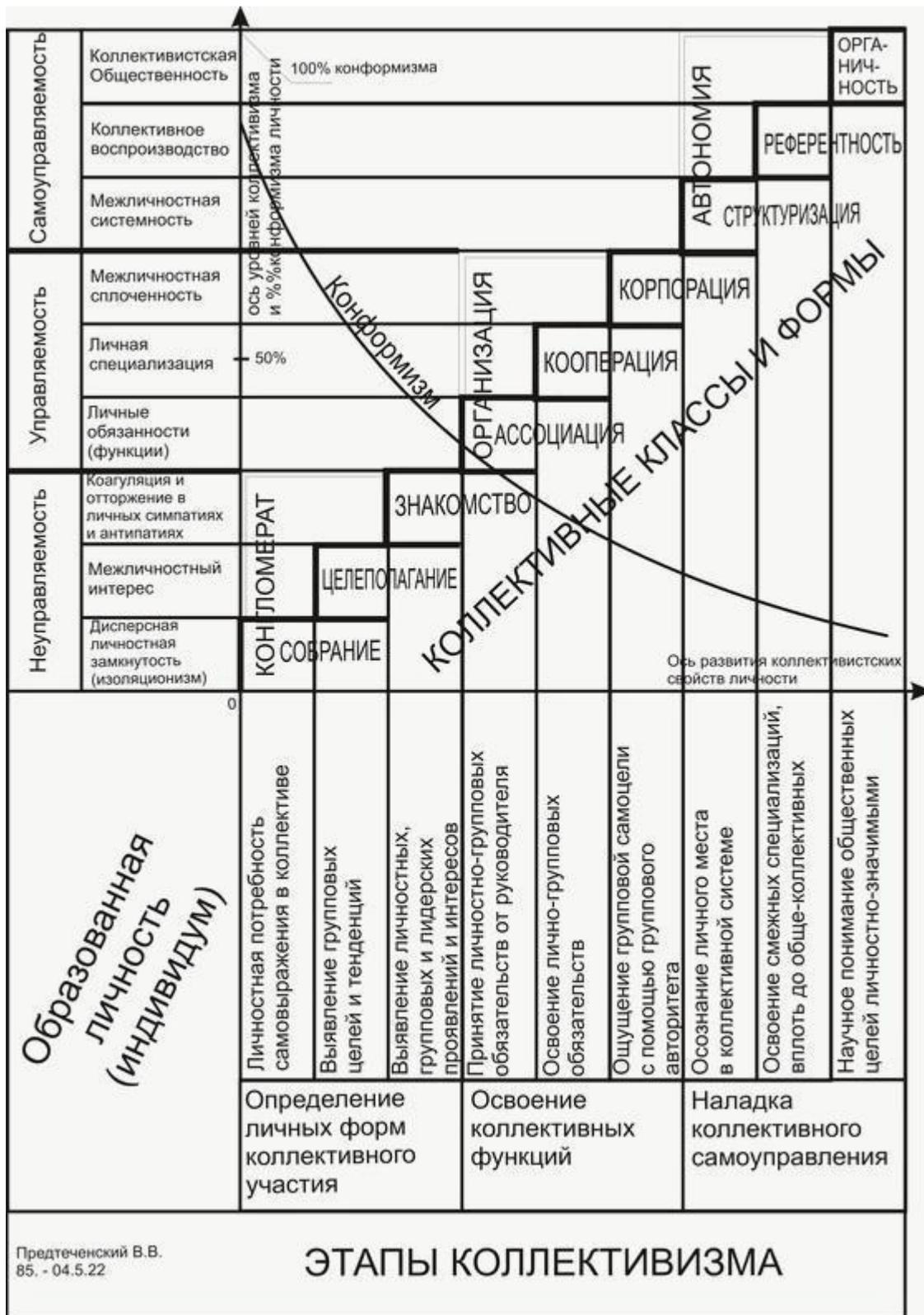

Рис. 22. Диаграмма коллективистского развития личности (по психолого-педагогическим разработкам Л.М.Фридмана) в зависимости от уровня коллективной организации.

В настоящее время на земле “живут и пасутся” разнообразные по приложению (а по структуре – все) виды коллективов, за исключением высшего класса. А нулём коллектива, конечно, выступает (наиболее массово пасущаяся, потребительская) личность, индивидуум. Это очень метко, по поводу бревна и партии, выражено пролетарским поэтом (и полным тёзкой буржуазного нашего президента): “Единица – вздор. Единица – ноль.” - но всё

начинается с последнего, с “нуля” точнее, с неустроенных единиц, с тех личностей, которых личностное их состояние их не удовлетворяет.

Неустроенные единицы (“нули”, личности) собираются “до кучи”, следуя какой-нибудь насущной жизненной необходимости (иногда – праздного любопытства – тоже насущной необходимости). И вот, мы видим “табунок” ожидающих у автобусной остановки, на вокзале, очередь для оплаты “коммунальных услуг”, зрителей чего-то, где-то, “тусовщиков”, участников дискуссии, наконец. Все абсолютно свободны от этого примитивного коллектива и все абсолютно бессильны что-либо изменить в данной ситуации. Но все абсолютно уверены в единстве целей: ждать, ехать, смотреть, показаться, высказаться...

Такой уровень коллективизации есть, просто, **“Собрание”**, и относится оно к классу, **“Конгломерат”**. Сознательность действий Собрания предельно низка, характеризуется хаосом личностных качеств. Конформизм же (стадность действий), наоборот, предельно высок.

Чем дольше такое примитивное “общение”, тем лучше люди узнают друг друга, и общие цели тоже. Резко спадает конформизм, участники общения осознают сущность ситуации. Сущность эта пока ещё примитивна: быть или не быть, участвовать или не участвовать в дальнейшей “тусовке”. “Члены коллектива” по-прежнему свободны друг от друга и ничего не в состоянии изменить. Но сам поиск смысла данной коллективизации определяет особое состояние коллективного Конгломерата. Такой уровень коллективизации обозначим - **“Целеполагание”**.

Далее, происходит не только коллективное знакомство на уровне общих задач, люди знакомятся с выразителями этих общих задач – друг с другом и ... с лидером. Это – высшее состояние коллективного Конгломерата, когда люди, выбрав именно этот коллектив, непосредственно определяют свои личные потребности в коллективных возможностях путём личностного общения. Обозначим такой уровень коллективизации, как **“Знакомство”**. Этот высший конгломератный уровень коллективизации ещё нельзя назвать в полном смысле слова коллективом, поскольку каждый его член преследует сугубо личные цели независимо от общих, которые тоже в дефиците. Такой коллектив ещё нужно организовать.

Когда внутри-групповые обязанности назначаются руководителем, коллектив переходит из конгломератного класса в класс **“Организация”**, на первый его уровень - **“Ассоциация”**. Принимая личные коллективные обязательства от руководителя, каждый ещё далеко не чётко их себе представляет и достаточно произвольно трактует. Но чем лучше эти обязанности понимаются их принявшим, тем далее Ассоциация уходит от конгломератного состояния...и тем больше хлопот она доставляет руководителю.

Высшим, с точки зрения руководителей, уровнем коллективизации является так называемая **“Кооперация”**, когда каждому члену его обязанности известны, вплоть до специализации. И хотя коллектив по-прежнему целиком зависит от руководителя, способного его “распустить”, на уровне Кооперации уже проявляется коллективная самоцель, не зависящая от руководящих указаний.

Высшим же уровнем класса Организации выступает **“Корпорация”**, коллектив с ярко выраженной самоцелью. Этот уровень “советские” буржуазно-социалистические психологи выбросили за функциональную характеристику развития коллективизма, как “извращение”, как “антиколлектив”. Корпорация и действительно извращает смысл коллективности, поскольку ей чужды общественные устои и даже сама человечность подчинена лидерской корпоративности. Однако лидерство здесь имеет значение, подчинённое внутри-конкурентной борьбе, а специализация членов Корпорации существенно склонна к взаимозаменяемости (т. е. к самоуправлению). И самое существенное: Корпорация имеет общий материальный фонд, “общак”.

И лишь осознав себя функциональной дееспособной единицей, коллектив способен перейти в класс, **“Автономия”**, т. е., стать самоуправляемой и общественно взаимосвязанной

ячейкой, живой клеточкой общества. Для этого он обязан воспроизводственно и самоуправляемо структурироваться. Никакие “открытые”, “случайностно-стохастические” и иерархические структуры для этих целей не подойдут. Здесь целиком следует использовать диалектический метод. Первый уровень автономизации так и обозначим - **“Структуризация”**, когда коллектив ещё только организуется по структуре самоуправления, а члены коллектива, хотя и прекрасно представляют свои обязанности, ещё недостаточно вникли в специализацию товарищей. В таком “самоуправлении” отсутствует основной момент – Взаимозаменяемость. На этом уровне коллективизации идёт постоянная учёба и самообразование. Специалист становится универсалом. Ему становится понятным коллективный воспроизводственный цикл.

Когда же специализация каждого достигнет достаточной для коллектива широты “профиля”, когда каждый в коллективе получает способность ориентироваться в общеколлективном функционировании, вплоть до подмены любого специалиста на какое-то время, тогда этот коллектив выходит на новый уровень - **“Референтность”**. Каждый член коллектива теперь способен выступать от имени целого коллектива в качестве референта.

Коллективная Референтность есть собственно Автономия, когда коллектив становится дееспособной общественной клеточкой, воспроизводственной ячейкой.

Высший уровень коллективизации, **“Органичность” (или “Коммуна”)**, возникает при совершенном знании каждым не только внутри-коллективной специализации, но и места коллектива в обществе, коллективной общественной необходимости. На этом высшем уровне коллективизации человек целиком освобождается от всякой вольной или не вольной, внешней и внутренней (само-) эксплуатации, становится существом общественным и потому свободным, и общественные цели становятся его, лично значимыми.

Следует заметить, что буржуазно-монополистические предприниматели не всегда боятся самоуправления. То, что верхушка корпораций самоуправляема, ни для кого не является секретом. Японский опыт производственного самоуправления достигал уровня Референтности (под контролем собственника материальных средств производства). Этот опыт даже был воспринят некоторыми американскими предприятиями, правда, долго там не продержался.

То есть, в принципе, по поводу самоуправления пролетариату с буржуазией можно иногда договориться. В этом случае пролетарским лидерам достаточно иметь методику самоуправления и уметь доказать предпринимателю его выгоду от внедрения самоуправления на его предприятии. Но поскольку эта методика будет существовать в зависимости от воли и настроения предпринимателя, самоуправляемый пролетариат не сможет чувствовать себя спокойно (свободно) на своём (не-своём) предприятии.

Поэтому, так или иначе, потребуются общественные (политические) меры для узаконивания самоуправления на местах. Здесь вновь на передний план должны выступить пролетарские лидеры, имеющие на руках реалистическую теорию структуризации общественного самоуправления на уровне органичных Автономий (Коммун) и не-товарного обмена. Реализация Автономичной общественной системы (производственной коммунизации) возможна экономическим, политическим и военным путём и даже в одной стране, но с обязательным наличием готовой, смоделированной коммунистической науки в революционной среде. Этот путь не быстрый и не простой, но – единственно верный и вполне реальный.

Производственная коммунизация: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила – Производство” структурируются в территориальной системе трудовых, органичных, воспроизводственных, самоуправляемых ячеек (с высочайшим уровнем рабочей силы) и Производственные отношения также приобретают характер коллективной собственности на процесс производства и властью государства диктатуры пролетариата, налаживающей научно-справедливый трудовой обмен в этом хозяйстве.

Материальные средства производства теряют своё превалирующее значение в формировании общественного капитала (богатства), поскольку смысл общественного существования заключается в совершенствовании и развитии общественной рабочей силы (которая теперь и определяет общественный капитал). Все усилия общественной надстройки (государства “диктатуры пролетариата”) направляются на совершенствование общественного производства – в целях восстановления природных ресурсов, среды человеческого обитания. Поддерживает общественное воспроизводство Государственный монополизм, как базис, в качестве системы координации социальных научных разработок и отраслевой стандартизации. Национализм, потеряв товарную базу своего существования, а также влияние на формирование производственных отношений, превращается в систему исследования исторических культур. Самоотверженность коммунистически организованного и высокообразованного населения позволит блокировать реакционные силы, как внутри страны, так и вне её.

Госмонополизм, как высшая фаза капитализма, ближе всех подошел к Цивилизованному Коммунизму. Но подойти - далеко не значит перейти, преодолеть барьер. Поэтому новое, будущее государство диктатуры пролетариата не должно повторить печальный опыт Большевицкой партии, имевшей в своём теоретическом багаже программу (!) Государственного монополизма, утверждающую в качестве самоуправления “потребительскую кооперацию”, и не более того.

Коммунизм должен быть вначале построен “в тиши кабинетов”, изложен в проекте и выверен на моделях. Рисковать жизнями многомиллиардного человечества гуманисты не имеют никакого морального права.

9.13. Региональная органичность.

По мере расширения влияния производственной коммунизации возникающие союзы государств диктатуры пролетариата преобразуются в единую коммунистическую систему. Этому преобразованию предшествует тотальное диалектико-марксистское развёртывание социальных и технических наук, способных увязать различие региональных формирований коллективного дохода. В результате, исчезают последние субъективистские элементы дотирования воспроизводства рабочей силы и материальных средств производства. Общественное (и всеобщее-человеческое) воспроизводство обретает научный скелет, в целом.

Региональная органичность: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила - Производство”, структурируются в региональной системе коммунизованных ячеек (с научным уровнем рабочей силы) и Производственные отношения, имея характер коллективной собственности на процесс производства, научно обеспечиваются меж-региональной надстройкой, выравнивающей стоимостные показатели трудового обмена в зависимости от различия региональных природных условий. Продукт труда повсеместно получает объективную оценку. Объективный эквивалент трудового обмена приобретает мировое значение.

Человечество направлено на активное восстановление природных ресурсов и блокирование вредных космических воздействий. Создаётся околосемный (заселённый) космический щит.

9.14. Глобальная гармонизация.

Всемирный научный уровень производительных сил и глобальная коммунизация человечества характерны уже фазе Региональной органичности, Цивилизованно-коммунистической формации. В высшей же фазе этой формации наука направляется на формирование прочного, гармоничного земного базиса для освоения человеком дальнего космоса.

Глобальная гармонизация: Производительные силы в тандеме, “Рабочая сила - Производство”, структурируются в глобальной коммунизованной системе обще-человеческого воспроизводства, а Производственные отношения, выраженные коллективной

собственностью на процесс производства, в воспроизводстве рабочей силы приобретают научно обще-человеческий характер.

К этому времени повсеместно и всеобщее возникают условия полного раскрытия человечности в каждой личности. В функции с научным уровнем рабочей силы человечность создаёт возможность, наравне с коллективной оценкой трудовой деятельности, ориентироваться на общественную (здесь, всеобще-человеческую). В такой ситуации личность, морально и функционально связанная со своим коллективом (коммуной), в состоянии целенаправленно действовать в территориальном отрыве от него (не меняя коллектив). Этим готовится база для новой человеческой формации - “Космического центризма”.

Эта формация должна наступить тысячелетие спустя, если сейчас убежденные коммунисты сумеют организовать научным, диалектическим методом и не допустят глобальной катастрофы, которая уже перед глазами.

Настоящий же момент времени - критический - из стихийного в научное социальное развитие.

На представленной выше диаграмме социального развития (см. рис. 21 к разд. 9.) видно, что хронологическая кривая социального развития подошла к своему перегибу, к уровню государственной концентрации материальных средств производства. И тот неоспоримый факт, факт нынешней деградации, факт социального отката от государственной к отраслевой монополизации материальных средств, к частной демократизации от межотраслевой системности, уже может говорить о том, что происходит не перегиб в кривой, а её катастрофический излом, обрушение хода социального развития, крушение всех надежд гуманистов прошлого. И надвигающаяся (см. там же, рис.21) природная техногенная катастрофа, не предотвращенная коллективным разумом, ускорит нашу социальную и биологическую смерть.

Отвернуть от катастрофы наш социальный “самолёт” - человечество - способны лишь марксисты, владеющие диалектической логикой как грамотный лётчик штурвалом. Марксисты обязаны держать курс – на Коммунизм!